

По благословению митрополита
Екатеринодарского и Кубанского Исидора
Российское Дворянское Собрание
Дворянское Собрание Кубани
Свято-Екатерининский кафедральный собор

«Беззаветно тебя мы любили, святорусская наша земля...»

**Материалы
X Международных Дворянских чтений,
посвященных 100-летию
начала Первой мировой войны**

(25–26 октября 2014 г.)

г. Краснодар (Екатеринодар) 2014

ББК 63.3(2)524
УДК 94(470) «1914–1918»
БЗ9

Научный редактор:

Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета

Ответственный редактор:

Сухачева Елена Максимовна, Предводитель Дворянского Собрания Кубани, член Союза писателей Украины

Рецензенты:

Ратушняк Валерий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета

Еремеева Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Южного филиала НИИ Культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

БЗ9 **«Беззаветно тебя мы любили, святорусская наша земля...»:**
материалы X Международных Дворянских чтений. Изд-во
«Экоинвест». Краснодар, 2014. – 248 с.

ISBN 978-5-94215-175-1

ББК 63.3(2)524
УДК 94(470) «1914–1918»

ISBN 978-5-94215-175-1

© Дворянское Собрание Кубани, 2014
© Экоинвест, 2014

.....

Раздел I.

Российская империя в Первой мировой войне

.....

А.Б. Веригин (г. Краснодар, Россия)

Верховный главнокомандующий Русской армией и флотом Император Николай II

Одним из устоявшихся тенденциозных большевистских мифов о Государе Николае II является миф о его слабости. Но он блестяще опровергается анализом деятельности Царя на посту Верховного главнокомандующего Российской армией в годы Первой мировой войны.

В начале июня 1915 года положение на всех фронтах резко ухудшилось: была сдана ранее захваченная крепость Перемышль, оставлен Львов. В июле покинута Варшава, а затем и вся Польша, позже часть Литвы. И противник продолжал наступать. На этом фоне в августе 1915 года Николай II вопреки мнениям части генералитета, Совета министров и «прогрессивной общественности» издал приказ по армии и флоту о принятии обязанностей Верховного Главнокомандующего: «Сего числа я принял на себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий. С твердою верою в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамям земли Русской» [1].

Следует сказать, что еще с началом Первой мировой войны Государь регулярно выезжал в Ставку, ездил на юг России, Кавказский фронт, посещал воинские части действующей армии, перевязочные пункты, военные госпитали, тыловые заводы и все, что играло роль в ведении этой невиданной по масштабам войны. Член комиссии Русской православной церкви по вопросам богословия протоиерей Валентин Асмус, характеризуя воспитание Государя утверждает: «Можно сказать, что Николай II

получил настоящее военное воспитание, и настоящее военное образование. Он всю жизнь чувствовал себя военным, это сказывалось на его психологии и на многом в его жизни» [2].

И действительно, Цесаревич изучал военное дело с большим увлечением, старательно составляя конспекты, снабжая их многочисленными рисунками. Кроме того, будущий Государь в течение двух лет служил в Преображенском полку, где исполнял обязанности субалтерн-офицера, затем – ротного командира. Целых два сезона Николай Александрович служил взводным командиром в гусарском полку, был командиром эскадрона, а в рядах артиллерии провел один лагерный сезон. Государь любил воинскую службу, а военные любили своего Царя. Церковно-общественный деятель, дворянин и эмигрант Евгений Евлампиевич Алферьев отмечал, что «в армии принятие Государем Верховного командования было принято восторженно», а историк русской армии Антон Антонович Керсновский считал, что «... это было единственным выходом из создавшейся обстановки. Каждый час промедления грозил гибелью. Верховный главнокомандующий и его сотрудники не справлялись больше с положением – их надлежало срочно заменить. А за отсутствием в России полководца заменить Верховного мог только Государь» [3]. Уже будучи в эмиграции, умудренный сединами профессор и последний начальник штаба корниловской дивизии в Русской Армии барона Врангеля, Евгений Эдуардович Месснер вспоминал: «Глядя на Императора, каждый видел в Нем стосемидесятимиллионную Россию, Отчизну от Либавы до Владивостока. Не обожествляя, каждый видел в нем – говоря словами кавказской песни – Земного бога России, мощь России, ее величие, ее славу. Но к земно-божескому почитанию Николая Александровича добавлялась еще и особая любовь, возникавшая при лицезрении Его, хотя бы при мгновенном общении с Ним, любовь, которую пробуждали очевидные, ощутимые свойства этого добрейшего из Царей России — его милостивая улыбка, его ласковые глаза, его святительская душа» [4]. С мнением Месснера солидарен и русский генерал-лейтенант Александр Мосолов, который утверждал следующее: «Царь был не только вежлив, но даже предупредителен и ласков со всеми теми, кто приходил с ним в соприкосновение. Он никогда не обращал внимания на возраст, должность

или социальное положение того лица, с которым говорил. Как для министра, так и для последнего камергера, у Царя было ровное и вежливое обращение» [5]. В своих мемуарах Мосолов выделяет исключительные качества Государя как монарха, военачальника и державного отца Империи, утверждает, что Николай II хорошо осознавал положение дел на фронте и являлся профессиональным военным. Стоит отметить, что уже самые первые решения главнокомандующего Николая II привели к существенному улучшению положения на фронте. Генерал Иванов сообщал в Ставку: «Сегодня (25 августа 1915 г.) наша 11 армия (Щербачёва) в Галиции атаковала две германские дивизии ... было взято свыше 150 офицеров и 7000 солдат, 30 орудий и много пулемётов». «И это случилось сейчас же после того, как наши войска узнали о том, что я взял на себя верховное командование. Это воистину Божья милость, и какая скорая», – писал Император. «Всегда уравновешенный Государь и был причиной резкого улучшения положения на фронте после смены Верховного Командования» – объяснял стабилизацию фронта историк Кобылин. В Вильно-Молодечнеской операции (3 сентября – 2 октября 1915 года) Государь со своей Ставкой сумели прекратить крупное наступление немцев, в результате которого был захвачен город Борисов и остановлен натиск 10-й германской армии. Дворянин и историк Михаил Лемке приводит слова генерал-квартирмейстера Пустовойтенко: «Прежняя Ставка, при Николае Николаевиче и Янушкевиче, только регистрировала события; теперешняя, при Царе и Алексееве, не только регистрирует, но и управляет событиями на фронте, и в стране. Царь очень внимательно относится к делу».

Аналогичного мнения придерживался и уже упомянутый Евгений Алферьев отмечавший, что «своим присутствием в эпицентре грандиозных событий Государь вернул своей армии духовную силу для борьбы с внешним врагом. Та же духовная сила захватила и народные массы, возродила веру в победу и волю к труду по вооружению армии». Одно из первых распоряжений Императора Николая II касалось наведения порядка на фронте, где он требовал «не останавливаться ни перед какими мерами для водворения строгой дисциплины в войсках».

В начале октября Царь побывал на передовой в боевой линии Юго-Западного фронта, постоянно выезжал в дей-

ствующую армию, а затем с сыном отправился в города, где функционировала военная промышленность. Они посетили Ригу, Псков, Ревель, Витебск, Одессу, Могилёв, Тирасполь, Рени на Дунае, Херсон, Николаев. С огромным усердием и желанием поддерживали почин Государя и другие Романовы. Младший брат Царя Михаил Александрович в Первую мировую войну командовал кавалерийской «Дикой» дивизией, спал на простой солдатской койке с жесткими подушками, по утрам принимал холодные ванны, завтракал овсяной кашей, часто оставаясь голодным. Бойцы дивизии – представители горских народов, особенно гордились тем, что в бой их ведет брат Белого Царя. Сергей Михайлович Романов был полевым генерал-инспектором артиллерии при Верховном главнокомандующим, Александр Михайлович Романов заведовал авиационной частью в действующей армии. Генерал-лейтенант Георгий Михайлович Романов состоял при ставке Верховного главнокомандующего. Николай Николаевич Романов (младший) после отставки с поста главкома стал командовать войсками Кавказского фронта. Генерал-лейтенант Петр Николаевич Романов состоял при Ставке, а затем служил на Кавказе. Воевали добровольцами на фронтах Первой мировой пять сыновей великого князя Константина Константиновича Романова. Их всех объединяла глубокая религиозность и любовь к Отечеству.

Императрица с самого начала Великой войны посвятила себя раненым. Пройдя курсы сестер милосердия вместе со старшими дочерьми Великими Княжнами Ольгой и Татьяной, она по несколько часов каждый день ухаживала за ранеными в Царскосельском лазарете. Августейшие сестры выстаивали за операционным столом, были сиделками, выполняли любую тяжелую и грязную работу. Офицер пулеметной команды 10-го Кубанского пластунского батальона Семен Павлов, лечившийся в Собственном ее Величества лазарете вспоминал: «Высокие Сестры любили Свой лазарет. Любовь эта проявлялась на каждом шагу и не на словах, а на деле – в каждой мелочи обыденной жизни. Прежде всего, взять бы хотя одно: все свободное время Семья Государя отдавала раненым и больным воинам вообще и в частности, раненым и больным Своего лазарета ... Заботы и огорчения раненых весьма близко принимались Высокими Особами к сердцу. В

тяжелые минуты никто не умел так утешить человека, как Государыня. Простота Высоких Особ прямо очаровывала раненых, и они в свою очередь отвечали Им восторженным обожанием» [6]. Следует отметить, что решительные шаги Главнокомандующего Николая II остановили неблагоприятный ход войны. «История скажет, каким крестным путём, шла с какими сверхчеловеческими трудностями боролась летом 1915 г. наша армия», — свидетельствовал протопресвитер русской армии Георгий Шавельский. Генерал Краснов констатировал: «В Императорской армии была глубокая вера друг в друга. Первейший генерал и последний рядовой носят имя солдата. Это было свято. Этому верили, потому что видели Государя с Наследником в окопах под артиллерийским огнём...».

Деятельность Императора Николая II на посту Главнокомандующего дала великолепный результат. Уже через год русские войска смогли совершить великий по своему масштабу прорыв, названный Брусиловским по имени нового командующего Юго-Западным фронтом генерала Брусилова. «Войска чудно сражаются и многие батальоны и даже отдельные части проявляют столько героизма во время битвы, что трудно запомнить все случаи» — писал Николай II 19 июня 1916 года из Ставки. Во время подготовки и осуществления Брусиловского прорыва Главнокомандующий постоянно находился в Ставке, работая с бумагами, принимая доклады порой до двух-трех часов ночи. В итоге русские войска в Брусиловском прорыве взяли до полумиллиона пленных солдат и офицеров противника! На Кавказском фронте Императорской армии также сопутствовал успех, началось зимнее наступление на превосходящую почти более чем в два раза по численности турецкую армию. Эрзерумская наступательная операция, проведённая на трехсоткилометровой полосе горного участка с конца декабря 1915 года по 19 февраля 1916 г. завершилась полнейшим успехом. Кавказская армия пленила более 13 тысяч турецких солдат и офицеров, захватила 300 орудий и овладела крепостью Эрзерум.

Под руководством Государя Николая II была организована работа оборонной промышленности по обеспечению тяжёлого вооружения, блестяще налажена поставка на фронт необходимого количества снарядов и патронов с лета 1915

по осень 1916 года. Военный министр Дмитрий Савельевич Шуваев на заседании Государственной Думы 4 ноября 1916 года отмечал, что выпуск вооружения в 1916 году по сравнению с предыдущим годом увеличился следующим образом: «Трехдюймовые орудия в 8 раз, 48-линейные гаубицы в 4 раза, винтовки в 4 раза, 42-линейные снаряды в 7,5 раз, 48-линейные снаряды в 9 раз, шестидюймовые снаряды в 5 раз, трехдюймовые снаряды в 19,7 раз, взрыватели в 19 раз, 48-линейные и шестидюймовые фугасные бомбы – в 4 раза и в 16 раз. Взрывчатые вещества в 40 раз, удушающие средства в 69 раз». И в конце своего выступления под аплодисменты собравшихся Шуваев добавил: «Это – повелительные указания Державного Верховного нашего Главнокомандующего нашей доблестной армии ... Позвольте еще раз высказать полную уверенность старого солдата, что мы не только должны победить, мы победим, победим во что бы то ни стало».

В годы Великой войны Ставка Николая II располагалась на территории Могилевской губернии в городе Могилеве. Жил Государь в небольшом двухэтажном доме, где занимал две комнаты на втором этаже, одну используя под царский кабинет, другую под спальню. В Ставке не было времени на увеселительные мероприятия, одна лишь работа, бесконечные совещания, доклады и бумаги. Но Николай II с этим прекрасно справлялся, не имея даже личного секретаря. Генерал Курлов утверждал: «... Государь всем сердцем любил свои войска, душой отдыхал среди офицеров от тягот, сопряжённых с его положением». Другой человек, хорошо знавший Императора, генерал Воейков писал: «Любил же Государь посещать офицерскую среду из-за возможности встречаться с людьми, которых редко видел и с которыми мог вести непринуждённые разговоры об интересовавшей его военной жизни». Интересный факт: Государь так до конца жизни и носил звание полковника, так как считал невозможным самому себе повышать звание, тем более что полковничьи погоны он получил из рук любимого отца Императора Александра III в 1892 году. Пока в Ставке кипела напряженная работа и планировалось решающее наступление в 1917 году, генерал-квартирмейстер (заместитель начальника Полевого генерального штаба Германской империи), генерал-полковник Людендорф, оценивая военную обстановку на конец 1916

года, писал: «В результате реорганизации русской армии значительно возросла ее мощь....Верховному главнокомандованию придется считаться с тем, что неприятель в начале 1917 года будет подавляюще сильнее нас. Наше положение чрезвычайно тяжелое и выхода из него почти нет. Наше поражение казалось неизбежным».

Именно на таком фоне в стране произошел февральский переворот. Это не была спонтанная и всероссийская революция, что отмечал писатель Александр Солженицын: «Нигде, кроме Петрограда, не было предрасположения к восстанию. Февральская революция произошла как бы не в России, но в Петрограде, потом и в Москве за Россию, вместо неё, а всей России объявили готовый результат. Если б революция была стихийной и всенародной – она происходила бы повсюду ... К Февралю народ ещё никак не утерял монархических представлений, не был подготовлен к утере царского строя» [7]. Дадим слово нашим идеологическим оппонентам. Советский писатель и журналист Михаил Кольцов в двадцатые годы был в стане победителей, тех, кто истреблял Романовых «как класс», кто всячески клеветал и унижал память последнего Царя, поэтому для нас интересен тот неожиданный вывод, к которому он пришел: «Где тряпка? Где сосулька? Где слабовольное ничтожество? В перепуганной толпе защитников трона мы видим только одного верного себе человека – самого Николая. Нет сомнения, единственным человеком, пытавшимся упорствовать в сохранении монархического режима, был сам монарх. Спасал, отстаивал Царя один Царь. Не он погубил, его погубили».

В те окаянные дни генерал-майор Александр Спиридович, будучи начальником императорской дворцовой охраны, сказал прекрасные слова: «Наши генералы, так часто кокетничающие словами «я солдат», забыли эти замечательные простые слова, именно, в тот момент, когда должны были сказать – мы можем дать советы по вопросу наступать или отступать, но по вопросу отречения благоволиите обратиться в Сенат, Государственный Совет — мы не компетентны, мы «солдаты». Они же ... Не только не ответили так на вопрос об отречении, они имели смелость поднять этот вопрос, который был совершенно вне их компетенции, выше их политического разума» [8]. Отметим, что наши так называемые со-

юзники по Антанте не желавшие победы России, и ее послевоенного усиления, с первых дней переворота начали поддерживать мятежников. Англия и Франция еще 1 марта 1917 года официально через своих послов заявили что «вступают в деловые сношения с Временным Исполнительным Комитетом Государственной Думы, выразителем истинной воли народа и единственным законным временным правительством России» [9]. Британский премьер-министр Ллойд Джордж, выступая в английском парламенте, «с чувством живейшей радости» приветствовал свержение русского Царя: «Британское правительство уверено, что эти события начинают собою новую эпоху в истории мира, являясь первой победой принципов, из-за которых нами была начата война»; «громкие возгласы одобрения раздались со всех мест» [10].

Радовался и неприятель: «Огромная тяжесть свалилась у меня с плеч», — записал в своём дневнике генерал Людендорф. И действительно, лишь февральский мятеж не позволил России выиграть Первую мировую войну. С заменой Верховного главнокомандующего Государя Николая II и его отречением не стало Царя на престоле, а фронт в итоге рухнул. Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс, одна из организаторов и член Центрального Комитета партии кадетов, активная участница февральских событий писала: «Когда упала корона, многие с изумлением заметили, что ею заканчивался, на ней держался центральный свод русской государственности ... Заполнить опустошение оказалось не под силу кадетам» [11]. Анализируя произошедшие события, интересно ознакомиться с точкой зрения американского ученого Ричарда Пайпса о том, что Николай II отрекся из патриотических соображений, желая спасти русскую армию от разложения, причем он обсуждал это действие не с Думой и ее Временным правительством, а с генералом Алексеевым и командующими фронтами. Исследователь утверждает, что если бы Царь заботился в первую очередь о сохранении трона, он мог скоропалительно заключить мир с немцами и бросить войска с фронта на усмирении бунта в Петрограде и Москве. В итоге, Государь предпочел отказаться от короны ради спасения фронта и продолжения борьбы с внешним врагом. «Мало эпизодов Великой войны, — писал Уинстон Черчилль, — более поразительных, нежели воскрешение, пере-

вооружение и возобновленное гигантское усилие 1916 года. Это был последний вклад русского Царя и русского народа в дело победы ... В марте Царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна. Тот строй, который в нем воплощался, которым он руководил, которому своими личными свойствами он придавал жизненную искру – к тому моменту выиграл войну для России ... Держа победу уже в руках, Россия пала на землю заживо, как древле Ирод, пожираемая червями». Это признавали и сами заговорщики. Так, лидер кадетов и по совместительству министр иностранных дел Временного правительства Павел Милюков писал в декабре 1917 года: «Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войною для производства переворота было принято нами вскоре после начала этой войны. Заметьте также, что ждать больше мы не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования» [12]. «Если бы Россия в 1918 году осталась организованным государством, все дунайские страны были бы ныне лишь русскими губерниями, – сказал в 1934 году канцлер Венгрии граф Бетлен. – Не только Прага, но и Будапешт, Бухарест, Белград и София выполняли бы волю русских властителей. В Константинополе на Босфоре и в Катарро на Адриатике развевались бы русские военные флаги. Но Россия в результате революции потеряла войну и с нею целый ряд областей ...».

В заключении хотелось бы несколько слов сказать о трогательном моменте прощания Государя Николая II со своей Ставкой. Генерал-лейтенант Свиты Дмитрий Николаевич Дубенский вспоминал: «Весь зал был переполнен, стояли даже на лестнице и при входе... Его Величество был окружен со всех сторон. Около него находился генерал Алексеев, в его глазах были слезы. Государь немного помолчал, затем при глубочайшей тишине своим ясным, звучным голосом начал говорить....Уже при первых звуках голоса Государя слышались рыдания, и почти у всех были слезы на глазах, а затем несколько офицеров упало в обморок, начались истерики, и весь зал пришел в полное волнение, такое волне-

ние, которое охватывает близких при прощании с дорогим, любимым, но уже не живым человеком... Государь начал обходить команду, которая так же, как и офицерский состав Ставки, с глубокой грустью расставалась со своим Царем, которому они служили верой и правдой. Послышались всхлипывания, рыдания, причитания; я сам лично слышал, как громадного роста вахмистр, кажется, кирасирского Его Величества полка, весь украшенный Георгиями и медалями, сквозь рыдания сказал: «Не покидай нас, батюшка». Все смешалось, Государь уходил из залы и спускался с лестницы, окруженный толпой офицеров и солдат. Я не видел сам, но мне рассказывали, что какой-то казак-конвонец бросился в ноги Царю и просил не покидать России. Государь смутился и сказал: «Встань, не надо, не надо этого». Генерал-майор Донской армии Михаил Георгиевич Хрипунов вспоминал: «Я имел счастье быть флигель-адъютантом с 23 ноября 1915 г. до печальнейшего дня скорби Российской – вынужденного отречения от трона моего Государя».

Генерал Воейков написал о нашем Императоре Николае II: «...Личность Царя не была справедливо оценена его подданными ... всю красоту его нравственного облика поймут только будущие поколения ... Также поймут и оценят в будущем Государя Николая II и все народы мира. Он пал жертвою натиска интернационалистов, встретивших единодушную поддержку со стороны чужестранцев: всем им было на руку падение великой России на пути к её расцвету и прогрессу под скипетром «Белого царя». А генерал-лейтенант Лохвицкий уже в эмиграции изрек: «Девять лет понадобилось Петру Великому, чтобы Нарвских побежденных обратить в Полтавских победителей. Последний Верховный Главнокомандующий Императорской Армии – Император Николай II сделал ту же великую работу за полтора года».

В столетнюю годовщину с момента начала Великой войны важнейшей задачей нашего общества является восстановление исторической справедливости и памяти о павших героях, воспитание подрастающего поколения на многих тысячах примеров беззаветного героизма солдат и офицеров Царской армии, а также развенчание созданных большевиками мифов и предрассудков, укоренившихся в массовом сознании более, чем за семьдесят лет.

Примечания

1. 23 августа 1915. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 619. Л. 1
2. Мифы о Святом Царе-Страстотерпце Николае II // Православный вестник М., 2010. № 6,
3. *Мультатули П.В.* «Господь да благословит решение мое...»... Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб., 2002.
4. *Месснер Е.Э.* «Хочешь мира, победи мятежвойну!». М., 2005. С. 423-437
5. *Мосолов А.А.* При дворе последнего Российского Императора: Записки начальника Канцелярии Министерства Императорского двора. Montreal, Literary heritage, 2014. С. 20-22
6. *Топорков С.А.* Страница воспоминаний // Военно-исторический вестник. Париж. 1953. № 2. С. 40-44
7. *Солженицын А.И.* Размышления над Февральской революцией // Российская газета. № 4303. 27.02.2007.
8. *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция 1914-1917 годов. Нью-Йорк. 1-3 книги. 1960-1962 гг.
9. Биржевые ведомости. 5.03.1917..
10. Новое время. Петроград. 9.03.1917.
11. Грани. 1980. № 130.
12. Письмо П.Н. Милюкова бывшему члену Совета монархических съездов И.В. Ревенко // Коняев Н.М. Гибель красных Моисеев. Начало террора. 1918 год. М., 2004.

Э.М. Далгат (г. Махачкала, Россия)

Горцы Северного Кавказа на фронтах Первой мировой войны

XX век вошёл в историю, как век больших достижений, больших открытий человечества, но и как век, который сотрясали две мировые войны. О Великой Отечественной войне написано много, её героев, погибших и доживших до наших дней, чтят, им возведено много памятников, их имена занесены в Книги Памяти.

Другое отношение сложилось к Первой мировой войне: она и её герои оказались забытыми. На территории России, которая понесла в этой войне самые большие потери, нет ни одного памятника героям Первой мировой.

Вышли отдельные книги, посвященные этой войне, в том числе двухтомная работа «История Первой мировой войны 1914–1918 гг.» под редакцией И.И. Ростунова [1].

В работах, вышедших в советское время, акцент делался на империалистическом, захватническом характере войны, развязанной Германией с целью передела сфер влияния, захвата новых колоний, а судьбы людей, втянутых в водоворот событий войны, перемолотых в её безжалостных жерновах, оказались вне поля зрения историков.

Среди забытых страниц истории Первой мировой войны было и участие в ней горцев Северного Кавказа. Мусульманское население Кавказа было освобождено от призыва в армию, вместо этого они платили военный налог [2]. Вопрос о введении среди горцев воинской повинности обсуждается в Петербурге в 80-е годы XIX в. По этому вопросу существовали разные точки зрения. Возобладало мнение, что вооружать и обучать военному делу горцев Северного Кавказа опасно, поскольку ещё была свежа в памяти Кавказская война, антиколониальное восстание 1877 г., и было решено: вместо воинской повинности ввести воинский налог [3]. Вместе с тем, горцы имели право добровольно служить в русской армии. Ещё в 1852 г. был создан Дагестанский конный полк. Это была иррегулярная воинская часть в составе русской армии. После начала Первой мировой войны создать Кавказский туземный конный полк из горцев Северного Кавказа предложил Наместник Кавказа И.И. Воронцов-Дашков.

Это был выдающийся государственный и политический деятель эпохи Императоров Александра III и Николая II, близко стоящий к дому Романовых. Именно графу И.И. Воронцову-Дашкову в качестве Наместника было поручено в 1905 г. умиротворить Кавказ, охваченный революционным движением.

Будучи, по оценке С.Ю. Витте, «человеком довольно либерального направления» [4], И.И. Воронцов-Дашков сумел за короткое время умиротворить Кавказ, провел ряд реформ, способствующих его социально-экономическому развитию, а также много сделал для подготовки Кавказской армии к ведению современной войны [5].

Мудрый и дальновидный политик И.И. Воронцов-Дашков считал, что «основой здоровой политики на Кавказе является, безусловно, доверие к общественным силам и добро-

желательное отношение ко всем народностям края, без различия национальности и религии» [5].

За 10 лет управления Кавказом Наместник смог хорошо узнать его народы, он высоко ценил храбрость и отвагу горцев, их верность клятве, самоотверженность. Поэтому, когда началась Первая мировая война, у него возникла идея создания Конной дивизии из горцев Северного Кавказа.

26 июля 1914 г. через военного министра В.А. Сухомлинова И.И. Воронцов-Дашков обратился к Императору с предложением сформировать воинские части из «воинственных кавказских народов». 27 июля, т.е. буквально на следующий день, Император Николай II «Высочайше соизволил сформировать из туземцев Кавказа и Закавказья на время военных действий несколько полков».

На формирование Конной дивизии ушел месяц. Наблюдать за этим процессом приехал брат Царя, 35-летний Великий князь Михаил Александрович, которого назначили командиром Конной дивизии. Это был человек популярный среди аристократии, поэтому большинство командных постов в дивизии заняли представители старинных родовитых фамилий. Среди них были князья Гагарин, Святополк-Мирский, графы Воронцов-Дашков (сын наместника Кавказа), Михаил Толстой (сын великого писателя), Половцев, Ладыженский, Старосельский, принцы Наполеон-Мюрат, персидский принц Фейзула Мирза Каджар, польский князь Радзивил. Кроме того, в дивизии служили родовитые кавказцы: грузинские князья Чавчавадзе, Багратион, Амилахвари, горская знать – ханы Эриванские, шамхал Тарковский, Бекович-Черкасский и т.д.

В дивизии, где каждый второй был родовитым аристократом, царили полный демократизм, и главным мерилом были реальные боевые заслуги.

23 августа 1914 г. Император Николай II подписал приказ о создании единственного в Русской армии территориального формирования. Дивизия состояла из 3-х бригад и 6 конных полков: в 1-ю бригаду входили Кабардинский и 2-й Дагестанский конные полки. Во 2-ю бригаду – Татарский (из азербайджанцев Бакинской и Елисаветпольской губернии) и Чеченский конные полки. В 3-ю бригаду – Черкесский и Ингушский конные полки.

Отцы и деды всадников Кавказской конной дивизии в годы Кавказской войны сражались с русской армией, были

её врагами. Прошло не так много времени, и Дагестан и Чечня интегрировались в российское экономическое и культурное пространство, горцы довольно быстро адаптировались к жизни в рамках нового, большого и сильного государства, каким была Россия, оценили преимущество этого [3].

И вот новое поколение дагестанцев, чеченцев, ингушей добровольно, без всякого принуждения, сражается в рядах русской армии, защищая свою Родину от общего врага. Нуждалась ли русская армия в Кавказской конной дивизии. Скорее всего – нет. Это было скорее политическое решение. Императорская Россия проводила национальную политику, целью которой была консолидация народов Северного Кавказа и их интеграция в российское общество.

К концу 1914 г., после 4-х месячного обучения личного состава Кавказскую туземную конную дивизию отправляют на Юго-Западный фронт, где шли ожесточенные бои с австрийцами. Стратегические расчеты на скоротечность войны рухнули. Вместо завершения войны в 6-8 недель, по замыслу германского генерального штаба, военные действия растянулись до конца 1914 года, и окончания их не было видно [6].

Кавказская дивизия сразу хорошо зарекомендовала себя. Всадники дрались с отчаянной храбростью. Одним своим именем дивизия наводила ужас по всему Восточному фронту. В сознании европейцев был прочно укоренен образ дикого азиатского всадника, не знающего пощады.

В 1914 и 1915 гг. дивизия вела тяжелые бои в районе Ломна-Лутовиска, на реке Ломнице, у города Станиславов, и участвовала во многих военных операциях. В мае-июне 1916 г. всадники Конной дивизии принимали участие в знаменитом Брусиловском прорыве. Генерал А.А. Брусилов очень высоко ценил горцев за их беззаветное мужество, самоотверженность.

Горцам пришлось воевать в Галиции, Карпатах, Румынии, на венгерской земле [7].

В ноябре 1915 г. Петроградское телеграфное агентство сообщало: «Наши кавказские горцы наводят страх на венгров... Горцы решительно отказываются уступить кому-либо первенство под неприятельским огнем». Современники отмечали, что в ходе боев стали выявляться особенности, характерные для разных полков дивизии.

Так, ингуши отличались замечательной способностью к ночным переходам и боям, но были впечатлительны, как пи-

шет современник, к артиллерийскому огню; дагестанцы — не любили действий в конном строю, но проявили себя в пешем бою, как несравненная пехота. Старые боевые офицеры говорили, что никакой огонь не в состоянии вынудить к отходу окопавшихся дагестанцев. Всадники Конной дивизии никогда не оставляли на поле боя своих раненных или убитых и выносили их, несмотря на огонь.

Другой отличительной чертой всадников было чувство собственного достоинства и полное отсутствие подхалимства. Выше всего они ценили храбрость и верность. За все годы войны не было ни одного случая дезертирства из Конной дивизии.

За годы Первой мировой войны 3500 всадников Конной дивизии были удостоены Георгиевских крестов и Георгиевских медалей «За храбрость». 7 дагестанцев стали полными Георгиевскими кавалерами.

Интересен такой факт: для инородцев в Российской империи был предусмотрен крест с изображением не Святого Георгия-защитника христиан, а с государственным гербом. Всадники очень возмущались тем, что им вручает «птичку» вместо «джигита» и, в конце концов, добились своего.

За годы войны через ряды Конной дивизии прошло около 7000 горцев. Дивизия несла большие потери [8].

Всадники полка получали высокое жалованье — 20 руб. в месяц. За каждый Георгиевский крест добавлялось 3 рубля.

Все годы Первой мировой войны сердце Кавказа билось в такт с сердцем России и русского народа. Несмотря на смешанный этнический состав офицеров в полках Конной дивизии, все считали себя членами единой полковой семьи — русскими офицерами.

После Февральской революции, отречения от престола Императора Николая II и его брата Великого князя Михаила, недавнего начальника дивизии, брожение охватило Российскую армию, но Кавказская конная дивизия сохранила дисциплину.

21 августа 1917 по приказу генерала Л.Г. Корнилова Кавказская конная дивизия была переформирована в Кавказский туземный конный корпус во главе с генералом П.А. Половцевым. Для этого в состав дивизии были переданы Дагестанский и два Осетинских конных полка.

В августе 1917 г. генерал Л.Г. Корнилов хотел использовать Кавказскую конную дивизию для взятия Петрограда. Но это-

го сделать не удалось. Всадники не желали участвовать в междоусобной борьбе и воевать против русских. Из Владикавказа пришла телеграмма ЦК Союза объединенных горцев Кавказа, запрещавшего «под страхом проклятия ваших матерей и детей принимать участие во внутренней войне, учиняемой с неизвестными вам и нам целями». Конная дивизия отказалась участвовать в мятеже. Корниловский мятеж был подавлен.

В сентябре-октябре 1917 г. части и подразделения корпуса по приказу А.Д. Керенского были переброшены на Кавказ. Штаб корпуса находился во Владикавказе, а штаб 1-й Кавказской туземной конной дивизии в – Пятигорске. К январю 1918 г. Кавказский туземный конный корпус прекратил своё существование.

Кавказская конная туземная дивизия является ярким примером братского содружества народов Северного Кавказа, примером межнационального согласия, когда русские и представители различных народов Кавказа отважно защищали свою общую Родину Россию от врага. Будет справедливым увековечить память героев Первой мировой войны установлением памятника всадникам Кавказской туземной конной дивизии.

Примечания

1. История Первой мировой войны 1914-1918 гг. / Под ред. И.И. Ростунова. М., 1975.

2. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 267.

3. *Далгат Э.М.* Крестьянство Дагестана на рубеже XIX – XX в. Проблемы социально-экономического развития. Махачкала, 2000. С. 209.

4. *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. М., 1991. С. 366.

5. Исмаил-заде Д.И. И.И. Воронцов-Дашков Кавказский наместник. М., 2005. С. 123–125.

6. *Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф.* Первая мировая война 1914–1918 гг.. М., 1964. С. 98.

7. *Абдулаева М.И.* Участие дагестанских конных полков в Первой мировой войне // Первая мировая война: великая и, неизвестная. Материалы международной научно-просветительской конференции. Краснодар, 2014. С. 6, 7.

8. *Махмудов М.Г.* Участие Дагестанских конных полков в Первой мировой войне. Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2000. С. 69.

Тагаурские алдары на фронтах Первой мировой войны

На рубеже XIX–XX вв. российская конница лидировала в мире по боевым качествам и по числу всадников. С началом Первой мировой войны в 1914 г. командующий Кавказским военным округом граф И.И. Воронцов-Дашков предложил Императору Николаю II «мобилизовать воинственные кавказские народы».

На основании Высочайшего указа от 23 августа 1914 года на территории Северного Кавказа из добровольно прибывавших на фронт кавказцев стали формировать полки знаменитой Кавказской Туземной дивизии, известной в истории как «Дикая дивизия». Она была сформирована из шести четырехсотенных полков: Ингушского, Чеченского, Татарского, Черкесского, Кабардинского и 2-го Дагестанского. Составившие ее горцы являли чудеса храбрости. Дивизия быстро прославилась на весь мир. Во главе дивизии стоял брат Императора, Свиты Его Величества генерал-лейтенант Великий князь Михаил Александрович [1].

Состав дивизии был интернациональным. В ней состояли кабардинцы, балкарцы, русские, украинцы, белорусы, осетины, поляки, татары, армяне и грузины. Служить в ней почитали для себя за честь представители самой родовитой русской, кавказской и европейской аристократии.

По сообщению газеты «Терские ведомости» в феврале 1916 г., всадники поражают всякого, кто первый раз сталкивается с ними. «Их своеобразные взгляды на войну, их легендарная храбрость, доходящая до чисто легендарных пределов, и весь колорит этой своеобразной воинской части, состоящей из представителей всех народов Кавказа, не могут быть никогда забыты» [2]. В истории «Дикой дивизии» нет ни единого случая даже единоличного дезертирства. Георгиевских крестов и Георгиевских медалей «За храбрость» были удостоены около 3500 всадников [3].

Активное участие в Первой мировой войне приняли и представители привилегированного сословия Тагаурского общества Северной Осетии – тагаурские алдары. Представители алдарских фамилий служили как в составе подраз-

делений Дикой дивизии, 1-го Сунженско-Владикавказского Генерала Слепцова полка, так и в других частях Российской Императорской армии:

Джемал-Эд-Дин Мамсурович Кануков, окончил Николаевское Кавалерийское Училище [4]. Высочайшим приказом от 29 октября 1914 г. корнет Лейб-гвардии Уланского Его Величества Полка Джемал-Эд-Дин Кануков переведен в Кабардинский Конный Полк, со старшинством с 6 августа 1912 г. [5]. Представлен к ордену Св. Станислава II ст. с мечами и бантом 29 мая 1915 г. № 1716 [6]. Приказом по КТКД № 158 от 6 мая 1916 г., приказом войскам IX Армии за № 168 от 21 апреля того же года, командующим Армией по Высочайше предоставленной власти за отличия, оказанные в боях против неприятеля за период с 1 июня по 31 декабря 1918 г. корнет Кабардинского конного полка Джемал Кануков был награжден орденом Св. Анны II ст. с мечами [7]. Высочайшим приказом войскам от 14 февраля 1916 г. корнет Кабардинского конного полка Дж. Кануков награжден орденом Св. Анны III ст. с мечами и бантом [8]. После революции эмигрировал в Турцию.

Ибрагим Кавдынович Кануков (1875–1933), поручик, начальное образование получил во Владикавказском частном пансионе [9]. Приказом по Кабардинскому Конному полку Кавказского Туземного Корпуса за № 33 от 30 сентября 1914 г. младший унтер-офицер из вольноопределяющихся И. Кануков зачислен в списки 4-й сотни Кабардинского Конного полка под командованием кн. Бековича-Черкасского.

Звание присвоено на основании приказа по Военному ведомству за № 587 от 9 сентября 1914 г. [10]. Приказом командира Кабардинского Конного полка полковника графа Воронцова-Дашкова за № 108 от 20 ноября 1914 г. унтер-офицер 4-й сотни И. Кануков за знание службы и отличие в боях произведен в старшие унтер-офицеры [11].

В рапорте командиру 2-го Кавказского кавалерийского корпуса от 18 декабря 1915 г. начальник штаба Кабардинского конного полка ходатайствовал о производстве вольноопределяющегося унтер-офицера И. Канукова в прапорщики милиции за отличия, оказанные в делах против неприятеля [12]. В 1916 г. согласно «Списку нижних чинов Кавказской Туземной конной дивизии» младший урядник Кабардинского конного полка представлен к Георгиевскому кресту IV ст. на основании 17 ст. статута

[13]. В 1916 г. он являлся начальником службы связи Кавказской Туземной Конной Дивизии. Приказом войскам IX Армии от 27 февраля 1916 г. командующий Армией по Высочайше предоставленной власти за отличие в делах против неприятеля наградил орденом Св. Анны III ст. с мечами и бантом прапорщика Кабардинского конного полка И. Канукова [14]. Награжден орденом Св. Станислава II ст. с мечами – 23 июля 1916 г. За бои с 17 по 21 октября 1916 г. приказом за № 6756 от 30 октября 1916 г. корнет И. Кануков произведен в чин поручика [15]. В первом браке был женат на дочери дигорского царгасата Муслимат Темболатовне Кантемировой (от этого брака сын Эльдар), во втором – на дочери дигорского баделята Мисирхан Амирхановне Тугановой (от этого брака дочери: Пашахан и Насипхан), в третьем – на дочери тагаурского алдара Даухан Камболатовне Мамсуровой (от этого брака сын Ахберд и дочь Фариза).

*Ибрагим Кавдынович Кануков.
Личный архив Фаризы Ибрагимовны Кануковой*

Дзамболат (Дзона) Бат-Гиреевич Кануков (1875–1919), летчик, полковник авиации, герой Первой мировой войны [16]. После 1917 – один из создателей ВВС Украинской Народной Республики, командир авиаполка. Единственный осетин среди лётчиков-асов в Российской империи. Добровольцем отправился на фронт и был зачислен в 22-й пехот-

ный Нижегородский полк, где за боевые отличия был произведен в офицеры. 25 июня он был переведен наблюдателем в 17-й Корпусной авиаотряд. С 17 октября 1915 по 7 августа 1916 года Дзамболат Бат-Гиреевич обучался в военной авиационной школе. 8 июня, в одном из учебных полетов он потерпел аварию, но остался жив и, успешно окончив школу, получил звание «военный летчик». С этого времени он был прикомандирован к 14-му Корпусному авиаотряду. 24 марта 1917 года он был назначен командиром 30-го Корпусного авиаотряда. В ноябре 1918 г. при формировании Украинской Галицкой армии (УГА) был создан «летунский отдел». Его возглавил сын выдающегося украинского поэта и писателя Ивана Франко – Петр Франко, который окончил Сараевскую летную школу и ранее служил в Австро-Венгерской армии. Командиром 1-го летунского отряда стал полковник Борис Губер. В декабре 1918 года в этот авиаотряд в чине полковника поступил Дзамболат Кануков, который стал командиром 1-й летунской сотни, а чуть позже командиром полка.

*Дзамболат Бат-Гиреевич Кануков.
Личный архив Феликса Сергеевича Киреева*

15 мая 1919 года полковник Кануков погиб в авиакатастрофе возле села Озерна, рядом с Тернополем. Во время полета по поиску площадки для размещения нового аэродрома авиаполка его самолет неожиданно начал падать с высоты 500 метров и разбился. Вместе с ним погибли два механика.

Как выяснилось, Кануков погиб в результате диверсии другого летчика – австрийца Кубиша, которого подозревали в симпатиях к коммунистам. Он-то и засыпал в мотор самолета металлическую стружку. Виновник происшествия пытался бежать на своем самолете, но сотник Евский догнал его и сбил [17].

Хаджи-Мурза Адиль-Гиреевич Шанаев, подполковник, был представлен к этому чину в возрасте 25 лет. Выпускник Полтавского кадетского корпуса, участник Первой мировой войны, откуда вернулся полным Георгиевским кавалером, награжденным и другими боевыми наградами. Орден Св. Георгия штабс-капитан 3-го Кавказского стрелкового полка Хаджи-Мурза Шанаев получил 12 августа 1917 г. [18]. На этот момент он являлся заместителем командира 2-го Осетинского полка. В годы Гражданской войны, не приняв революцию, эмигрировал в Турцию [19].

Асланбек (Биби) Ибрагимович Шанаев (род. в 1882 г.), участник Первой мировой войны, награжден Георгиевским крестом. Эмигрировал в Турцию, не приняв революцию. С братом Русланом явились прототипами героев картины К.Л. Хетагурова «Дети на каменоломне» [20].

Бимболат Адиль-Гиреевич Шанаев (род. в 1894 г.), офицер Российской Императорской армии. Окончил Полтавский кадетский корпус, участник Первой мировой войны, был представлен к боевым наградам [21]. Был женат на дочери тагаурского алдара Кошерхан Жантиевой. Брак был бездетным. 29 апреля 1927 г. приговором областного суда СОАО осужден на 6 лет [22]. В 1937 г. был арестован в г. Махачкала, где он в то время работал финансистом, и расстрелян.

Тамерлан Джетагазович Тхостов (род. 4 января 1885 г. – июль 1923 г.), поручик. Общее образование получил во Владикавказской классической гимназии. Окончил Военное Тверское юнкерское училище по первому разряду. Нижний чин получил 1 сентября 1904 г. Чин корнета – 6 августа 1910 г., со старшинством – 6 августа 1909 г. В чине поручика с 10 сентября 1913 г., со старшинством – с 6 августа 1913 г. Был награжден орденом Св. Анны III ст. с мечами и бантом. Служил в Кабардинском конном полку во втором эскадроне [23]. После революции эмигрировал в Европу. Жил в Югославии. Похоронен в г. Белград, о чем сообщалось в газете «Новое время», № 699 за 26 августа 1923 г. [24].

Эльберд Иналович Дударов (род. 12 января 1876 г.), подполковник, служил в Гвардейском отделении Артиллерийского дивизиона 1-й Артиллерийской бригады Санкт-Петербургского Гвардейского корпуса. С 1903 г. по 1909 г. в чине Гвардии поручика находился в должности офицера-воспитателя Владикавказского кадетского корпуса. В 1911 г. представлен к званию подьесаула, в 1911г. – к званию капитана, в 1914 г. – к званию подполковника.

*Елиза Гирь, Эльберд Иналович Дударов,
Инал Кудабердович Дударов.*

Личный архив Асланбека Зелимхановича Карабугаева

Участник Первой мировой войны: в 1915 г. Эльберд Дударов ушел на фронт добровольцем [25].

Солтан Татарханович Жантиев (род. в 1888 г.), кавалер трех Георгиевских крестов, участник Первой мировой войны. Служил в Осетинском конном полку Терского казачьего войска. В «Списке нижним чинам Осетинского конного полка» за 1915 г. значится младшим урядником команды службы связи [26].

Примечания

1. *Брешко-Брешковский Н.Н.* Дикая дивизия. Рига, 1920. С. 8.
2. Терские ведомости. 1916. Февраль.
3. *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия. 1914–1917. Возвращение из забвения... Нальчик, 1999. С.11.
4. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.276. Тетр.12. С.50.

5. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.282. Тетр.30. С.23.
6. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.277. Тетр.31. С.2.
7. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.276. Тетр.24. С. 26 об.
8. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.276. Тетр.24. С.24 об.
9. ЦГА РСО-А. Ф.30. Оп.1. Д.74. Л.94.
10. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.275. Тетр.3. С.67-68.
11. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.282. Тетр.30. С.52.
12. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.277. Тетр.21 С.71.
13. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.277. Тетр.21. С.70.
14. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.276. Тетр.24. С.24 об.
15. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.277. Тетр.31. С.70.
16. ЦГА РСО-А. Ф.297. Оп.1. Д.17. Л.5.
17. *Киреев Ф.* // <http://forumkavkaz.com/index.php?topic=4919.0/>
18. *Киреев Ф.С.* Герои и подвиги: Уроженцы Осетии в Первой мировой войне. Владикавказ, 2010. С. 82.
19. *Кубатиев Т.-Б. И.* Мемуары мухаджира. Анкара, 2005. С.71.
20. *Шанаева Е.М.* Сквозь годы и века: Родословная Шанаевых. Влдаикавказ, 2006. С.152,154.
21. Там же. С.156.
22. Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Т.III. Владикавказ, 2007. С. 286.
23. НА СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.275. Тетр.5-а. С.50 об.
24. *Чуваков В.Н.* Незабываемые могилы. Т. 6. Кн.2. М., 2006. С. 515.
25. Национальный музей РСО-А. Ф.4. Оп.1. Д.440. Л.56.
26. ЦГА РСО-А. Ф.54. Оп.11. Д.62. Л.95.

Ш.М. Батчаев (г. Карачаевск, Россия)

Участие представителей рода Соколовых-Крым-Шамхаловых в Первой мировой войне

Первая мировая война (1914–1918), получившая в Российской империи эпитеты «Великая» и «Вторая Отечественная», многие годы была в нашей стране предана забвению. Забыты были и героические подвиги ее участников – солдат и офицеров. Лишь с началом демократизации общественной жизни историческая наука обратилась к славным страницам военной истории России.

Род терских и кубанских казаков Соколовых, происходящих из карачаевского княжеского рода Крым-Шамхаловых,

начиная со своего родоначальника – Бай-Мырзы Крым-Шамхалова (после крещения – Никифора Соколова), верно и преданно служили Российской державе. Они участвовали во всех войнах России, начиная с конца XVIII и до установления Советской власти в XX в. Активное участие они приняли в Первой мировой войне, проявив себя настоящими патриотами.

Михаил Августович родился 25 октября 1871 г. в ст. Горячеводской. Получил среднее образование в Пятигорской гимназии. В службу вступил вольноопределяющимся в 1-й Сунженско-Владикавказский казачий полк (17.04.1890). Произведен в урядники (20.07.1892), старшие урядники (29.12.1892). В 1894-1896 гг. обучался в Ставропольском казачьем юнкерском училище, окончив которое по 1-му (высшему) разряду, был произведен в подхорунжие с назначением в 1-й Сунженско-Владикавказский генерала Слепцова казачий полк (12.09.1896). Переведен в 45 (18)-й драгунский Северский короля датского Христиана IX-го полк с переименованием в эстандарт-юнкера (28.08.1897).

М.А. Крым-Шамхалов-Соколов был произведен в корнеты (5.05.1898) со старшинством 1.09.1896 г., поручики (29.08.1901) со старшинством 1.09.1900 г., штабс-ротмистры (1.09.1904). Занимал различные должности в полку: заведующий полковым оружием и лазаретом, заведующий полковыми мастерскими, полковой квартирмейстер (1898-1904), временно командовал 2-м эскадроном полка (2.07. – 16.07.1900, 4.01. – 18.01.1904). Принимал участие в русско-японской войне 1904-1905 гг. За проявленное мужество награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (5.08.1905); Св. Станислава 3-й степени с мечами (12.09.1905), а также светло-бронзовой памятной медалью.

По окончании войны вернулся в свой полк, где занимал различные должности (02.10.1906). Командирован для получения образования офицерскую кавалерийскую школу (1906–1908), которую окончил успешно с награждением нагрудным знаком. По возвращению в полк М.А. Крым-Шамхалов-Соколов был назначен начальником полковой команды (1908-1911), затем командиром 5-го эскадрона (16.10.1911), произведен в чин ротмистра (6.03.1912) со старшинством – 1.09.1908 г. [1].

М.А. Крым-Шамхалов-Соколов являлся активным участником Первой мировой войны, в составе полка сражал-

ся на Западном и Кавказском фронте. За отвагу в боях был награжден орденами: Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом; Св. Станислава 2-й степени с мечами и бантом; а за бой 8 ноября 1914 г. у д. Брезина был награжден высшей офицерской наградой – орденом Св. Георгия 4-й степени (7.04.1915) [2]. Отметим, что в полку кроме него за все время боевых действий (1914-1917) данной наградой был награжден лишь один офицер [3]. В 1916 г. был произведен в подполковники, в 1917 г. в полковники [4].

Следует отметить, что одним из взводов эскадрона М.А. Крым-Шамхалова-Соколова командовал адыгский офицер Кучук Улагай, а вахмистром этого взвода был будущий командир Первой конной, «главный кавалерист» СССР, маршал Советского Союза – С.М. Буденный. В своих воспоминаниях С.М. Буденный неоднократно упоминает как командира эскадрона, так и своего взводного, причем подходя с позиций классовых, конечно же, выставляет их только в негативном свете. Ведь через несколько лет бывшие командиры оказались по другую сторону фронта, став его злейшими врагами. Кроме того, С.М. Буденный перепутал национальность своих командиров, назвав Крым-Шамхалова-Соколова кабардинцем, а К. Улагая – карачаевцем, тем не менее, отметив, что настоящая фамилия командира эскадрона Крым-Шамхалов [5] (следует отметить, что в документах дореволюционного периода Михаил Августович упоминается только под фамилией Соколов).

Степан Августович родился в ст. Горячеводской 7 августа 1877 г. Образование получил в Оренбургском-Неплюевском кадетском корпусе. В службу вступил казаком в 1-й Сунженско-Владикавказский конный полк Терского Казачьего Войска (01.09.1896). Окончил Николаевское кавалерийское училище (1898), после чего был выпущен для прохождения службы в свой полк. Последовательно произведен в чин хорунжего (старшинство – 08.08.1898) сотника (старшинство – 13.08.1901), подъесаула (старшинство – 13.08.1905).

Получил образование в Николаевской академии Генерального штаба (1907), которую окончил по 1-му (высшему) разряду. По окончании курса в числе лучших слушателей С.А. Крым-Шамхалов-Соколов был произведен в капитаны (старшинство – 07.05.1907). Цензовое командование

сотней отбывал в 1-м Кизляро-Гребенском казачьем полку (01.11.1907–23.11.1909). Затем был переведен на должность старшего адъютанта штаба 2-го Сибирского армейского корпуса (26.11.1909–18.09.1912). Окончил Офицерскую воздухоплавательную школу (21.06.-24.09.1912), получив квалификацию – «летчик-наблюдатель». После занял должность обер-офицера для поручений при штабе 2-го Кавказского армейского корпуса (18.09.1912–21.11.1914).

С.А. Крым-Шамхалов-Соколов принимал активное участие в Первой мировой войны. Исполнял должность штаб-офицера для поручений при штабе 26-го армейского корпуса (21.11.1914). Был произведен в подполковники (06.12.1914) со старшинством с 06.12.1913 г. (за отличие) с утверждением в занимаемой должности. Произведен в полковники (06.12.1915) со старшинством с 06.12.1915. И.д. начальника штаба Кавказской гренадерской дивизии (25.06.1915). Командир 2-го Кубанского полка Кубанского казачьего войска (07.09.1916). За особые отличия 03.01.1917 г. С.А. Крым-Шамхалову-Соколову старшинство в чине полковника было установлено с 06.12.1914 г. С 30.09.1917 г. назначен начальником штаба 2-го Кавказского армейского корпуса. Произведен в чин генерал-майора (11.1917).

За отличную службу и отвагу в сражениях С.А. Крым-Шамхалов-Соколов имел награды: ордена Св. Станислава 3-й степени (1910; 04.03.1911); Св. Анны 3-й степени (16.05.1914); Св. Станислава 2-й степени с мечами (14.12.1914); мечи и бант к ордену Св. Станислава 3-й ст. (12.04.1916); Св. Владимира 3-й степени с мечами (07.05.1916); мечи и бант к ордену Св. Анны 3-й степени (19.01.1917). Также получил Высочайшее благоволение за боевые отличия (08.01.1916) [6].

Отвагой отличились в боях Первой мировой и двоюродные братья Михаила и Степана – сыновья Платона Ивановича Соколова.

Михаил Платонович родился 7 ноября 1883 г. в ст. Горячеводской. Окончил 2-й Оренбургский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду (1902–1904). Хорунжий был выпущен 9 августа 1904 г. Служил во 2-й Терской казачьей батарее. Принимал участие в русско-японской войне. Награжден орденом Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость». Произведен за отличия в

чин сотника (1907), затем в подъесаулы (5.10.1911). Старший офицер 2-й батареи (17.09.1912).

С началом Первой мировой войны принимал активное участие в боях на Западном фронте. Был награжден несколькими орденами, произведен в есаулы (9.03.1916) [7].

Младший брат Михаила, **Орест Платонович**, окончил ускоренный курс Николаевского кавалерийского училище, был произведен в хорунжие (1.10.1914) и зачислен в Горско-Моздокскую запасную сотню. С 16 ноября 1914 г. в 3-м Горско-Моздокском полку. Принимал активное участие в боях и уже 11 января 1915 г. был ранен и эвакуирован. После выздоровления был зачислен младшим офицером в Горско-Моздокскую запасную сотню (28.05.1915). С декабря 1915 г. – вновь на передовой, в составе полка. За отличия произведен в сотники (12.11.1916), был награжден орденами [8].

Принимали участие в Первой мировой войне и представители кубанской ветви рода Соколовых – потомки Гавриила и Александра Никифоровича. Дальнейшие изыскания, нет сомнений, помогут выявить сведения об их боевом пути.

Примечания

1. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 41887. П/с 433. Лл. 1–10 об.
2. *Барзбиев М.И.* Карачаевские и балкарские аристократы – кавалеры Знака отличия Военного Ордена Святого Георгия и ордена Святого Георгия. // «Под сенью Святого Георгия». Материалы V Международных Дворянских чтений – Краснодар, 2009. С. 68
3. www.st-george.ru
4. <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=5541>
5. *Буденный М.С.* Пройденный путь. М, 1958. С. 13.
6. <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=657>.
7. <http://combcossack.opk.ru/viewtopic.php?id=1626>.
8. <http://forum.vgd.ru/?t=2749>.

М.И. Абдулаева (г. Махачкала, Россия)

Дагестан в годы Первой мировой войны

Первая мировая война, 100-летие которой отмечает мировое сообщество, стала последней войной для четырех империй, в том числе и для Российской. Когда неизбежность во-

енного конфликта стала очевидной, в России была объявлена мобилизация, и не затронуть окраин империи она не могла.

В Дагестанской области был обнародован приказ Порт-Петровского уездного воинского начальника № 198, в котором сообщалось о Высочайшем повелении привести армию и флот на военное положение и объявить мобилизацию с 18 июля 1914 г. [1].

В Центральном Государственном Архиве Республики Дагестан, в фонде № 5 «Дагестанского областного по военным делам присутствия г. Темир-Хан-Шуры» содержится объемная переписка Военного губернатора области генерал-лейтенанта Вольского с чиновниками военного ведомства о расходах на мобилизационные нужды. Речь идет о денежных затратах на перевозку людей, лошадей, различных грузов, рассылку телеграмм и т.п. [2]. Военная машина постепенно набирает обороты.

25 июля 1914 г. в Дагестанской области был объявлен призыв ратников ополчения 1-го разряда, а также поставка лошадей и повозок для военных нужд [3].

В отделения уездных воинских начальников начинают прибывать разного рода военные чины для отправки на фронт. Явившаяся в Порт-Петровское Управление 28 июня 1914 г. группа прапорщиков запаса в количестве 7 человек была направлена по назначению, согласно отметке, с выделением причитающихся им денег в сумме 707 р. 50 коп. Находящийся в группе прапорщик Н. Тарковский временно оставлен при Управлении. Вместе с тем ему было выдано 100 руб. подъемных [4].

В соответствии с приказом № 205 по Управлению Порт-Петровского уездного начальника предписывалось «офицерам запаса и ополчения явившимся сего числа <...>, дать денежное довольствие и отправить по назначению». В списке значится штабс-ротмистр князь А. Казаналипов, который был отправлен в Ставропольскую пешую № 591 ополченскую дружину; в качестве подъемных ему выделялось 100 р.

«Прибывшего сего числа (13 августа 1914 г.) поручика Айдемирова назначить на службу в 592 пешую Кубанскую ополченскую дружину» в соответствии с приказом № 294 от 13 августа 1914 г. [5]. Таким образом шла мобилизация на фронт. Поскольку мусульманское население Дагестана не-

сло военную службу только на добровольных началах, то за исключением всадников конных полков, которые состояли преимущественно из туземного населения, выделить горцев в составе других войск не всегда представляется возможным.

На фронтах Первой мировой войны приняли участие два Дагестанских конных полка [6]. Первый полк (история которого начинается с 1852 г. – участия в Кавказской войне) находился в составе 3-й Кавказской казачьей дивизии, которая входила в состав 3-й армии, действовавшей на Юго-Западном фронте. Командовал Первым Дагестанским конным полком полковник С.Т. Мальсагов. Офицеры-командиры сотен и штабов – полковник Тарковский, полковник Кошев, штаб-ротмистры: Бутаев, Хандиев, Хабаров, прапорщик Чеэров. Уже к октябрю 1914 г. за отличие в боях 60 дагестанских всадников были награждены Георгиевскими крестами 4-й степени [7].

Второй Дагестанский конный полк, кадровый костяк которого, в основном, был набран из Первого конного полка, находился в составе Кавказской туземной конной дивизии, сформированной в соответствии с Приказом Императора Николая II от 23 августа 1914 г. Командовал дивизией младший брат Царя Михаил Александрович. Во главе второго Дагестанского конного полка был поставлен грузинский князь, адъютант наместника графа Воронцова-Дашкова Гиви Амилахвари. Второй конный полк с началом Первой мировой войны также находился на Юго-Западном фронте, которым командовал генерал-от-инфантерии Н.И. Иванов [8]. Дагестанцы в составе конных полков доблестно воевали на фронтах Первой мировой и приняли участие в таких известных операциях, как Галицийская битва, Галич-Львовская операция, Горлицкая операция, в боях за Карпаты, в знаменитом Брусиловском прорыве.

Правительство проявляло заботу о семьях тех, кто находился на театре военных действий, и согласно § 1 Инструкции о порядке отпуска средств на выдачу семействам нижних чинов и ратников ополчения продовольственного пособия в соответствии со статьей 75. Положения о призрении нижних чинов и их семейств был выделен кредит для получения пособия в сумме 59 тыс. 273 р. 69 коп. [9].

Далее в источнике сообщается, что «причиной промедления в удовлетворении пайком семейств всадников 1-го и 2-го

Дагестанских конных полков послужило то обстоятельство, что положение Совета министров утверждено 10 декабря 1914 г., когда полки уже находились на театре военных действий, поэтому продовольственное пособие на них исчислено со дня вступления частей в военный поход» [10].

В сентябре 1915 г. сумма кредита составила уже 73620 руб. 61 коп. Военным, проживающим в городах Дагестанской области, выплаты производились за сентябрь, а сельчанам за сентябрь, октябрь и ноябрь [11].

Таким образом, военные, принимавшие участие в Первой мировой войне и их семьи пользовались хорошими льготами, предоставленными им правительством.

20 августа 1916 г. в Дагестанской области было опубликовано воззвание к народу Наместника Императора на Кавказе. Оно было отпечатано в типографии Мавраева и отличалось чрезвычайным пафосом, что соответствовало данному историческому моменту. «По докладу моему Государю Императору, – объявлял Наместник, – о готовности всех мусульман Кавказа стать на защиту Престола и Отечества, Его Императорское Величество повелел мне: не привлекать местные мусульманские народности к работам в порядке, указанном в Высочайшем повелении 25 июня с. г. Счастлив объявить населению края о столь высокой новой монаршей к нему милости. Уверен, что когда призыв царский последует, мусульмане с честью исполнят свой долг, по примеру славных мусульманских полков Кавказа, борющихся с врагом с самого начала. Наместник Е.И.В. на Кавказе, генерал-адъютант Николай» [12].

Речь идет о том, что во всех областях империи немобилизованное на войну население широко привлекалось для различных работ в тылу.

Государственная Дума от 15 февраля 1916 г. на своем очередном заседании выразила пожелание, чтобы положение об обеспечении нижних чинов военных и их семейств (Приказ по военному ведомству 1912 г. № 417) распространялось и на лиц, обслуживающих нужды военного ведомства по найму [13].

В Дагестане к работам в тылу привлекались лица, получившие отсрочку от армии, рабочие железной дороги, техническая обслуга различных предприятий и т.п. В ЦГА РД имеются списки жителей Дагестана, работавших в годы Пер-

вой мировой войны в тылу. Возрастной ценз их составлял от 19 до 45 лет [14].

Некоторые из горцев, получивших ранения на фронте возвращались на Родину, проходили лечение и вновь отбывали на фронт.

С января 1915 по март того же года прошли лечение в дагестанских лазаретах раненные на фронте и эвакуированные с театра военных действий капитан 592 пешей Кубанской дружины Гусейнов, прапорщик 82-го пехотного Дагестанского полка Алхазов, капитан 208 пехотного Лорийского полка Доногуев, всадник запасной сотни 2-го Дагестанского конного полка М. Вираджудинов, прапорщик Дагестанского конного полка Бек Алыпкачев, поручик того же полка М. Доногуев и др. [15].

С самого начала военных действий население различных округов Дагестанской области не только изъявляло верно-подданические чувства, но и реально занималось сбором денег на поддержку воинов, оказание помощи раненым. В городах области проводились благотворительные вечера. Уже в первый месяц войны в газете «Дагестанские областные ведомости» было опубликовано Воззвание Наместника Е.И.В. на Кавказе, в котором передается текст телеграммы Государя Николая II населению Кавказа. В телеграмме говорилось: «Дошедшие до меня из разных мест Кавказа выражения верно-подданических чувств, готовность дружно встать на защиту России, а также ассигнования сумм на помощь раненым меня глубоко тронули. Поручаю Вам, граф, передать всем обратившимся через Вас сословиям, общественным учреждениям, группам населения и народностям мою искреннюю благодарность за преданность мне и Родине» [16].

В декабре 1914 г. Император Николай II побывал на Кавказском театре военных действий, который хотя и не был главным театром Первой мировой войны, все же имел важное стратегическое значение в связи с извечными претензиями Турции на этот регион. Обратный проезд Царя ожидался через Дагестан.

3 декабря 1914 г. на железнодорожной станции Дербент собрались представители дагестанского общества для встречи Императора в лице Временного генерал-губернатора Дагестанской области генерал-лейтенанта Вольского, духовен-

ство, все служащие военных и гражданских ведомств, представители города, все учебные заведения и многотысячная толпа. Перрон был устлан коврами, а фасад вокзала красиво убран флагами и коврами.

Как только показался состав, в котором ехал Император Николай II, музыканты заиграли «Боже царя храни», «учащиеся пели народный гимн, народ восторженными криками «ура» приветствовал своего Государя» [17]. Император Николай II подошел к окну и не выходя из вагона раскланялся с народом и все время стоянки оставался у окна. После 10 минут стоянки поезд тронулся со станции Дербент при восторженных криках толпы, однако немного проехав вновь, остановился рядом с домиком Императора Петра Великого. Домик сохранился после посещения им Дербента во время знаменитого Персидского или Каспийского похода в 1722 году.

Государь Николай II вышел из поезда и в сопровождении толпы народа подошел к домику Императора Петра I, осмотрел его и вернулся в вагон, после чего поезд последовал дальше.

На всем пути следования императорского поезда через станции Белиджи, Мамед-кала, Каякент, Чирюрт и наконец Петровск население с музыкой и восторженными криками встречало Царя, который любезно подходил к окну вагона и раскланивался с народом [18].

Впрочем, в начале войны патриотические настроения царили во всей империи, повсеместно организовывались благотворительные фонды, частные лазареты, общества попечения раненых и т.п.

В областном центре г. Темир-Хан-Шуре были организованы благотворительные вечера, главным инициатором которых стала супруга генерала-губернатора Дагестанской области А.В. Вольская. В декабре 1915 г. было проведено три литературно-вокальных вечера, сборы от которых предназначались на приобретение и посылку подарков нижним чинам в действующую армию. Как сообщалось в местной хронике: «Вечера эти дали не только материальный результат, но и послужили вместе с тем приятным развлечением для самой разнообразной публики» [19].

Сборы с этих вечеров составили 300 рублей. Как восторженно писал в «Дагестанских областных ведомостях» анонимный зритель: «Искренне радуюсь успеху. Призыв к

жертвам для воинов и их семейств, горячий отклик на него всех слоев русского общества и народа – благородное знамение нынешней громадной войны» [20].

Однако, со временем, когда война стала принимать затяжкой и кровопролитный характер, увеличивая число убитых и раненых, патриотические настроения в обществе стали затихать. Свою лепту внесла и большевистская пропаганда с лозунгами поражения своего правительства и братания солдат. Все труднее к концу войны стало с набором добровольцев и в Дагестанские конные полки, где также была большая людская убыль. Недовольство у местного населения вызвало правительственное распоряжение о принудительной реквизиции подвод и мобилизацию на тыловые работы мужского населения, что вызвало бурные протесты среди горцев, переросшие в ряде мест в вооруженные выступления [21].

Империя близилась к своему закату.

Примечания

1. Центральный Государственный Архив республики Дагестан Ф. 299. Оп. 1. Д. 10.

2. ЦГА РД. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1.

3. ЦГА РД. Ф. 299. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

4. ЦГА РД. Ф. 299. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

5. ЦГА РД. Ф. 299. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

6. *Абдуллаева М.И.* Участие Дагестанских конных полков в Первой мировой войне // Первая мировая война: Великая и неизвестная. Материалы международной научно-практической конференции 23-27 мая 2014 г. Краснодар, 2014.

7. *Махмудов М.Г.* Участие Дагестанских конных полков в Первой мировой войне. Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2000. С. 68.

8. См.: *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия 1914–1917 гг.: Возвращение из забвения. Нальчик, Эль-фа; 2007. 512 с.

9. ЦГА РД. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

10. ЦГА РД. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

11. ЦГА РД. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3. Л. 53.

12. ЦГА РД. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3. Л. 26.

13. ЦГА РД. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

14. ЦГА РД. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3. Л. 13-19.

15. ЦГА РД. Ф. 299. Оп. 1. Д. 2. Л. 14, 15.

16. ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 3. Д. 24. Л. 55.

17. ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 112. Л. 4.

18. ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 112. Л. 4-5.

19. ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 112. Л. 13.
20. ЦГА РД. Ф. 7. Оп. 1. Д. 112. Л. 14.
21. История Дагестана с древнейших времен до наших дней.
Т. 2. Махачкала, 2005. С. 47.

К.С. Чикаева (г. Краснодар, Россия)

**Деятельность Дворянского Собрания
Ставропольской губернии
с Терской и Кубанской областями
в годы Первой мировой войны**

Первая мировая война подвергла серьезному испытанию весь государственный строй Российской империи. Все общество заговорило о единении народа перед лицом германской угрозы. В годы Первой мировой войны политическая деятельность Ставропольского Дворянского Собрания с Терской и Кубанской областями активизировалась. Дворяне стали чаще собираться на свои заседания, обсуждая проблемы военного времени. Всех объединил общий патриотический подъем. В деятельности собрания постоянно участвовали: губернский предводитель дворянства С.П. Бурсак, уездный предводитель дворянства П.Н. Никольский, помощник уездного предводителя дворянства А.А. Есаулов, дворяне В.М. Есаулов, А.А. Зозулевский, К.И. Белецкий, К.П. Бурсак, В.И. Манжос-Белый, А.Н. Мальцевский, В.И. Кувшинский, И.П. Кувшинский, В.Г. Ермаков и Г.Н. Прозрителев.

В Москве 26 июля 1914 года состоялся Всероссийский съезд губернских предводителей дворянства, который предложил всем дворянским корпоративным организациям объединиться и создать общую организацию помощи раненым [1]. В постановлении Всероссийского съезда губернских предводителей дворянства отмечалось, что в настоящее время существует настоятельная потребность в снабжении поездов, доставляющих раненых с театра военных действий в глубь страны, всеми необходимыми предметами для оборудования вагона-теплушки для раненых и возможного улучшения условий их перевозки. С этой целью губернским дворянским собраниям было поручено избрать по одному представителю

на Всероссийский съезд представителей дворянства для оказания помощи раненым. В связи с тем, что могут измениться условия, было решено предоставить этим представителям широкие полномочия в смысле организации помощи раненым.

В работе Всероссийского съезда уполномоченных дворян для оказания помощи раненым от Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей принимали участие предводитель дворянства С.П. Бурсак и его заместитель князь В.П. Трубецкой. Съезд поручил уполномоченным от дворянств избрать из своей среды постоянный комитет, в обязанности которого будет входить исполнение постановлений съезда. Также было решено создать общую кассу из пожертвований дворянских обществ и предоставить ее в распоряжение комитета.

Все эти инициативы были поддержаны дворянами Северного Кавказа. 17 августа 1914 г. в городе Ставрополе состоялось чрезвычайное губернское дворянское собрание для рассмотрения вопросов, касающихся постановления Всероссийского съезда губернских предводителей дворянства. На собрании обсуждались постановления Всероссийского съезда губернских предводителей дворянства. Дворянская корпоративная организация решила присоединиться к общедворянской организации помощи больным и раненым воинам. Дворяне решили пожертвовать на военные нужды пять тысяч рублей из общественных дворянских сумм. Также было предложено привлечь к благотворительности для оказания помощи раненым дворян Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей. Дворяне решили выделить семьсот шестьдесят рублей Ставропольскому при Красном Кресте Дамскому комитету для оборудования двадцати кроватей в госпитале имени Ставропольского дворянства. Дворянские депутаты создали постоянный комитет, в обязанности которого входило исполнение постановлений съезда, и кассу из дворянских пожертвований.

Дворянское Собрание предоставило верхний этаж дворянского дома для госпиталя, а нижний – для Дамского комитета. Дворяне постановили: «Просить Общедворянскую организацию один из образованных санитарных поездов называть именем Ставропольского, Кубанского и Терского дво-

рянства» [2]. Дворяне Северного Кавказа, выражая патриотические чувства, пожертвовали на военные нужды десять тысяч рублей. В благотворительности приняло участие сорок пять дворян. Они оказали посильную материальную помощь государству. В этом проявилась присущая дворянству тяга к самопожертвованию во имя Царя и Отечества. Пожертвования от дворян Северного Кавказа для оказания помощи раненым воинам Кавказской армии были вручены Императору Николаю II 4 декабря 1914 года в городе Владикавказе.

На заседании чрезвычайного Ставропольского губернского дворянского собрания, состоявшемся в августе 1914 года, обсуждался вопрос о дворянских повинностях. До этого времени сборы на губернские дворянские потребности взимались только с дворян-землевладельцев Ставропольской губернии. На собрании было отмечено, что дворяне Кубанской и Терской областей далеко не все несли эту повинность, но они также пользовались всеми предоставляемыми правами. Депутаты Дворянского Собрания постановили привлечь к обложению повинностями всех потомственных и личных дворян, владеющих любой недвижимостью. Было принято решение распространить обязательные сборы на дворянство Кубанской, Терской областей и Ставропольской губернии. Денежные средства использовались для содержания канцелярий предводителя дворянства, дворянских опека, на выплату жалованья, пособий канцелярским чиновникам и другие нужды дворян. Для разрешения нужд, вызванных войной, дворянские имения были обложены налогом. По поручению предводителя дворянства 28 февраля 1916 года для оценки недвижимых имений в Терскую область выехал заведующий земельным отделом при дворянском собрании Е. Ф. Радионов.

Участие России в Первой мировой войне существенно отразилось на состоянии всей экономики. В тяжелом положении находилось и дворянские имения Северного Кавказа. За годы войны из села в армию была мобилизована значительная часть мужского населения страны. Нехватка рабочих рук привела к сокращению посевных площадей, росту цен на обработку сельскохозяйственной продукции, в конечном итоге – к росту розничных цен. Большой ущерб был нанесен животноводству, сократилось поголовье скота. Резко возрос-

ли правительственные закупки сельскохозяйственной продукции для нужд армии и промышленных центров, но они составляли менее половины вывозимого из страны зерна.

По архивным источникам летом 1915 года 90% дворян находилось в действующей армии. Отсутствие владельцев, падение арендных цен, нехватка рабочих, резкое сокращение поставок сельскохозяйственной техники, уменьшение количества рабочего скота и другие неблагоприятные явления в жизни сельского хозяйства, вызванные войной, понизили доходность дворянских имений на 60-70% [3].

В военное время резко ухудшилось состояние дворянских имений. Материально-техническая база помещичьего землевладения была существенно подорвана. И это заставляло дворян обращаться за ссудами в частные банки и общества взаимного кредита. Однако положение не улучшалось, и многие были вынуждены продавать свои имения. У помещиков оказалось на руках значительное количество зерна, не находящего сбыта. В мирное время сельскохозяйственную продукцию они продавали российским и зарубежным покупателям. Дворяне были вынуждены продавать зерно по заниженным ценам. И, как следствие, стала сокращаться площадь посевов. Дворяне продолжали разоряться. В ГАСК сохранился список учреждений, перечисливших различные денежные суммы за проданные с публичных торгов имения [4].

Первая мировая война сильно подорвала позиции дворянского землевладения на Северном Кавказе. Высшее сословие оказалось в крайне затруднительном положении. Об этом свидетельствуют материалы Ставропольского депутатского собрания. На его заседаниях постоянно обсуждался вопрос об оказании помощи обедневшим дворянам. Помощь эта была не столь значительной, так как дворянская организация не имела существенных средств.

Ставропольский губернский с Терской и Кубанской областями предводитель дворянства С.П. Бурсак был вынужден обратиться к управляющему Государственным Дворянским земельным банком А.Н. Карцову с просьбой оказать содействие в открытии в городе Ставрополе Дворянской кассы взаимопомощи. Карцев в августе 1915 года написал ответное письмо губернскому предводителю дворянства следующего содержания: «Милостивый Государь Сергей Павлович. Госу-

дарь Император, по Всеподданнейшему докладу Господина министра финансов, в 14 день сего августа, Высочайше соизволил разрешить выдачу из процентов от неприкосновенного фонда в память трехсотлетия царствования Дома Романовых 161600 рублей на усиление основного капитала вновь открываемой Ставропольской губернской с областями Терской и Кубанской Дворянской кассы взаимопомощи с отпуском половины суммы в текущем году и другой половины равными частями в начале 1916 и 1917 гг.» [5].

Денежные средства наличными и закладными бумагами Государственного Дворянского земельного банка перечислили в начале сентября 1915 года на текущий счет Правления дворянской кассы Ставропольского отделения Крестьянского Поземельного банка. Вторую часть пособия, как и обещало правительство, перевели 27 января 1916 года из Государственного Дворянского земельного банка в Крестьянский Поземельный банк. И 25 февраля 1916 года деньги в сумме 40400 рублей были получены заместителем председателя правления Ставропольской губернской с Терской и Кубанской областями Дворянской кассы взаимопомощи В.Г. Ермаковым.

Оставшаяся часть пособия для дворянства Северного Кавказа из процентов от неприкосновенного фонда Дома Романовых была перечислена в январе 1917 года. На что предводитель дворянства С.П. Бурсак ответил благодарственным письмом управляющему А.Н. Карцову. Ставропольская губернская с Терской и Кубанской областями Дворянская касса взаимопомощи вносила в Дворянский Государственный земельный банк проценты неисправных должников и выдавала пособия нуждающимся дворянам. Дворянство особые надежды возлагало на деятельность Дворянской кассы взаимопомощи.

Как свидетельствуют материалы заседаний дворянского собрания, Дворянская касса взаимопомощи выдавала пособия особо нуждающимся дворянам на лечение и обучение их детей. Главной целью кассы было укрепление помещичьего землевладения. Однако, она не сыграла какую-либо значительную роль в сохранении дворянских имений, так как разорившиеся помещики доказали свою хозяйственную несостоятельность. В этой связи важнейшим показателем кризиса благородного сословия стало явление постоянного сокращения дворянского землевладения и разорения дворянских имений.

Война обострила политический кризис самодержавия. Это привело к усилению политического размежевания дворянства, проявившееся наиболее ярко в полемике, вызванной радикальным выступлением А.П. Струкова. Речь Струкова была напечатана в журнале заседаний Постоянного совета. Он написал письмо к председателю Совета министров. Председатель Совета Объединенных дворянских обществ требовал от И.Л. Горемыкина принятия решительных мер по наведению порядка в стране и недопущению распространения левой пропаганды в печати.

Эти идеи привели к идейному и организационному расколу дворянства, четко обозначился водораздел между столичным политиканством и логикой местной жизни. Председатель Постоянного Совета объединенных дворянских обществ обратился с письмом к предводителю Ставропольского дворянства с Терской и Кубанской областями С.П. Бурсаку от 15 ноября 1915 года за № 530 с просьбой ознакомить дворянство Северного Кавказа с содержанием журнала Постоянного совета, состоявшегося 25 октября 1915 года.

Журнал был посвящен полемике А.П. Струкова и председателя Совета министров И.Л. Горемыкина. Струков выражал интересы консервативной части дворянства. В своем письме правительству он подчеркивал: «Произносимые и передаваемые во все концы страны левые речи, некоторые заключения столичных совещаний и злоупотреблением печатным словом является предвестником новых смут, с целью изменения государственного строя России» [6].

Данное выступление вызвало гневную реакцию прессы. Многие дворяне выразили свое несогласие с политической позицией автора. Одни дворянские общества, выражая свой протест, порвали с объединением и вышли из организации. Другие дворянские общества, выражая свой протест против письма, считали, что Постоянному Совету ОДО следовало бы передать свои соображения и дворянским организациям. Они отмечали, что дворяне могли сами, воспользовавшись дарованным им правом, непосредственно обратиться к Императору и свободно выразить свои чувства и мысли относительно происходящих событий. Московское дворянство не одобрило такую жесткость Струкова и выступило за более широкий спектр разного рода мер по успокоению общества [7].

На собрании Дворянской корпорации в г. Ставрополе было обсуждено письмо Струкова. Перед дворянами выступил с докладом С.П. Бурсак. Он считал, что Струков имел право обращаться к правительству: «По существу я же нахожу, что выступление в этом письме Постоянного Совета ОДО настолько важно и серьезно, что по этому поводу ему следовало первоначально осведомиться о мнении по затронутому вопросу Дворянских обществ» [8]. Наметившееся к началу XX века политическое размежевание внутри дворянского сословия, которое выражалось в консолидации либерального и консервативного течений в его составе, получило свое продолжение в годы Первой мировой войны.

Дворянское собрание Ставропольской губернии с Терской и Кубанской областями приняло активное участие в общественном патриотическом движении в поддержку фронту, были созданы организации, которые оказывали помощь раненым, выделялись денежные средства на военные нужды. Первая мировая война резко обострила все социально-экономические и политические проблемы дворян и оказала губительно воздействие на состояние всего дворянского сословия.

Примечания

1. ГАСК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 383. Л. 22 об.
2. Там же. Л. 23.
3. РГИА. Ф. 593. Оп.1. Д. 533. Л. 2.
4. ГАСК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 396. Л. 30.
5. РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 533. Л. 6.
6. ГАСК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 396. Л. 9 об.
7. Сапожников В.В. Московское Губернское дворянское собрание // Дворянское Собрание. М., 1997. № 6. С. 45.
8. ГАСК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 396. Л. 9.

Н.В. Кияшко (г. Москва, Россия)

Губернатор А.И. Кияшко и Великая война: внутреннее состояние Забайкалья в военное время

На фоне усиливающихся разрушительных глобализационных катаклизмов, негативно влияющих на социокультур-

ное состояние современного общества, вопросы исторической памяти и культурного наследия русского народа приобретают все большую актуальность. Возвращаются в историю давно забытые имена и события, происходит переоценка и отход от догматического классового анализа, привитого исторической науке идеологией политикой коммунизма. Широко используемыми принципами исторической науки стали объективность и историзм.

Изучение истории России с точки зрения феномена коллективной памяти (*memoria*), зафиксированной в многочисленных исторических источниках, определенно имеет в себе целенаправленное обращение к ряду личностей, доминирующих над парадигмой локальных сообществ в решении ключевых вопросов общественно-политического развития. При реконструкции исторического прошлого происходит изменение методологического принципа от макроуровня до нового масштаба познания – микроанализа, акцентирующего внимание исследователя на отдельном человеке. Таким образом происходит персонификация и конкретизация локальной истории. В статье автором предпринята попытка обратиться к фигуре губернатора Забайкальской области, потомственного кубанского казака, генерал-лейтенанта Андрея Ивановича Кияшко.

Защита государства на протяжении всей истории являлась краеугольной установкой мировоззрения россиян, особенно отчетливо проявлявшейся в периоды кризисных событий в стране. Отличительной чертой российского патриотизма как в начале становления государственности, так и на протяжении веков, было вдохновение верой – убеждение в святости исполняемого долга. Безусловно, рассматривая различные периоды подъема национального патриотизма, стоит уделить должное внимание и роли личности в этом процессе.

В 1914 г. началась Первая мировая война – одна из самых широкомасштабных и кровопролитных войн в истории человечества. Одновременно с введением всеобщей мобилизации и открытием боевых действий, изменивших статичное положение российской армии, менялось и внутреннее социально-экономическое состояние российского общества. Экономический уровень государства, находящегося в состоянии войны, значительно снижался. В это время в Забайкальской

области на посту военного губернатора и Наказного атамана Забайкальского казачьего войска находился назначенный Высочайшим повелением 28 марта 1912 г. бывший начальник штаба Кубанского казачьего войска генерал-майор Андрей Иванович Кияшко [1].

Первая мировая война вызвала необходимость решения администрацией области ряда проблем, возникших в связи с военным положением.

В первую очередь 19 июля Наказным атаманом была объявлена всеобщая мобилизация, и начата мобилизационная работа. По данным за 1914 г. численность казачьего населения мужского пола в области составила 132005 человек, а готовых к службе – 35204. Уже с 1 сентября началось выступление на театр военных действий боевых соединений Забайкальского казачьего войска. На фронт было отправлено девять полков: 1-й Аргунский, 2-й Аргунский, 1-й Верхнеудинский, 2-й Верхнеудинский, 3-й Верхнеудинский, 1-й Нерчинский, 1-й Читинский, 2-й Читинский, Стрелковый полк Забайкальской казачьей дивизии, три пеших батальона (4-й пеший, 7-й и 12-й), артиллерийский дивизон, две батареи, две казачьих конных и две пеших бригады, запасный казачий артиллерийский взвод (всего 14 тыс. человек) [2].

Во-вторых, с началом военного положения губернатору Забайкалья было необходимо решить вопрос социальной защиты не только беженцев, но и семей лиц, призванных на войну. Одновременно был начат процесс по организации лазарета для раненных на Кавказском фронте. В газетах «Забайкальская новь» за 12 ноября 1914 г. и «Забайкальские областные ведомости» за 16 ноября 1914 г. было опубликовано обращение губернатора А.И. Кияшко. В обращении он от себя лично, и от возглавляемого им Комитета по организации на передовых позициях армии, действующей в Закавказье, подвижного военного лазарета для раненных воинов, призывал «...дорогое население Забайкалья в патриотическом деле кто и сколько может помочь» в организации лазарета [3]. Аккумуляция всех сил представителей забайкальского общества положительно способствовала решению этих проблем.

Для организации мер по социальной защите в области было образовано Забайкальское отделение Комитета Ее Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Фе-

доровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Елизавета Федоровна в личном письме просила военного губернатора возглавить Забайкальское отделение комитета. 22 сентября 1914 г. состоялось его первое заседание во главе с А.И. Кияшко [4].

Войсковым правительством и Комитетом Великой княгини Елизаветы Федоровны выдавались денежные субсидии частным благотворительным обществам, оказывалась материальная и продовольственная помощь семьям призванных на фронт. Одеждой, бельем, обувью снабжались как семьи запасных, так и эвакуированные больные и раненые солдаты. Андрей Иванович лично возглавил кампанию по сбору пожертвований фронту. За время проведения кампании было собрано около полумиллиона рублей. Люди несли не только деньги, но и различные ценности [5].

До конца 1914 г. и по март 1915 г. в Забайкалье повсеместно происходило образование комиссий Забайкальского отделения комитета. Активность населения области в деле помощи фронту чрезвычайно возросла. Забайкалье, как и вся Россия, переживало необычайно высокий подъем чувств патриотизма.

22 августа 1915 г. был образован Забайкальский комитет по оказанию помощи беженцам, в состав которого вошли представители Читинского городского управления, всех существующих беженских национальных организаций, общественные деятели и представители уездных комитетов. Во главе комитета находился генерал А.И. Кияшко. Вслед за областным комитетом образовывались и городские комитеты помощи беженцам. Так, 6 сентября того же года был образован Читинский городской комитет во главе с М.Ф. Чапасом [6].

Военный губернатор способствовал созданию лазаретов и организации деятельности общины Красного креста. Совместно с общиной были организованы медицинские курсы, количество выпускников которых за 1914-1915 гг. составило около 300 человек [7].

В военное время особо остро встал вопрос призрения детей, отцы которых или сражались на фронтах, или погибли на войне. Забайкальским церковным братством св. Кирилла и Мефодия при содействии Андрея Ивановича были получены средства от Комитета Великой княгини Елизаветы Федо-

ровны на приобретение здания для сирот и завершено строительство еще одного дома на 50 детей, отцы которых были на войне.

Третьей проблемой, вызванной реалиями военного времени, стал упадок сельского хозяйства и промышленности. Губернатор, стремясь предотвратить экономический кризис в области, установил фиксированный уровень цен на продукты первой необходимости. Из запасов Монгольской экспедиции А.И. Кияшко удалось получить 23 тыс. пудов мяса на выгодных условиях, благодаря чему цены на мясо в Забайкалье были дешевле, чем во всей Европейской России и в Сибири [8]. Под его руководством была организована сельскохозяйственная помощь населению области. Он проводил продовольственные совещания, на которых внимательно следил за докладами о мониторинге цен и в случае надобности принимал меры для контроля за спекуляциями продавцов [9]. 2 января 1915 г. было утверждено положение о должности участковых агрономов, назначаемых по одному в каждый военный отдел. По мнению губернатора, их деятельность должна была обеспечить снижение дестабилизирующего влияния военного времени на сельское хозяйство области.

В военное время началось объединение кооперативных потребительских обществ. В жесткой конкурентной борьбе против частных торговцев потребительские кооперативы выходили победителями как представители более крупного объединенного капитала. Причиной роста потребительских обществ стала ситуация, когда продовольственные продукты и одежду достать было невозможно, если человек не состоял в кооперативе. Потребительские общества при поддержке губернатора А.И. Кияшко прилагали все усилия для удержания цен на продовольствие и товары первой необходимости. Стоит отметить, например, что Верхнеудинское потребительское общество «Экономия» при собственном магазине открыло городской склад продуктов первой необходимости, их продажа производилась по заготовительной стоимости с начислением не более 5 % для возмещения обществу расходов по найму служащих и помещений.

Губернатором была получена ссуда в размере 50 тыс. рублей для населения г. Читы, предназначенная на заготовку дров. Благодаря этому лиственничные дрова в городе стоили

не более 8 руб. за сажень, несмотря на дороговизну жизни, вызванную войной.

Деятельность Андрея Ивановича по организации помощи фронту и предотвращению экономического кризиса находила широкую поддержку среди населения области. В благодарность губернатору присваивались почетные звания и вручались награды. 1 марта 1915 г. генералу А.И. Кияшко было выдано свидетельство Кавказским военным обществом инвалидов на право ношения нагрудного знака общества [10]. 24 июня того же года станица Ильдиканская 3-го военного отдела Забайкальского казачьего войска в благодарность генералу была переименована в «Кияшковскую». В декабре 1915 г. военный губернатор за заслуги перед Читинским отделением был избран почетным членом общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. В 1916 г. Читинская городская дума предложила избрать военного губернатора почетным гражданином города Читы.

Подводя итоги, стоит отметить, что деятельность военного губернатора А.И. Кияшко, при всей строгости его характера, который подчас становился главным критерием формирования к нему отношения современников, безусловно, имела положительный характер. Успешное решение актуальных и особенно болезненных для забайкальского общества проблем, вызванных военным временем, способствовало выдвиганию Забайкалья в первые ряды регионов страны, сохранивших стабильное политико-экономическое состояние. Личностное христианское отношение Андрея Ивановича к несению службы военного губернатора и наказного атамана было выражено им в своем приказе 1912 г.: *«...и с радостью, если Царю Небесному будет угодно и Царю земному потребно, не пощажу собственной жизни»* [11]. Яркая личность казачьего генерала – важное достояние родной старины, все следы которой мы обязаны восстанавливать и беречь.

Примечания

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 13. Оп. 2. Д. 32. Л. 28.

2. Василевский В. И., Перминов В. В. История Забайкальского казачьего войска (краткая хронология). Чита, 2001. С. 65.

3. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 20. Л. 16, 9, 30.

4. ГАЗК. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Ф. 12. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.
5. *Константинова Т.А.* Губернаторы Забайкалья. 1851–1917. Чита, 2001. С. 88.
6. ГАЗК. Ф. 57. Оп. 1. Д. 7. Л. 73.
7. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 32. Л. 17 об.
8. *Кияшко Н.В.* Генерал-лейтенант А.И. Кияшко в Забайкалье: штрихи к портрету // Эволюция управления: от древнерусского государства до современной России. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции: сб. ст. / *отв. ред. Т.И. Сапожникова*; Чита, 2014. – С. 49–54.
9. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 32. Л. 38 об.
10. *Константинова Т.А.* Указ. соч. С. 86.
11. *Кияшко Н.В.* Род Кияшко на Кубани // Копыл: историко-краеведческий альманах. Славянск-на-Кубани, 2013. № 3(7). С. 38.

О.А. Зимовина (г.Сочи, Россия)

Сочи в Первой мировой войне

В последние годы современные ученые все чаще обращаются к событиям Первой мировой войны, которая в связи с последовавшими в России событиями была несправедливо забыта, а ее герои и участники вычеркнутыми из народной памяти. Сегодня постепенно восстанавливаются важнейшие даты, сражения и героические имена одной из самой кровопролитной в истории человечества войны. Большую работу по воссозданию военных действий в районе Сочи проводят историки и краеведы Краснодарского края. Они по крупицам собирают свидетельства драматических событий на Черноморском побережье в районе Сочи, который в то время был маленьким провинциальным городком, постепенно обретающим славу курорта.

Первая мировая – разрушительная война, в которой участвовало 38 государств с населением свыше 1,5 млрд. человек, и на ее полях сражалось свыше 74 миллионов человек. Она принесла неисчислимые бедствия народам мира, погибло огромное количество мирного населения, исчезли с лица земли многие монархии, государства. Прекратила свое существование монархия Романовых и Российская империя, роковым образом изменился ход истории всей России.

1 августа 1914 года Германия объявила войну России. Поводом к войне послужило убийство в Сараево 28 июня 1914

года австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда сербским террористом Гаврилой Принципом. Боевые действия продолжались более 4 лет. Объявление войны изменило облик России, уклад жизни людей и семей. Всех объединил общий патриотический порыв, все стало работать на победу. В стране проходили многочисленные митинги, звучали колокола, служились молебны, в печати появились патриотические воззвания о единении перед лицом германской угрозы.

По материалам местной прессы известно, что сочинская молодежь массово выражала желание отправиться к месту военных действий. Имеется информация об участии в военных действиях известных в Сочи людей: городского старосты Л.А. Карташова, городского архитектора А.Я. Буткина, врачей В.П. Зимовнова, В.А. Рожно, С. Машкова, пристава посада Сочи Сысоева и многих других известных сочинских деятелей. В рамках национального единения в городе Сочи проходили шествия национальных групп к представителям русской администрации [1]. Греки и армяне, составляющие большую прослойку населения Сочи и имеющие турецкое подданство, обратились к временному генерал-губернатору Черноморской губернии и начальнику Кубанской области и Наказному атаману Кубанского Казачьего войска генерал-лейтенанту Бабычу и Черноморскому губернатору Барановскому с просьбой оставить их в России и принять в Российское подданство [2].

Первая мировая война для Сочи началась 15 октября 1914 г., когда в войну вступила Турция. Первые обстрелы германо-турецкими крейсерами «Гебен» и «Бреслау» русского побережья не затронули Сочи. Тем не менее, посад становится пограничным населенным пунктом. В его расположение пребывают воинские части, усиленные двумя артиллерийскими полевыми батареями.

В июле 1916 г. Туапсинский и Сочинский округа Черноморской губернии становятся театром военных действий (ТВД). Объединенное германо-турецкое командование направило легкий крейсер «Бреслау» и линейный крейсер «Гебен» для ликвидации прибрежных русских коммуникаций в восточной части Черного моря. Тем самым крейсера должны были ослабить обеспечение русских корпусов на русско-турецком ТВД и создать все условия для турецкого

наступления. Германо-турецкой крейсерской группе было приказано разделиться, и 4 июля (новый стиль) «Гебену» надлежало быть перед Туапсе, а «Бреслау» – перед Гаграми. Однако присутствие в 65 милях северо-восточнее Трапезунда трех русских линкоров и крейсера заставило командира «Гебена» направить «Бреслау» не к Гаграм, а севернее – к Сочи. Как и было запланировано, 4 июля «Гебен» появился перед Туапсе. Огнем своих главных 150-мм орудий он потопил стоявшие в гавани пассажирский пароход «Князь Оболенский» и четыре парусно-моторных судна. Еще три судна получили повреждения. В порту были убиты четверо рабочих, загорелись пакгаузы. Завершив 23-минутный обстрел в Туапсе, «Гебен» лег на обратный курс и пошел на воссоединение с «Бреслау», по пути обстреляв из 88-мм орудий село Лазаревское.

В то же время на рейде перед Сочи под русским Андреевским флагом появился крейсер «Бреслау». Здесь крейсер торпедой потопил стоявший на якоре транспорт «Мария-Аннета» и уничтожил артиллерийским огнем каботажный парусник «Резвый». Проследовав далее на север, близ устья реки Шахе (Головинка) «Бреслау» поразил несколькими снарядами сидевший на мели пароход «Рокклиф». К 6 часам пополудни крейсерская группа соединилась и, взяв курс на запад, покинула побережье Черноморской губернии. За два дня до этих событий германская подводная лодка «U-38» близ Головинки атаковала русский конвой в составе транспортов «Тигрис», «Рокклиф», «Дружба» и двух барж в охранении эсминцев «Капитан-лейтенант Баранов», «Лейтенант Шестаков» и канонерских лодок «Донец» и «Кубанец». На траверзе ущелья реки Шахе «U-38» торпедировала транспорт «Рокклиф», который, однако, смог выброситься на мель, где и попал под снаряды «Бреслау» 4 июля. Эсминец «Лейтенант Шестаков» контратаковал субмарину ныряющими снарядами и глубинными бомбами, но смог нанести ей лишь незначительные повреждения.

В последующем боевые действия времен Первой мировой войны затронули Сочи лишь косвенно. Сюда, как и ранее, направлялись на лечение раненые русские солдаты. В многочисленных частных санаториях и гостиницах солдаты поправляли свое здоровье до полного выздоровления [3].

Развитие Сочи как госпитального центра продолжалось и в 1916 году, когда военное ведомство наметило постройку в Сочи большого госпиталя на 800 мест. В том же 1916 году состоялось открытие Сочинской общины сестер милосердия и при ней лазарета-санатория для раненых и больных воинов на 25 мест Российского общества Красного Креста, находящегося под покровительством Государыни Императрицы Марии Федоровны.

Примечания

1. Щербаков С. Первая мировая война и сочинцы // Черноморская здравница. 2010. 29 июля. С.2.

2. Черкасов А.А. Национальные меньшинства Российской империи в годы Первой мировой войны: некоторые аспекты // Былые годы. Черноморский исторический журнал. Сочи, 2009. №4 (14). С. 20–27.

3. Черкасов А.А. Провинциальный городок в Первой мировой войне: Сочи в августе 1914–феврале 1917 г. // Кубанский сборник: сборник научных статей и материалов по истории края. Краснодар, 2008. Т. III (24). С.166–179.

Е.В. Брацун (г. Краснодар, Россия)

«Из казаков станицы Кореновской»: жизнь и судьба хорунжего Кубанского казачьего войска И.И. Оксаковского

В 2014 г. в России отмечается 100-летие начала Первой мировой войны (1914–1918 гг.), прозванной в народе Великой и Второй Отечественной. Заметная роль в этой войне принадлежала Кубанскому казачьему войску. Одним из участников этой войны был офицер-кубанец Иван Иванович Оксаковский.

И.И. Оксаковский родился 17 января 1896 г. в станице Кореновской. Об этом говорит запись в метрической книге Саввинской церкви станицы: «Запись о рождении мальчика Иоанна. Родители: урядник Иоанн Иоаннович Оксаковский и законная жена его Анастасия Митрофанова, оба православные. Восприемниками (крестными) записаны: казак Игнатий Фёдорович Лисица и Киевской губернии Черкасского

округа крестьянка Параскева Елисеевна Крикунова. Был крещён 18 января 1896 г. в Савинской церкви станицы Кореновской священником Николаем Волоцким и диаконом Василием Скрыпченко» [1].

И.И. Оксаковский происходил из семьи казачьего урядника. В книге кореновского краеведа С.М. Сынчи (Форсовой) приводятся данные о том, что И.И. Оксаковский был «дворянским сыном» [2], но в списках дворян Ставропольской губернии с Терской и Кубанской областями такая фамилия не встретилась. И.И. Оксаковский обучался в войсковой столице, где окончил 2-ю Екатеринодарскую гимназию.

Будучи на летних каникулах в родной станице Кореновской, И.И. Оксаковский мог наблюдать, как было встречено начало Первой мировой войны его станичниками. Газета «Кубанский край» так описывала это событие: «Воскресенье 27 июля местная молодежь, взяв в помещении Общества Взаимного кредита портреты Государя и Государыни и национальные флаги, направилась к Савинской церкви. Здесь к манифестантам стала присоединяться гуляющая публика. Толпа постепенно возросла до пяти тысяч человек. На площади был отслужен молебен о даровании победы над врагами. По окончании молебна были сказаны речи, закончившиеся пением гимна и «ура». От церкви вся пятитысячная толпа двинулась вверх по Красной улице, совершенно запрудив ее. Люди до того воодушевились, что решили было идти в станицу Платнировку, где хотели взять оркестр музыки. Но так как до станицы Платнировки более семи верст, а время было около восьми часов вечера, то манифестанты пошли на другую сторону станицы через реку, где также в церкви был отслужен молебен. По окончании молебна священник призывал всех соединиться и встать на защиту Родины» [3].

После окончания гимназии 1 июня 1915 г. И.И. Оксаковский был зачислен в Оренбургское казачье юнкерское училище с зачислением в 1-й Черноморский полковника Бурсака 2-го полк, к полковому округу которого относилась станица Кореновская. Это зафиксировано в приказе по Кубанскому казачьему войску (ККВ) № 428 за 1915 г. [4].

Оренбургское казачье юнкерское училище было уникальным военно-учебным заведением Императорской России. В нём проходили обучение представители всех казачьих войск,

за исключением Донского. Это училище готовило офицерские кадры в казачьи части. Атмосфера среди казачьих юнкеров отличалась казачьей спайкой и братством. В годы Великой войны офицеров из училища выпускали ускоренным курсом в чин прапорщика, а не хорунжего, как в мирное время.

2 октября 1915 г. И.И. Оксаковский оканчивает училище и производится в прапорщики. Он был назначен в запасную Запорожскую конную сотню, которая стояла в станице Уманской Кубанской области. 29 октября 1915 г. приказом № 770 по ККВ И.И. Оксаковский был назначен младшим офицером в 6-ю сотню первоочередного и старейшего в ККВ 1-го Запорожского Императрицы Екатерины Великой полка. Полк в это время действовал на Персидском фронте. К этому же периоду относится и единственная сохранившаяся фотокарточка хорунжего И.И. Оксаковского. Она приводится в уже упомянутой книге С.М. Сынчи. «Прапорщик Запорожской конной сотни Оксаковский. Произведен Высочайшим приказом 2 октября 1915 года в Оренбургском казачьем училище. Станица Уманская 18 октября 1915 год. На память дорогим родителям» [5].

В Государственном архиве Краснодарского края в деле о пополнении офицерских кадров 1-го, 2-го, и 3-го Запорожских полков за 1915 г. сохранилась пометка вышестоящего начальства о том, почему в списке офицеров полка за ноябрь 1915 г. не значатся фамилий трёх офицеров полка, в том числе и прапорщик И.И. Оксаковский [6]. И только 7 декабря 1915 г. состоялся Высочайший приказ о переводе.

В 1916 г. И.И. Оксаковский был произведён в чин хорунжего. К декабрю 1916 г. за отличия в боях с турками и курдами на Персидском фронте он был награждён орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», состоя всё в той же должности младшего офицера 6-й сотни [7]. Орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом «за отличия, оказанные в делах против неприятеля», хорунжий И.И. Оксаковский был награждён в сентябре 1917 г. [8].

В августе 1917 г. на Персидском фронте началось формирование особого партизанского отряда для действия в тылу турецких войск и для связи с английскими союзниками России на Ближнем Востоке. В состав этого отряда вошел и хорунжий И.И. Оксаковский с 30 казаками 1-го Запорожского

полка. Об этом свидетельствует приказ по 1-й Кавказской казачьей дивизии Кавказской армии: «30 августа 1917 г. №81. Параграф 5. В партизанский отряд, сформированный согласно приказу по I-му Кавказскому отд. Кавалерийскому корпусу назначены: начальником отряда 1-го Горско-Моздокского полка Войсковой Старшина Бичерахов, от 1-го Уманского полка Хорунжий Крайник и Прапорщик Пономаренко и 80 казаков; 1-го Кубанского полка Прапорщик Кромаров и 36 казаков; от 1-го Запорожского полка Хорунжий Оксаковский и 30 казаков и от 1-го Горско-Моздокского полка Сотник Слесарёв, прикомандированный к полку Корнет Георгиев и 105 казаков. Приказ отдельному Кавказскому Кавалерийскому корпусу сего года №170» [9].

На фоне революционного разложения тогдашней Российской армии, партизанский отряд войскового старшины Терского казачьего войска, (осетина из терских казаков станицы Ново-Осетинской) Лазаря Фёдоровича Бичерахова был одним из самых боеспособных. По воспоминаниям уполномоченного Союза земств и городов на Персидском фронте А.Г. Емельянова, Л.Ф. Бичерахов любил повторять такие слова: « – Эх, хватить бы турок, немцев, чёрта – дивизией, корпусом в обхват, а ещё лучше бы армией». И далее: «Любит Бичерахов войну, пороховой дым, канонаду пушек. Любит скакать карьером и приказывать. Под свист пуль бросается в атаку во главе партизан своих. Раненый-перераненый. Ходит с палкой. Да и как только на коне сидит?» [10]. Таков был командир у кореновца И.И. Оксаковского. Широко были известны боевые дела отряда Л.Ф. Бичерахова в районе Кума, Катана, Исфахана, Рабат-Керима, Султан-Абада. Осенью 1917 г. его партизанский отряд соединился с британской армией генерала Маршалла и воевал у города Кара-Тепэ. Тогда в 1917–1918 гг., партизаны Л.Ф. Бичерахова, среди которых был и И.И. Оксаковский, вели совместные боевые действия с английскими союзниками против германо-турок в Персии, Месопотамии (нынешним Ираке) и в российском Закавказье. Это было самое южное проникновение российских войск в Азию за всю историю России.

А.Г. Емельянов вспоминал о тех событиях: «Пустите меня с партизанами вперед, – говорил Бичерахов Баратову в начале семнадцатого года, – и я сомкну оба фронта: русский

и английский. Рейд Гамалия – блестящ, – но эпизод. Из двух фронтов союзников я сделаю один – Персидско-Месопотамский». Так летом семнадцатого года партизаны Бичерахова стали нашим авангардом. Партизаны сомкнули фронты, и глухой осенью у Кара-Тепэ казаки совместно с английской армией под командой генерала Маршалла дрались с турками. Революция в разгаре. Хмурый октябрь принес войскам радость. Сначала перемирие. Мир в Брест-Литовске с немцами и мирный договор. Главнокомандующий Кавказским фронтом разрешает русским войскам уйти из Персии ... – Вы знаете, какую телеграмму прислал Бичерахов? – ?! .. – Не хочет уходить из Месопотамии. Не верит, что заключен мир. Так и пишет: «Казаки будут драться до победного конца». Посылаю ему повторное и решительное приказание. Баратов был смущен и расстроен. – Имея такие войска, мы заключаем сепаратный мир! Потом добавил: – Бичерахов был на крайнем левом фланге. Работал отлично. В авангарде наших войск тоже себя показал. В арьергарде будет не хуже. Ведь ему будет принадлежать честь вывоза имущества и прикрытия войск при отходе! Казаки Бичерахова так далеко находились от родины и от нас, что совсем не слышали осеннего русского грома. Кроме того, они вели войну. Ходили в атаки, дрались. Ни газет, ни митингов. Это была сохранившаяся дисциплинированная часть» [11].

За участие в боевых действиях в Ираке И.И. Оксаковский был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. В приказе по партизанскому отряду Л.Ф. Бичерахова от 8 июля 1918 г. № 168 по части инспекторской объявлялся список г.г. офицеров, награждённых отрядной Георгиевской Думой за отличия, оказанные в боях против турок в Месопотамии (Ираке) в 1917 г. Среди награждённых 8-м в списке значится хорунжий Оксаковский [12].

Воевать казакам партизанского отряда Л.Ф. Бичерахова приходилось в очень тяжёлых условиях. При фактическом отсутствии тыла и снабжения. В условиях горной, пустынной или тропической местности, в малярийных болотах. Недоставало воды, провианта и медикаментов. Повсюду были враждебные русским и англичанам протурецки настроенные племена Персии и Ирака. Позже отряд Л.Ф. Бичерахова оборонял русское Закавказье и Кавказ от вторжения герма-

но-турецких войск. Эти российские Кавказские области, как известно, тогдашним большевистским правительством были отданы по Брестскому миру Турции, однако Л.Ф. Бичерахов со своим отрядом не признал этот мир, воюя за Единую Неделимую Россию.

Отряд Л.Ф. Бичерахова, в котором сражался хорунжий И.И. Оксаковский, являлся единственным подразделением Русской Императорской армии, которое встретило окончание Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. победой союзников над Германией, Австро-Венгрией и Турцией в 1918 году. Хорунжий И.И. Оксаковский не дожил до окончания войны. Он погиб в промежутке между июлем и декабрём 1918 г. В декабрьских списках офицеров отряда И.И. Оксаковский уже отсутствует. Выяснить обстоятельства его гибели пока не представляется возможным. С большей долей вероятности хорунжий погиб за пределами границы России, так как всех чинов отряда Л.Ф. Бичерахова, которые погибли на Российском Кавказе, хоронили на своей земле и списки их примерных захоронений известны. Об этом свидетельствуют архивные данные, приведённые в монографии А.Ю. Безугольного «Генерал Бичерахов и его Кавказская армия 1917–1919 гг.». В своих прощальных приказах по отряду в начале 1919 гг. Л.Ф. Бичерахов отмечал: «В то время, когда все фронты Великой Российской армии против внешнего врага перестали существовать, когда ей и стране был навязан позорный Брестский мир, здесь, на Кавказе, доблестные сыны России, верные своему долгу перед Родиной и союзническим обязательствам, одни, до конца, плечом к плечу с братьями по оружию, – нашими союзниками защищали Российскую территорию от турко-немцев».

И далее: «Россия и её история оценит и отметит высокий гражданский и военный долг, выполненный в государственном масштабе на этой окраине... горстью Российских граждан, доведших борьбу с внешним и внутренним врагом до конца, несмотря на то, что эта горсть верных сынов РОССИИ была окружена со всех сторон тайными и явными врагами. Союзники должны оценить патриотизм, проявленный Русскими гражданами, Армией и Флотом на этой окраине России, и те огромной важности военные задачи в связи с общими Союзническими фронтами, кои выполнены Вами при исключительно неблагоприятных условиях, как выполнены

Вами до конца обязательства в отношениях с Союзниками. Честь и Слава погибшим за Россию, мир праху героев! Вам, моим честным боевым товарищам – Армии, Флоту и Гражданам, низко кланяюсь и перед Вашей духовной РОССИЙСКОЙ мощью преклоняюсь, как преклонится лучшая страница Истории защиты РОССИИ её сынами в последнюю войну 1914–1918 годов» [13].

Приказ этот относится и к хорунжему ККВ станицы Кореновской И.И. Оксаковскому, который сложил голову за своё Отечество в возрасте 22-х лет, вдали от родной Кубани. Отважный офицер был награждён тремя боевыми орденами, воевал в составе единственного отряда бывшей Российской Императорской армии до самого конца Первой мировой войны, не признав Брестского мира. Надеюсь, что судьба моего земляка в контексте микроисторического исследования послужит увековечению памяти в год векового юбилея.

Примечания

1. Архивный отдел администрации муниципального образования Кореновский район. Ф.145. Оп.1. Д.55 Л. 9 об.-10.
2. *Сынча С.М.* Страницы истории Кореновского района. Кореновск, 2011. С. 174.
3. Кубанский край. 1914. №1369-176.
4. Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1915 г.
5. *Сынча С.М.* Указ.соч. С. 175.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.396. Оп.1. Д.10872. Л.56 об.
7. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2007. Оп. 1. Д. 75.
8. ГАКК. Ф.395. Оп.5. Д. 15. 1.ч. Л.40.
9. ГАКК. Ф.396. Оп. 5. Д. 12. Л. 70 об.
10. *Емельянов А.Г.* Казаки на Персидском фронте (1915–1918). М., 2007. С. 372.
11. ГАКК. Приказы Главнокомандующего войсками Кавказа за 1918 год. Инв.№ 9418. Л.1
12. *Емельянов А.Г.* Указ. соч. С. 373-374.
13. ГАКК. Ф.396. Оп. 5. Д.209. Л.20-21.

Георгиевский кавалер Н.И. Павловский

В 2014 г. исполняется 100 лет со дня начала Первой мировой войны. Во всем мире вплоть до 1939 г. ее называли Великой войной. И только в России с приходом советской власти она называлась империалистической, ее как бы стыдились, старались не вспоминать о миллионах жертв и массовом героизме народа, проявленном при защите своего Отечества.

В 2004 г. вышел биобиблиографический справочник В.М. Шабанова «Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия». Эта справочное издание представляет собой наиболее полную публикацию списков награжденных орденом Св. Георгия за весь период существования ордена. Известно, что среди удостоенных этой, сугубо боевой наградой, было много офицеров, так или иначе относившихся к Кубанскому казачьему войску. На странице 680 встречаем упоминание о Павловском Николае Ивановиче, «подъес., 3-й Кубанский пласт. бат., 4 ст. – Приказ по Кавказскому фр. от 27.03.1918 г. № 61 Ф.409. Оп. 1. п/с 143-012 (1915); Ф. 2100. Оп. 2. Д. 444. Л. 145–151 (1918)» [1].

Николай Иванович Павловский родился 06.12.1884 г. в Черниговской губ., православный, дворянин. Был женат первым браком на дочери нотариуса Елизавете Васильевне Позоевой, православной. 23.03.1904 г. поступил на службу в 167-й пех. Острожский полк вольноопределяющимся 2-го разряда. 01.08.1905 г. был командирован в Чугуевское пехотное военное училище для сдачи вступительного экзамена. 20.08.1905 г. после сдачи экзамена Н.И. Павловский был зачислен в общий класс юнкером рядового звания. С 11.05.1906 г. – младший унтер-офицер. По окончании полного курса военного училища произведен в хорунжие с назначением в 6-й Кубанский пластунский батальон, со старшинством с 15.06.1908 г. 27.06.1908 г. хорунжий Павловский прибыл к месту службы в укрепление Гуниб (Дагестанской обл.) и назначен младшим офицером во 2-ю сотню.

С 25.07.1908 г. по 16.08.1908 г. временно командовал 2-й сотней. С 27.08.1908 г. по 30.10.1908 г. заведовал школой подхорунжих. С 16.08.1908 г. по 21.03.1910 г. – помощник на-

чальника учебной командой. С 13.02.1909 г. по 12.07.1909 г. — начальник учебной команды. С 05.10.1909 г. по 29.08.1909 г. заведовал батальонной казачьей лавочкой. 28.04.1910 г. Н.И. Павловский командирован в распоряжение атамана Лабинского отдела для участия в лагерном сборе, где командовал сотней по 17.06.1910 г. 21.06.1910 г. командирован со 2-й сотней в урочище Лагодехи Сигнахского уезда для принятия казарм и казенного имущества от 208-го пех. Лорийского полка.

С 01.08.1910 г. по 01.03.1911 г. со 2-й сотней нес караульную службу в г. Закаталы. 05.03.1911 г. переведен на службу в 3-й Кубанский пластунский батальон. 16.04.1911 г. исключен из списков 6-го Кубанского пластунского батальона. 19.04.1911 г. прибыл в 3-й Кубанский пластунский батальон и назначен младшим офицером 1-й сотни. С 22.08.1911 г. по 29.08.1912 г. помощник в учебной команде. 29.08.1912 г. командирован в г. Сигнах для несения караульной службы. 02.09.1913 г. прибыл из командировки. 05.10.1912 г. сотник, со старшинством с 15.06.1912 г. С 22.01.1914 г. по 14.02.1914 г. Н.И. Павловский начальник учебной команды. С 16.02.1914 г. по 01.08.1914 г. в г. Сигнахе вместе со 2-й сотней нес караульную службу. В 1913 г. предоставлено право ношения на груди светло-бронзовой медали в память 300-летия царствования дома Романовых. 18.07.1914 г. Высочайше повелено мобилизовать 3-й Кубанский пластунский батальон. Н.И. Павловский, будучи начальником гарнизона, принимал деятельное участие в мобилизации Сигнахского уезда. За труды, понесенные во время мобилизации, Н.И. Павловскому была пожалована светло-бронзовая медаль на ленте Белого орла для ношения на груди. 16.08.1914 г. по окончании мобилизации и по смене сотни в г. Сигнахе присоединился к батальону в г. Эривани. 27.08.1914 г. батальон прибыл в местечко Кагызман.

С 02.09.1914 г. по 18.10.1914 г. Н.И. Павловский в составе 3-й сотни командирован к границе Турции из Кагызмана на летние пограничные посты — Мамадур, Чичаглы, Малаасман для несения охраны границы. 09.09.1914 г. отбил нападение курдских банд на летний пограничный пост Чичаглы. С 19.10.1914 г. по 22.10.1914 г. по случаю объявления войны Турции с сотней в отряде полковника 1-го Запорожского полка Кравченко перешел границу Турции. В составе этого

же отряда участвовал в трехдневных боях около Алашкерта на хребте Шагуль. 27.10.1914 г. с сотней присоединился к батальону. 28.10.1914 г. вместе с батальоном вошел в отряд 1-й Кубанской пластунской бригады генерал-майора Пржевальского. С 03.11.1914 г. по 11.11.1914 г. в составе батальона участвовал в непрерывных боях на левом берегу реки Аракс у д.д. Верхняя и Нижняя Тархаджа, Чиджарек, Хрых и Юзверан. 28.02.1915 г. за отличия, оказанные в Юзверанских боях, награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом. С 12.11.1914 г. по 12.12.1914 г. в составе батальона занял и укрепил позицию к западу от д. Юзверан. Непрерывно участвовал в разведках и мелких стычках с турками.

С 12.12.1914 г. по 15.12.1914 г. в исключительно тяжелых условиях форсированным маршем Н.И. Павловский прибыл с батальоном на выручку Сарыкамышу. С 15.12.1914 г. по 25.12.1914 г. в Сарыкамыше участвовал в непрерывных боях. В 1915 г. за отличие, оказанное против турок в Сарыкамышских боях, награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом. 27.01.1915 г. назначен командиром 3-й сотни. С 28.01.1915 г. по 23.02.1915 г. в составе батальона выступил из Сарыкамышу в Зивин для занятия Зивинских высот, где вместе с батальоном укрепился на горе Кавах-Тапа. Принимал непосредственное участие в разведках и наблюдениях за турками.

25.02.1915 г. в составе батальона прибыл в город Батум для пополнения и обучения батальона, где находился до 27.03.1915 г. 27.03.1915 г. назначен командиром 3-й сотни на законном основании. С 05.04.1915 г. по 29.04.1915 г. в составе батальона прибыл в город Севастополь для обучения посадки на судах и изучения типа судов. 10.04.1915 г. в составе батальона в г. Севастополе участвовал в Высочайшем смотре Его Императорского Величества Государя Императора. 18.04.1915 г. Его Императорское Величество Государь Император за боевую службу батальона назначил шефом батальона Наследника Цесаревича Великого князя Алексея Николаевича.

03.05.1915 г. в составе батальона перешел границу Австро-Венгрии у Радзивилова. С 05.05.1915 г. по 12.05.1915 г. в составе батальона вошел в отряд генерала Леша, с которым участвовал в боях с прусской гвардией. 11.05.1915 г. в боях

на реке Сан (против г. Ярослав) в составе батальона, командуя 3-й сотней, первым занял восточную опушку д. Бобровка и вытеснил с западной опушки этой деревни прусскую гвардию. 12.05.1915 г., Н.И. Павловский, сдерживая напор прусской гвардии у д. Загороды (Галиция), при укреплении восточной опушки этой деревни в 8 часов утра был ранен осколком шрапнели в голову, подлежал эвакуации, но, несмотря на рану, не оставил строй. К вечеру того же дня при обороне южной опушки этой же деревни был контужен тяжелым снарядом и эвакуирован. 16.04.1918 г. за отличия в боях с прусской гвардией у д.д. Бобровка и Загороды награжден орденом Св. Владимира 4-й ст.

С 25.05.1915 г. по 07.08.1915 г. Н.И. Павловский находился на излечении в Киевском военном госпитале в 5-м отделении, где ему была сделана операция головы и электризация правой половины тела. 10.08.1915 г. по выздоровлении от ран прибыл в батальон и назначен командиром 3-й сотни на законном основании. С 15.08.1915 г. по 25.08.1915 г. в составе батальона, командуя 3-й сотней, участвовал в непрерывных боях с австро-германцами на реке Днестр в районе д.д. Шупарка, Каралювка, Мархановка, Выгода и Виниатинец. 11.12.1915 г. за отличия, оказанные в боях против австро-германцев, награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. с мечами. 25.08.1915 г. в бою у д. Выгода ранен двумя пулями в левую руку и прикладом ружья в голову, эвакуирован в тыл. 27.03.1918 г. награжден орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й ст. за то, что «в бою 25.08.1915 г. у с. Выгода, находясь на правом фланге своего батальона, заметил с высоты «240», что противник угрожает охватом нашего левого фланга, по личной инициативе, быстро двинулся на рощу, овладел ею с боя, затем вышел на фланг противника, атаковал и овладел высотой «305», а затем сейчас же атаковал следующую высоту «306», занятую пехотой и двумя пулеметами, открывшими по нему губительный огонь, лихим штыковым ударом захватил высоту и два пулемета. На этой высоте получил две пулевые раны и удар прикладом в голову, временно потерял сознание; придя в себя и истекая кровью, отбил две контратаки и удержал со своей сотней эту важную и господствующую высоту, находящуюся на фланге всей позиции. Ушел на перевязочный пункт после того, как

на высоту явились другие части батальона. Сотня потеряла из своего состава 90 человек убитыми и ранеными, взято им в плен 4 офицера и около 500 солдат».

С 01.09.1915 г. по 25.09.1915 г. Н.И. Павловский находился на излечении от ран в Харьковском лазарете № 1 имени Императрицы Александры Федоровны, где была сделана операция руки. Эвакуирован из г. Харькова в г. Тифлис для лечения расстроенного от ран здоровья. Состоял на учете при Навтлугском эвакуационном пункте. С 01.10.1915 г. по 10.12.1915 г. согласно постановления эвакуационной комиссии эвакуирован в г. Телав для лечения расстроенного от ран здоровья. 10.12.1915 г. при освидетельствовании в постоянной врачебной комиссии при Телавском уездном воинском управлении Н.И. Павловский был причислен по состоянию здоровья к 3-й категории 1-го разряда.

11.12.1915 г. командирован в распоряжение Штаба Кавказского военного округа. 20.12.1915 г. приказом Кавказского военного округа назначен курсовым офицером Телавской школы прапорщиков. 30.06.1916 г. произведен в подъяесаулы, со старшинством с 15.06.1915 г. С 28.12.1916 г. по 20.01.1917 г. и с 02.05.1917 г. по 17.05.1917 г. временно командовал 2-й ротой юнкеров. 31.01.1918 г. после расформирования Телавской школы прапорщиков был командирован в распоряжение штаба Кавказского военного округа. 08.02.1918 г. прикомандирован к штабу главнокомандующего войсками Кавказского фронта и назначен для ведения занятий в наградном отделе штаба главнокомандующего войсками Кавказского фронта.

10.03.1918 г. на основании приказа по В.В. от 20.05.1917 г. ст. 18 лит. Б за пребывание в школе прапорщиков на должности курсового офицера с 20.12.1915 г. по 31.01.1918 г. даровано два года старшинства в чин подъяесаула, т.е. с 15.06.1913 г. по 11.03.1918 г. на основании приказа по В.В. 1915 г. № 563 за выслугу 4 лет Н.И. Павловский был произведен в чин есаула, со старшинством с 15.06.1917 г.

26.02.1918 г. при освидетельствовании в постоянной врачебной комиссии в г. Тифлисе по состоянию здоровья причислен к 3-й категории 2-го разряда. 02.04.1918 г. на основании приказа по В.В. № 296 от 20.05.1917 г. (п. 4) для уравниения со сверстниками за время эвакуации Закавказским правитель-

ством (приказ № 65) произведен в чин войскового старшины, со старшинством с 07.02.1917 г.

24.05.1918 г. на основании приказа по В.В. от 20.05.1917 г. за № 296 (п. 4) произведен в чин полковника, со старшинством с 03.02.1917 г. С 15.06.1918 г. после расформирования штаба Кавказского фронта зачислен в заштат. С 01.01.1919 г. по 01.02.1919 г. Н.И. Павловский формировал 1-ю стрелковую Добровольческую бригаду генерала Янкевского (был в должности командира батальона). С 01.02.1919 г. по 01.04.1919 г. по предписанию генерала Пржевальского сформировал эшелон для отправки на Терек и пулеметную команду при нем. 03.04.1919 г. доставил эшелон в Терскую область. Прибыл в Штаб командующего Терско-Дагестанского края 05.04.1919 г., сдал пулеметную команду в Ширванский пехотный полк. На этом сведения о Николае Ивановиче заканчиваются. Дальнейшая судьба его не известна [2].

Примечания

1. Шабанов В.М. Биобиблиографический справочник Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. М., 2004. С. 680.

2. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 821. Л. 31–32; Ф. 396. Оп. 2. Д. 924. Л. 136 об.–137; Ф. 396. Оп. 2. Д. 947. Л. 9 об.–10; Ф. 396. Оп. 2. Д. 956. Л. 12; Ф. 396. Оп. 5. Д. 356. Л. 415–425 об.

И.Н. Извеков (г.Сочи, Россия)

Участник Первой мировой войны Николай Петрович Извеков (1869–1933)

Сто лет отделяет нас от начала Первой мировой войны. В ней приняли участие наши предки – десятки миллионов россиян, родившихся в разные годы XIX столетия. К 2014 году на смену им пришло не одно поколение российских сограждан. Многие из них не по своей воле не оставили в семьях памяти о тех, кто беззаветно служил Отечеству и ковал победу на фронтах этой беспрецедентной войны. Профессиональные историки до сих пор продолжают изучение Первой мировой и её влияния на её исход революций 1917 года в России. Задача потомков – восстановить преемственность в семейной

истории и воздать должное тем кровным и свойственным родственникам, кто беззаветно служил своему Отечеству и был участником событий в этот сложный период первой четверти XX века.

Мне, родившемуся в 1937 году, практически до 1993 года составить биографический очерк о деде не представлялось возможным. Душевные переживания о трагедии рано ушедших из жизни родителей-жертвах политических репрессий в СССР, из-за незнания истоков родных корней, биографий близких людей привели к мысли о необходимости исследовательской работы по истории семьи. В свой пятидесятилетний рубеж я все острее стал осознавать, что без сбора информации о родных истоках фамильную сагу об Извековых и породненных с ней семьях не составить. Желание восстановить утерянные в годы советской власти знания о своих родных корнях у меня и родственников была огромна. Но мы не знали, как и с чего начать эту работу? Как соединить разрозненные устные домашние легенды в доказуемо обоснованную историю семьи? Для этого надо обладать не только конкретными знаниями о преемственности поколений, но и владеть элементарными навыками работы в этой сфере. Этому нигде не учили, об этом никогда и нигде не говорили, даже в семьях. В мое детство и юность в школе, а затем и в ВУЗе к этим вопросам никогда не обращались. В семье эту тему старались не поднимать, а если говорили, то конфиденциально, с тем, чтобы дети нигде не говорили о сословном происхождении родных, рожденных до революции.

В обществе о сословии предков говорить избегали, так как идеологи построения коммунизма считали, что основой всему является пролетарское начало, а информация о сословных предках для граждан не только не нужна, но и вредна. Занятие генеалогией в СССР не поощрялось.

Теперь я даже и не припомню, где и когда впервые нелегально осмыслил и приобщился к основным положениям генеалогии. Всемогущая советская цензура не пропускала к изданию рубрику генеалогической тематики. В книжных магазинах такая литература не продавалась и в фонды библиотек не поступала. В библиографических каталогах всех видов книжных и архивных хранилищ раздела «генеалогия», как такового, не значилась. В системе просвещения, образования и воспитания наука генеалогия не применя-

лась. В библиотеках, архивах, музеях источниковедческая деятельность не рекламировалась, доступ граждан к фондам генеалогических источников без разрешения властей был не дозволен. В такой среде встретить людей, интересующихся историей семьи, практически было невозможно.

В годы перестройки я для себя эвристически сделал вывод: хочешь установить свои родные истоки – займись изысканиями генеалогической направленности. По новому стали восприниматься разрозненные, оставшиеся в семье послужные документы деда и другие источниковедческие материалы, реликвии, его домашняя библиотека, сохранившиеся письма, вещи, документы, фотографии. А это конкретизация истории семьи отца с середины XIX века из военного (дворянского) сословия. Отсюда и приобщение к истории Отечества, Орловской губернии, Малоархангельскому уезду – малой родины моих предшествующих поколений в ветви рода Извековых. Сами собой начали прорисовываться знакомства, консультации, общения с компетентными профессиональными библиографами, знатоками истории, публицистами, букинистами, филологами. Со временем круг общения расширился: я стал встречаться с историками, архивистами, писателями, владельцами частных библиотек. Со временем стал собираться и пополняться домашний архив о предках: информация о родных и породненных, этимологии фамилий, современниках.

В моем семейном архиве систематизированы материалы об Извековых из глубины веков, которые по крупицам удалось собрать лишь после 1993 года (принятия конституции РФ). На основе этих материалов удалось написать монографию [1], составить поколенную роспись ветвей рода Извековых [2]. В последней значится и мой дед, Николай Петрович Извеков (р. 4, крещен 10 октября 1869, Киев – 8 мая 1933, Казань, похоронен на Арском кладбище). Окончил 1-ю мужскую Рязанскую губернскую гимназию (1882 – 1889). Военное образование получил в Чугуевском пехотном юнкерском училище, куда был зачислен из 2-го гренадерского Фанагорийского полка (1891 – 1893, юнкер). В 1894 г. подпоручик, переведен в Могилев в 162-й пехотный Ахалцыхский полк. Участвовал в русско-японской (1904 – 1905, капитан) и в Первой мировой войнах (1914 – 1918, полковник). В 1914 г. в Казани фор-

мировал дивизионный обоз 77-й пехотной дивизии; назначен его командиром. Кавалер 6 российских орденов и 5 медалей. До 1919 г. участник Белого движения. Был дважды женат. Во 2-м венчанном браке на дочери надворного советника Варваре Фоминичне Извековой (урожденной Зыковой) (1881 – 1967). Имел от первого брака сына Алексея (1896 – 23 июня 1916, погиб в Первую мировую войну); от второго брака: сыновей – Николая (р. 1902, репрессирован и расстрелян в Казани, 1937), Владимира (1908 – 1974) и дочь Татьяну (1905 – 1979).

Скупые лаконичные записи о человеке из поколенной росписи семьи – не домашняя легенда, переходящая из поколения в поколение. Каждый факт подтвержден документом, найденным в том или ином историографическом источнике.

Из разрозненных документов, чудом сохранившихся в домашнем архиве Извековых после репрессий в 30 годы XX века в Казани и семейных преданий, были известны отдельные сведения о моем деде. Согласно этим данным, будучи ребенком, Николай Петрович был перевезен родителями: полковником Петром Александровичем и Марией Аркадьевной Извековыми из Киева на жительство и воспитание в Рязань, где и получил образование в 1-й мужской гимназии. Эти данные в конце XX века были подтверждены и уточнены архивной справкой из Государственного архива Рязанской области, в которой сообщалось: «В документах Рязанской 1-й мужской гимназии Извеков Николай значится в балловой книге на 1882/83 учебный год. Время рождения 4 октября 1869 г., происхождение – из обер-офицерских детей», время поступления в гимназию – 16 августа 1881 г. Он же значится в экзаменационном списке учеников 6 класса 1-го отделения гимназии за 1888/89 учебный год, здесь же имеется определение педагогического совета: «Уволен на основании циркуляра от 21 июля 1883 г.» [3].

Начало домашнего архива Николая Павловича Извекова было положено им еще в Могилеве, где он проходил военную службу. Затем архив перевезли в Казань. Частично он был потомками Николая Павловича. В архиве имеется ряд документов, которые позволили в конце XX века составить основу для генеалогического исследования орловской ветви дворянского рода Извековых. Среди этих документов копии нескольких выписок из послужных списков офицера 162 пехотного Ахал-

цехского полка Николая Петровича Извекова, в котором он служил с 1894 по 1918 год. Именно на основе этих выписок из послужного списка, предназначенных для представления в учебные заведения на предмет поступления его детей, был сформирован запрос в Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), откуда было получено подтверждение о наличии подлинников этих документов.

На один из запросов в РГВИА был получен следующий ответ: «Сообщаем, что из документов архива видно, что Николай Петрович Извекова, сын подполковника Рязанской губ., родился 4 октября 1869 г., православного вероисповедания, получил образование в Рязанской губернской гимназии и Чугуевском пехотном юнкерском училище. В 1889 г. зачислен вольноопределяющимся в 11-й гренадерский Фанагорийский полк; в 1890 г. произведен в унтер-офицеры, в 1893 г. – в подпрапорщики, в 1894 – в подпоручики с переводом в 162-й пехотный Ахалцыхский полк. В 1898 г. произведен в поручики, в 1902 г. – в штабс-капитаны, в 1905 г. – в капитаны, 24 мая 1916 г. – в подполковники.

Участвовал в войне с Японией 1904 – 1905 гг., награжден орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1905 г.), Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (1908 г.) и Св. Анны 3-й ст. (1912 г.).

Женат вторым браком, жена – уроженка Могилевской губ., православного вероисповедования. От первого брака сын 17 лет, от второго брака – два сына 11 и 5 лет и дочь 8 лет (на 1 января 1914 г.)» [4].

Сотрудники архива четко и лаконично ответили на суть запроса. Многих деталей в этом кратком информационном письме не оказалось. На основании сопоставления данных из других архивов, образ боевого русского офицера удалось дополнить другими существенными штрихами. Так, 22 декабря 1916 г. Н.П. Извеков произведен в полковники со старшинством по 162 пехотному Ахалцыхскому полку. В его наградном листе значатся ордена не только за боевые отличия в войне с Японией (три ордена), но и за боевые заслуги в Первой мировой войне 1914 – 1918 годов.

В эти годы он был «награжден орденами: Святого Станислава 2-й степени (1915 г.), Святой Анны 2-й степени (1915 г.), Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени с

мечом и бантом (1917 г.). Имел медали: серебряную в память царствования Императора Александра III, светло-бронзовую в память русско-японской войны 1904-1905 гг., таковую же в память 300-летия царствования дома Романовых, таковую же в память Отечественной войны 1812 года» [5].

Семейные предания казанских Извековых дополняют официальные данные к биографии Николая Петровича Извекова, и в сочетании со скрупулезно собранными материалами из разных опубликованных научных источников позволяют объемно и полно представить его военную карьеру. Мой прадед, полковник в отставке Петр Александрович Извеков (1806 – около 1894) с молодой женой (в третьем браке) Марией Аркадьевной определили сына Николая (моего деда) в 1889 году вольноопределяющимся во 2-й гренадерский Фанагорийский генералиссимуса князя Суворова, Его Императорского Высочества князя Дмитрия Павловича полк. В то время полк дислоцировался в Ярославле в Московском военном округе. Два года, проведенные в полку, позволили молодому человеку подготовиться к сдаче экзаменов в Чугуевское пехотное юнкерское училище в Харькове, в котором он обучался с 1891 до 1893 года. По окончании училища юнкер «переименован в подпрапорщика», возвращается в Фанагорийский полк и Высочайшим приказом производится в подпоручики с переводом в 162-й пехотный Ахалцыхский полк, дислоцированный в Могилеве в Виленском военном округе. С февраля 1894 года Николай Петрович Извеков до момента расформирования полка в 1918 году прослужил в нем с младших офицерских чинов до полковника.

Трудно установить, когда в конце XIX века Николай Петрович остался без отца. Скорее всего, это случилось на этапе завершения им Чугуевского пехотного юнкерского училища. По крайней мере, об этом повествует сохранившаяся в семье Извековых устная легенда, переходящая из поколения в поколение. Согласно ей, мать юнкера, вдова Мария Аркадьевна Извекова, вышла замуж за некоего Адольфа. И в этой семье у Николая Петровича Извекова в конце XIX века появились сводные сестры София и Екатерина. В развитие все той же легенды, совсем юный Николай Петрович женился первым браком в Ярославле, получил назначение в 162-й пехотный Ахалцыхский полк и прибыл к месту его дислокации в Могиле-

лев. Здесь в 1894 году в молодой семье появился первенец – Алексей. По неустановленным причинам эта семья распалась.

В 1900 году поручик Николай Петрович Извеков женился вторым браком на девице Варваре (1881 – 1967), происходящей из дворянской семьи надворного советника Могилевской губернии, банковского чиновника Фомы и Екатерины Федосеевны (1845 – 1927) Зыковых. Церковь 162-го пехотного Ахалцыхского полка в Могилеве зафиксировала рождение и крещение в семье Н.П. Извекова детей: Николая в 1902 г., Татьяны в 1905 и Владимира в 1908 гг. Однако свидетельства о рождении детей родители получили в Санкт-Петербурге в 1912 году из Духовного правления военного и морского духовенства. Это было связано со временем определения детей в гимназии. Тогда и понадобились их метрические документы [6] и копии с послужных списков отца-офицера. Эти документы чудом сохранились в казанском домашнем архиве Извековых после репрессий 1937 года, обрушившихся на эту семью.

Казанский период жизни капитана 162-го пехотного Ахалцыхского полка Н.П. Извекова начался с момента, когда он в эти края был «командирован на формирование 77-й пехотной дивизии по случаю объявления мобилизации: года 1914, июля 17. Прибыл на формирование дивизионного обоза и назначен командиром дивизионного обоза. Приказ по дивизии за № 1: года 1914, июля 17. В составе обоза выехал из гор. Казани на театр военных действий: года 1914, августа 16. Переехал границу театра военных действий у ст. Багратионовская: года 1914, августа 22» и поступил в распоряжение ставки Северо-западного фронта [6].

С этой дивизией, а после ранений и лечения – в составе других армейских соединений и полков, получив последовательно звания подполковника и полковника, Николай Петрович Извеков воевал до 1918 года на фронтах Первой мировой войны. По данным семейного архива Извековых, в составе вновь сформированной 77-й пехотной дивизии в июле – августе 1914 года в Казани был мобилизован и его сын от первого брака – Алексей.

С целью обобщения и систематизации данных об Извекове Алексее Николаевиче и его отце в феврале 1999 года был послан запрос в РГВИА следующего содержания: «В послужных списках Николая Петровича Извекова (1869–1933) – сына П.А. Извекова (РГВИА. Ф. 409. П/с 81-210; Ф. 408. Оп.

1.Д.909; Ф. 407, Оп. 1. Д. 1635. Л. 60 об.) упоминается о рождении от первого брака (имя супруги не приводится) сына Алексея (р. 4 марта 1894 г., убит в первую мировую войну 23 июня 1916 г.) Хотелось бы узнать из послужного списка самого Алексея Николаевича Извекова в каком он был звании, где родился и какое получил образование, а так же нет ли в его послужном списке информации о его матери (первой жены Н.П. Извекова). Имеются ли в Вашем архиве, подробности его гибели: на каком фронте, в каком полку?».

На этот запрос из РГВИА последовал ответ: «В материалах РГВИА имеются данные о поступлении студента Горного института Алексея Николаевича Извекова во Владимирское военное училище в 1914 г. Из указанных документов видно, что А.Н. Извеков родился 4 марта 1894 г., окончил Грозненское реальное училище, приписан по отбыванию воинской повинности к 1 призывному участку г. Казани (РГВИА, ф. 409, п/с 285-611). Других сведений об Извекове А.Н. не обнаружено. В послужных списках офицеров не указывались сведения о родителях. Имя первой жены Н.П. Извекова в его послужном списке также не указано» [7].

В июле 1914 года семья Николая Петровича Извекова в полном составе прибыла с ним из Могилева в Казань. Цель приезда жены и детей – познакомиться с известными в России казанскими гимназиями и другими образовательными учреждениями на предмет возможного поступления детей в них на учебу. Начавшаяся Первая мировая война определила дальнейшую судьбу семьи, которая осталась в этом городе на средней Волге ждать возвращения отца, отбывшего на фронт военных действий со вновь сформированной 77-й дивизией. Вернуться в Могилев, теперь уже казанским Извековым, было не суждено: после 1917 года резко изменилась ситуация в России. Кадровый, боевой офицер Императорской армии, кавалер многих российских орденов, Николай Петрович Извеков в свои 50 неполных лет оказался невостребованным советской действительностью. В возрасте 64-х лет, 8 мая 1933 года, он умер своей смертью в Казани и похоронен на Арском кладбище.

Примечания

1. *Извеков И.Н., Извеков А.И., Баранов С.Ю.* 500 лет на службе России: дворянский род Извековых от вяземских вотчинников до наших дней. СПб., 2002. 599 с., ил.

2. Гербовед. Журнал РГК. М., 2007. № 4 (96). С. 86–92.
3. Государственный архив Рязанской области (ГАРязО). Ф. 609. Оп.75.Д.6. Л. 82 об.; Оп. 81. Д. 2.
4. РГВИА. Ф. 409. П/с 81-210; Ф.408. Оп. 1. Д. 909; Ф. 407. Оп. 1. Д. 1635. Л. 60 об. «Послужной список командира дивизионного обоза 160 пехотной дивизии подполковника Н.П. Извекова, март 1917 года».
5. Там же. (Раздел IX. Прохождение службы.).
6. Там же. (Раздел IX. Прохождение службы 1914).
7. Ответ И.Н. Извекову № 274 от 03.03. 1999 на запрос в РГВИА б/н от 01.02.1999. Из домашнего архива И.Н. Извекова в Великом Новгороде.
8. Свидетельство о рождении Николая Николаевича Извекова: запись из метрической книги церкви 162-го пехотного Ахалцыхского полка за 1902 год (домашний архив И.Н. Извекова).

В.В. Слободенюк (г. Краснодар, Россия)

Кавалер Георгиевского оружия Андрей Михайлович Труфанов

В 2014 г. исполнилось сто лет со дня начала Первой мировой войны. В XX веке эта война была основательно вычеркнута из памяти русского народа, как «неудобная» в идеологическом смысле, а имена ее героев долгое время находились в полном забвении.

Не исключением были и представители нашего славного казачества, сражавшегося как на Главном Европейском, так и на Кавказском фронтах. Казаки совершали поистине героические подвиги. Об этом свидетельствует тот факт, что из почти 100 тыс. кубанских казаков, призванных в армию, более 30 тыс. были отмечены знаками отличия.

Примером служения России в годы Первой мировой войны является служба одного из первых Георгиевских кавалеров начавшейся войны, казачьего офицера Андрея Михайловича Труфанова.

Андрей Михайлович Труфанов родился 5 июля 1870 г. в ст. Ярославской, в семье дворян (из обер-офицерских детей) Кубанского казачьего войска. Воспитание и общее образование он получил в дополнительном классе реального отделения Ставропольской гимназии [1].

Военную службу А. Труфанов начал 13 июля 1889 г. в 1-ом Черноморском полку Кубанского казачьего войска [2].

15 августа 1889 г. он был командирован для поступления в Ставропольское казачье юнкерское училище и после сдачи установленного экзамена принят в старший курс. 12 августа 1890 г. он был выпущен из училища с окончанием курса по 2-му разряду в чине подхорунжего. После учебы был зачислен в 1-й Хоперский полк, а 20 ноября назначен помощником заведующего полковой учебной командой.

1 февраля 1891 г. А. Труфанов получил чин хорунжего и был переведен во 2-й Уманский (льготный) полк. С июня 1891 г. по февраль 1892 г. он проходил службу во 2-м Урупском (льготном) полку. С 8 марта 1892 г. служил в 1-м Урупском полку (впоследствии переименованный в 1-й Линейный генерала Вельяминова полк) и занимал должности: заведующего конно-саперным взводом, заведующего полковой учебной командой, заведующего обозом, полкового казначея, был членом комиссии по офицерскому заемному капиталу, командующим 6-й сотней.

1 июня 1895 г. получил чин сотника. 5 апреля 1897 г. был награжден серебряной медалью, учрежденной в память царствования Императора Александра III, а 6 мая был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени [3].

А.М. Труфанов проявил способности умелого педагога и был командирован в Ставропольское казачье юнкерское училище, в котором с сентября 1897 г. по октябрь 1898 г. прослужил в должности младшего офицера.

7 мая 1900 г. он был награжден орденом Святой Анны 3-й степени [4].

В 1901 г. он кончил курс в офицерской стрелковой школе, 1 июня 1903 г. был переименован в подъесаулы и 10 июля назначен командиром 6-й сотни 1-го Урупского полка.

С 9 августа 1903 г. по 19 октября 1910 г. с перерывами (с 1906 по 1909 гг. учился на курсах физического образования при Главном управлении военно-учебных заведений), исполнял обязанности младшего офицера Оренбургского казачьего юнкерского училища [5].

6 мая 1909 г. Труфанов был переименован в есаулы, а 6 декабря – награжден орденом Святого Станислава 2-й степени.

29 октября 1910 г. А. Труфанов, уже будучи откомандированным из Оренбургского казачьего юнкерского училища обратно в 1-й Линейный полк, был назначен командиром 3-й сотни полка.

За отличную стрельбу из револьвера А.М. Труфанов 3 июля 1912 г. получил денежный приз в размере 23 руб. 75 коп. [6]

В характеристике командира 3-й сотни 1-го Линейного Генерала Вельяминова полка есаула А. Труфанова за 1912 г. было сказано: «Военное дело знает и им интересуется; строевую кавалерийскую службу любит и несет от сердца. В строевом отношении отличный офицер, прекрасно знает все уставы и наставления. Предшествующая служба сменным офицером в училище дала ему много практических сноровок, способствующих отличной постановке строевого дела. Сотня по всем отделам строевого обучения была подготовлена ровно, вполне хорошо. В хозяйственном отношении сотня в большом порядке; по содержанию и телам лошадей сотня одна из лучших в полку. Внутренний порядок в сотне образцовый. Ездит отлично, ещё и до сих пор джигитует. Отлично рубит. Перед сотней держится сноровисто. Хороший инструктор фехтования. Энергичный, твердый, настойчивый и требовательный. В тактическом отношении подготовлен вполне хорошо, хотя и слабее, чем в строевом. В поле быстро ориентируется, работает осмысленно, всегда найдется и никогда не растеряется. Здоров вполне, все трудности похода может переносить легко. Умственно развит хорошо, интересуется военной литературой, особенно историей войска и полка. Дисциплинирован. Вспыльчив, что влечет иногда к некоторым шероховатостям в отношениях к старшим. С большим самолюбием и самомнением. Излишнее самолюбие мешает ему быть объективным, ровным и справедливым к товарищам, почему любовью с их стороны не пользуется. Ничего не пьет. Отличный семьянин. В общем, лихой сотенный командир. Всегда может вызвать подъем и воодушевленность подчиненных. К занятию штаб-офицерской должности вполне подготовлен. Отличный. Достоин выдвижения вне очереди» [7].

Видимо, он сумел преодолеть в себе некоторые недостатки и завоевать уважение товарищей: офицеры в 1912–1913 гг. избрали его членом в распорядительный комитет по офицерскому собранию, заведующим заемным капиталом офицерского собрания, а затем членом суда чести.

21 февраля 1913 г. есаул Труфанов был награжден светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствования Романовых, а 6 мая 1914 г. за добросовестную службу он был награжден орденом Святой Анны 3-й степени [8].

Командир 3-й сотни есаул А. Труфанов в составе 1-Линейного генерала Вельяминова полка начал участвовать в боях против Австро-Венгрии с 23 июля 1914 г. [9].

В кампанию 1914 г. 1-й Линейный генерала Вельяминова полк, входивший в состав армейской конницы 8-й армии войск Юго-Западного фронта, находился на Восточно-европейском театре боевых действий [10].

«4 августа 1914 г. в бою с австро-венграми у местечка Городок А. Труфанов, лично командуя своей сотней, произвел конную атаку на превосходные силы противника в критическую минуту боя, когда значительные силы противника, обходя фланг, намеревались ворваться в местечко. Несмотря на превосходные силы противника и сильный шрапнельный огонь, разбил противника фланговой атакой, когда 5-я сотня билась с фронта. Около 3-х эскадронов противника было уничтожено. Этот успех имел решающее значение, так как покончил с неприятельской кавалерией. Сотни двинулись на артиллерию противника, которая увидев их пошла на утек, чем выручены были все другие части отряда, по которым артиллерия противника перестала стрелять, за что приказом по 8-й армии от 14 сентября 1914 г. № 82 он был награжден Георгиевским оружием» [11].

Сражение у местечка Городок, произошедшее 4 августа 1914 г., было одним из самых крупных кавалерийских столкновений на Юго-Западном фронте [12].

«Днем, 4 августа, на русские позиции, расположенные на западной окраине местечка начала свое наступление авангардная передовая австрийская кавалерия. Сражение началось с артиллерийской дуэли, которая длилась около двух часов. Затем, под прикрытием артиллерии и пулеметов австрийцы в пешем порядке пошли в атаку, но продвинуться вперед не смогли. Возможно, поэтому ими была предпринята массированная конная атака. На центр и левый фланг была брошена бригада венгерских гусар. Венгерская конница поразила свою доблестью в конных атаках. Гусары двигались стройными, сомкнутыми рядами, как на учениях. Их атаку поддерживала артиллерия. Подойдя к русским окопам на расстояние 900-1000 шагов, венгры были встречены мощным ружейным и пулеметным огнем. Последствия его были ужасны: поле боя было усеяно трупами, гусары отступали в беспорядке.

Почти одновременно, с окончанием этой атаки, австрийцы выдвинули 2 эскадрона на правый фланг русских позиций, где находился 1-й Линейный полк. Командир полка полковник К.К. Черный бросил в контратаку 5-ю сотню есаула, принца Шах-Рух-Дараб-Мирзы и 3-ю сотню есаула А.М. Труфанова. Развернувшись в лаву, линейцы понеслись на врага.

5-я сотня была встречена огнем противника, что приостановило ее продвижение. В тот момент во фланг австрийским эскадронам нанесла удар 3-я сотня, которая при помощи огнестрельного оружия опрокинула противника и шашечным ударом казаки завершили дело.

Бой у местечка Городок показал, что решающим фактором при кавалерийском столкновении является высокая плотность огня. Успех конницы на поле сражения теперь зависел не только от ее личных боевых качеств, но и от взаимодействия с другими родами войск: пехотой и артиллерией. Наряду с быстротой маневра, от кавалеристов требовалось так же и прекрасное владение как холодным, так и огнестрельным оружием. Именно это продемонстрировали казаки-линейцы в ходе боя у Городка» [13].

По сведениям тыловых частей и сохранившимся в памяти участников боя возле местечка Городок в братской могиле было похоронено свыше 500 гусар, павших в бою. Количество раненых, оставшихся на поле и подобранных санитарями, было настолько значительно, что дивизионный перевязочный пункт, открытый в местечке Городок, работал всю ночь. Уже к 8-9 часам вечера на пункте было зарегистрировано свыше 150 раненых кавалеристов [14].

Потери линейцев составили 30 человек убитыми и ранеными, из них большинство пришлось на 5-ю сотню (2 убитых и 19 раненых) [15].

А.М. Труфанов вспоминал: «В ходе битвы под Городком одна атака с шашками ничего не дала и тогда казаки, по собственной инициативе, благодаря усиленному мирному обучению, применили стрельбу с коня, в упор; в результате чего эскадроны врага были уничтожены» [16].

Об активном участии А. Труфанова в военных действиях можно судить по следующим данным. 6 августа 1914 г. А.М. Труфанов участвовал в бою за переправу у местечка Гусятин; 9 августа – в атаке при взятии местечка Чертков; 10 августа –

у деревень Падкловцы и Медведковцы, при взятии 4-х орудий с зарядными ящиками; 12 августа – в бою при местечке Монастыржиск; 27 августа – в бою за г. Стрий; 28 августа – в отражении наступления неприятеля на укрепления под местечком Миколаев; 29 августа – в сражении у села Навария, на позициях между деревнями Поршна и Пустомыты; 13 сентября – в бою на высотах Карпатских гор, юго-восточнее станции Роштока; 19-23 сентября – в бою у станции Сиянка; 11 декабря – в бою у села Вечернего; 4-10 февраля 1915 г. – в бою у села Ясионка. 9 марта 1915 г. – Труфанов был контужен осколками артиллерийского снаряда на позиции у сел. Петрушино [17].

8 ноября 1914 г. за отличия в делах против неприятеля А. Труфанов получил чин войскового старшины, а 19 ноября был назначен помощником командира 1-го Линейного полка по строевой части [18].

2 января 1915 г. за подвиги, мужество и храбрость, проявленные в боях против австрийцев он был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а 11 февраля «за отличия, оказанные в делах против неприятеля был награжден мечами к имеющемуся ордену Святой Анны 2-й степени» [19].

Боевой офицер обратил на себя внимание высшего командования и 28 марта 1915 г. его назначили командиром 3-го Хоперского полка, а с 6 апреля он вступил в должность [20].

С конца апреля по конец сентября 1915 г. 3-й Хоперский полк постоянно участвовал в боях: 21-23 апреля – в бою у местечка Ясло; 24 апреля – в бою западнее Красне с 9-й пехотной дивизией противника; 25-28 апреля – в бою у местечка Чудец; 14 мая – в бою у местечка Сенява; 2 июня – в бою у деревни Лихманова; 3 июня – у деревни Новини; 17-18 июня – в бою на реке Лубаньки у деревень Злощ, Крамак, Русски и Пянке; 22 июня – у деревни Майдан Лучицкий; 13-14 июля – у деревни Майдан Островский; 19 июля – в бою у г. Хелма Труфанов получил прямую контузию левой стопы осколком снаряда; 22-23 июля – в бою на реке Ухерка у хутора Рудня; 27 июля – в бою у деревни Поток; 1-29 сентября на реке Шаре [21].

19 июля 1915 г. за отличия в боях с неприятелем А.М. Труфанов был награжден мечами к имеющемуся у него ордену Святого Станислава 2-й степени.

22 октября 1915 г. за боевые отличия он был произведен в полковники, а 4 февраля 1916 г. был награжден Высочайшим благоволением.

21 июня 1916 г. награжден орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами за боевые отличия, оказанные в делах против неприятеля, 9 августа 1916 г. награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» [22].

26 февраля 1917 г. А. Труфанов был назначен командующим 1-й бригадой 4-й Кубанской казачьей дивизии. В командование бригадой он вступил только 6 июня 1917 г. [23].

В России полыхала революция, армию захлестнула волна дезертирства и необходимы были титанические усилия офицеров, чтобы держать трещавший по швам фронт.

Не зная о занятии Майкопского отдела большевиками, полковник Труфанов ехал из Персии в Майкоп в отпуск. Он прибыл в Майкоп в последних числах января, когда выехать из города не было никакой возможности. Не желая оставаться сторонним наблюдателем устроенной красногвардейскими частями кровавой вакханалии, Андрей Михайлович, по свидетельству полковника Петрова, «участвовал в заговоре станицы Ярославской вместе с полковником Тутовым и полковником Бобрышевым». Был арестован у себя на квартире Сорокиным и увезен в Туапсе. Полковник Труфанов был убит (расстрелян) большевиками 15 (16) марта 1918 г. на станции Индюк Армавирско-Туапсинской железной дороги в возрасте 47 лет. Похоронен на кладбище в г. Майкопе 8 апреля 1918 г. [24].

На основании приказа по Войсковому штабу Кубанского казачьего войска от 23 февраля 1919 г. № 301, бывший командующий 1-й бригадой 4-й Кубанской казачьей дивизии полковник А.М. Труфанов с 17 марта 1918 г. был исключен из списков зверски замученных большевиками [25].

Так трагически закончилась жизнь храброго казачьего офицера, прошедшего горнило Великой войны.

Примечания

1. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 11159. Л. 9 об.-10; Д. 11168. Л. 34 об.-35; Оп. 2. Д. 253. Л. 190 об.; Д. 726. Л. 112 об.-113; Д. 741. Т. 1. Л. 211 об.-212; Оп. 5. Д. 425. Л. 67.

2. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 930. Л. 6; Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1889 г.

3. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 425. Л. 67 об.-68; Подольский адрес-календарь. Каменец-Подольский, 1895. С. 36.

4. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 930. Л. 5-9 об.

5. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 744. Л. 622 об.-623; Оп. 5. Д. 425. Л. 68; *Ганин А.В., Семенов В.Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. М., 2007. С. 565.
6. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 425. Л. 68.
7. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 877. Л. 50-51.
8. ГАКК. Ф. 396. Д. 425. Л. 68-68 об.
9. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 425. Л. 70.
10. *Бурмагин А.Г., Бузун Ю.Г.* Кубанское казачество на рубеже веков (1860-1917 гг.). К 150-летию образования Кубанского казачьего войска. Краснодар, 2010. С. 331-332.
11. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 425. Л. 68 об.; Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1914 г.
12. *Матвеев О.В., Фролов Б.Е.* В вечное сохранение и напоминание славных имен (к 100-летию пожалования Вечных шефов первоочередным полкам Кубанского казачьего войска). Краснодар, 2005. С. 192-193.
13. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10699. Л. 4а-4 б; *Бурмагин А.Г., Бузун Ю.Г.* Указ. соч. С. 333-337.
14. *Тихоцкий Е.С.* Атака Австро-Венгерской конницы на 2-ю Сводную казачью дивизию под м. Городок 4-17 августа 1914 г. Белград, 1935. С. 21.
15. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10699. Л. 4а – 4б.
16. *Матвеев О.В., Фролов Б.Е.* Указ. соч. С. 194; *Матвеев О.В., Фролов Б.Е.* Страницы военной истории кубанского казачества: к 310-летию служения кубанского казачества Российскому государству. Краснодар, 2007. С. 347.
17. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 425. Л. 70.
18. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 425. Л. 68 об.
19. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 425. Л. 68 об.-69.
20. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1 . Д. 11159. Л. 9 об. -10; Д. 11168. Л. 34 об.-35.
21. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 425. Л. 70.
22. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1 . Д. 11168. Л. 34 об.-35; Оп. 5. Д. 425. Л. 69.
23. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 425. Л. 69; Ф. 656. Оп. 1. Д. 13. Л. 197-197 об.; Д. 14. Л. 38.
24. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 425. Л. 52, 53, 60, 65, 66; *Бурмагин А.Г., Бузун Ю.Г.* Указ. соч. С. 334; *Матвеев О.В., Фролов Б.Е.* В вечное сохранение и напоминание славных имен. С. 197.
25. Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1919 г.

Неизвестные награды Василия Даниловича Гамалия

Первая мировая война, начавшаяся летом 1914 г., втянула в ожесточенную вооруженную борьбу почти все государства мира. Кубанское казачье войско с началом Первой мировой войны выставило на театр военных действий 33 конных полка, Кубанский казачий дивизион, 18 пластунских батальонов, 5 конных батарей, 32 особых конных сотни. Всего же в сражениях Первой мировой войны участвовало 106 тыс. 115 кубанских казаков [1].

С первых месяцев войны кубанские казаки проявляли примеры героизма и доблести. Многие были удостоены наград, их имена «гремели» на всю страну. Один из героев Первой мировой войны – Василий Данилович Гамалий. О нем имеется обширная историография, но все авторы описывают один, наиболее известный подвиг, совершенный В.Г. Гамалием. В 1916 г. он во главе сотни 1-го Уманского казачьего полка прошел около трехсот верст и первым установил «живую» связь с английскими войсками в Месопотамии. За этот подвиг он был удостоен ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени [2]. Англичане за этот же рейд наградили Гамалия Военным крестом.

В рапорте на имя Войскового атамана, написанном в ноябре 1918 г., Василий Данилович указал, что за годы Первой мировой войны он был награжден 10 боевыми наградами: «1. Георгиевский офицерский крест 2. Георгиевское оружие 3. Английский военный крест (За первое соединение с англич. в Мессопот.) 4. Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. 5. Св. Анны 2-й ст. с мечами 6. Св. Станислава 2-й ст. с мечами 7. Св. Анны 4-й ст. с надписью « За храбрость» 8. Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом 9. Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом. 10. Солдатский Георгиевский крест » [3].

В Государственном архиве Краснодарского края (далее ГАКК) удалось найти документы с описаниями подвигов, за которые Гамалий был удостоен следующих наград: Георгиевское оружие и Георгиевский крест (солдатский) 4-й степени. Георгиевским оружием Василий Данилович был награжден 7 января 1916 г. «... за то, что 24 –го декабря 1914 года,

командуя разъездом из 25-ти казаков, задачей которому было поставлено охватить и обстрелять фланг отступавших и задержавшихся на попутных позициях турок на высотах западнее сел. Беккей, напал на их фланговую заставу и с боя захватил в плен 40 человек аскеров» [4].

Последнюю награду – солдатский Георгиевский крест – Василий Данилович получил в августе 1917 г. 24 июня 1917 года Временное правительство разрешило награждать им офицеров по решению солдатских собраний. Василий Данилович командовал партизанским отрядом с 6 по 30 апреля и, по свидетельству казаков и солдат, выказал личную беспримерную храбрость, распорядительность и умение правильно разбираться в боевой обстановке. Отряд под его командой 9 и 15 апреля производил боевую разведку сил противника и бродов на реке Диаласу, в районе селения Мейдан, при этом брод был найден. Турки бежали от реки, было захвачено в плен 23 аскера, вьючные животные и канцелярия.

26-го апреля партизанский отряд переправился через реку Диаласу первым и этим открыл переправу всему отряду. При этой переправе турки бежали, и партизаны гнали их верст на 10 в горы. 28 апреля отряд своевременно обнаружил глубокий обход турок отряда полковника Перепеловского и этим избавил его от крайне тяжелого положения.

В приказе командира 1-й Кавказской казачьей дивизии сообщалось: «6 сего августа мне представлено постановление всех чинов бывшего партизанского отряда подъяесаула Гамалия, состоявшего из 1-й сотни 1-го Уманского полка, партизанской сотни 3-й Кубанской каз. дивизии, взвода 3-й батареи 9-го Кавказского отдельного артиллерийского дивизиона и пулеметного взвода 2-го Кавказского пехотного полка о том, что все казаки и солдаты этих частей просят о награждении Начальника отряда 1-го Уманского каз. полка Подъяесаула Василия Гамалия Георгиевским крестом...

Подъяесаул Гамалий был всегда впереди, подавая свой высокий пример доблестного исполнения долга. Все его подчиненные работали спокойно, глубоко веря в своего начальника, Подъяесаула Гамалия.

Постановление подписано членами комитета.

Согласно приказа Армии и Флоту сего года № 26 ст. ст. 1, 3, 4 и 6 я утверждаю это постановление и награждаю Подъ-

есаула Василия Гамалия Георгиевским крестом 4-й степени» [5].

К сожалению, больше о подвигах Василя Даниловича Гамалия в годы Первой мировой войны информации найти не удалось. Вполне возможно, что в дальнейшем удастся выявить новые данные.

Примечания

1. Бузун Ю.Г. На фронтах Первой мировой войны // История кубанского казачества / под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2013. С. 200.
2. Приказы ККВ. № 338 от 16 июня 1916 г.
3. ГАКК Ф. 396. Оп. 5. Д. 340. Л. 270.
4. Приказы ККВ. № 163 от 6 марта 1916 г.
5. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 12. Л. 45.

.....

Раздел II.

Мировая война и культура.

Традиции служения, жизненный мир и духовное наследие российских сословий

.....

Э.Г. Вартаньян (г. Краснодар, Россия)

Первая мировая война и искусство модернизма (на примере творчества русских живописцев начала XX в.)

Начало XX в. было золотой эпохой в истории модернистского искусства, вершиной художественного авангарда. Ощущая дисгармонию мира, отчуждение личности, несвободу и нестабильность художника в меняющемся мире, модернизм отрицал при этом возможности предшествующей культуры противостоять силам разрушения, выразить свое к ним отношение. Отсюда резкий антитрадиционализм, приобретающий нередко эпатирующий, экстравагантный характер. Мир в декорациях модернистов – жестокий и абсурдный, противоречия и конфликты – неразрешимые и безысходные, человек – одинокий и обреченный, чьи поступки бессмысленны, а окружающие его обстоятельства – непреодолимые и враждебные.

Не считаясь с государственными границами, невзирая на разные языки, разные социальные условия и непохожесть стилей, художники вместе искали новые пути, в то время как европейская политическая элита держала курс на конфронтацию. Последствия этого политического курса известны: 10 миллионов убитых, десятки миллионов тех, кто пережил Первую мировую войну, но познал физические и нравственные страдания, оставившие неизгладимый след в судьбе и душе.

Среди жертв войны – и представители классического модернизма. Символическим примером разрушительной мощи

войны может быть возникшее в Мюнхене творческое объединение «Синий всадник» (1911–1914) – главенствовавшее в европейском экспрессионизме начала века (основано Василием Кандинским и Францем Марком). Кстати, экспрессионизм был не столько художественной системой, сколько общей тенденцией в культуре, воплощавшей растерянность и отчаяние гуманистической интеллигенции перед силами зла и жестокости, царящими в окружающем мире накануне и в годы Первой мировой войны. Под влиянием роста антивоенных настроений экспрессионизм получил большое распространение в годы мировой войны 1914–1918 гг. Художники и писатели-экспрессионисты стремились раскрыть трагедию человека в современной действительности.

Представители «Синего всадника» на определенном этапе своего творчества проповедовали уход от цивилизации в мир животных. Животное казалось им порой чище, прекраснее, чем то, что было делом рук человеческих в условиях войны. Если в 1911 г. в написанной Францем Марком картине «Красные кони» мы видим живых, полных сил животных, представляющих трехфигурную динамичную пластическую группу, то уже в «Судьбе животных» 1913 г. царит первозданный хаос, в котором части животных кружатся в вихре, пронизанном световыми лучами. «Эта ужасная и бессмысленная война отняла у нас пять лет жизни, – писал Макс Эрнст, – мы присутствовали при смехотворном и постыдном разложении всего того, что нам выдавалось за прекрасное и истинное» [1]. Франц Марк первоначально восторженно встретил войну – но не из патриотических побуждений, а потому, что считал буржуазный мир Европы гибельным для культуры. Он надеялся, что война будет провозвестником нового, некой очистительной силой. Когда Франц Марк написал об этом Василию Кандинскому, тот ответил: «Не слишком ли страшную цену придется заплатить за очищение?» [2].

Но очень скоро фронтовая реальность и апокалипсический ужас пришли на смену милитаристским восторгам. Эрнст Людвиг Кирхнер, говоривший в 1914 г. о «сладком вкусе пороха» и записавшийся добровольцем на войну, в 1915 г. был демобилизован по состоянию здоровья и написал автопортрет, изобразив себя в солдатской форме и без правой руки – очень символичный для художника образ. Ловис Коринт,

изобразивший себя в 1914 г. в виде рыцаря в блестящих доспехах, в 1918 г. оставил в новой картине лишь грудку доспехов на полу своей мастерской (человека уже нет). Первая мировая война повлияла на творческое развитие многих художников-модернистов. Фернан Леже говорил, что дни, проведенные им у 75-миллиметрового артиллерийского орудия в Вердене сделали больше для его прогресса как живописца, чем все посещения музеев [3]. Оскар Кокошка и Эгон Шиле выработали свой знаменитый скептический взгляд, прежде всего, как следствие пережитого на войне. Многие радикально порвали с прошлым – и с искусством, которое носило следы реальности. Война еще шла, а Казимир Малевич уже писал свой знаменитый «Черный квадрат», в Цюрихе зародилось движение дадаистов... В конечном итоге, и сюрреализм возник как художественная реакция на Первую мировую войну.

В период и после Первой мировой войны окончательно рухнули надежды человечества на великую гуманистическую идею. В бессмысленной бойне серии империалистических войн начала XX в. мысль о справедливости, гуманизме сменилась скепсисом, который охватил мировоззрение значительной части общества. После заключения перемирия в Компьенском лесу 11 ноября 1918 г., многие люди утверждали, что теперь войн никогда не будет. Разочарование в этой надежде привело лишь к тому, что для жизни людей весь мир потерял всякий смысл, превратившись в царство хаоса, жестокости и абсурда, а человек в нём – в Сизифа, бессмысленно выполняющего тяжёлую работу. Многие мыслители в это время констатировали гибель культуры. Тем не менее, несмотря на такие точки зрения, по-прежнему функционировали направления, которые характеризуются в системе культурологических координат. Среди них был и модернизм.

В группу «Синий всадник» входило несколько российских художников. Трое – Василий Кандинский, Алексей Явленский и Марианна Веревкина – задавали тон. Они жили в Мюнхене, тесно сотрудничали с немецкими коллегами Францем Марком, Августом Маке и Габриеле Мюнтер. Когда началась Первая мировая война, российским художникам пришлось покинуть Мюнхен как подданным вражеской страны. Группа распалась. А потом на фронте погибли Август Маке и Франц Марк. Война разделила прежних друзей.

19 февраля 1957 г. произошло событие, основательно всколыхнувшее мировую прессу. Немецкая художница Габриэле Мюнтер, в день своего 80-летия, сделала г. Мюнхену поистине бесценный дар, признанный одним из самых крупных в новейшей истории музеев. Во владение городу она передала более 90 живописных полотен маслом, 330 работ темперой, акварелью и рисунков, живопись на стекле, множество блокнотов с набросками и 300 офортов и литографий Василия Кандинского. Кроме того – свои собственные дневники, многолетнюю переписку с В. Кандинским, документы по созданию альманаха и группы «Синий всадник», чьим активным участником она была, и работы художников, членов этой группы. Наконец, около двух тысяч фотографий, отснятых ею во время многочисленных совместных с В. Кандинским поездок и путешествий [4]. Кстати, все эти сокровища сосредоточены сегодня в знаменитом мюнхенском музее Ленбаххаус и составляют основу его экспозиции.

Имя одного из основоположников абстрактной живописи Василия Кандинского (1866–1944) не требует комментариев. В крупнейших музеях мира висят его полотна, на разных языках регулярно переиздаются посвященные ему монографии. О нем пишут, его творчество исследуют, по его наследию защищают диссертации. Три страны претендуют на художника и не могут поделить его между собой. Россия – первая среди них и главная, пожизненная любовь, земля его предков, детства, отрочества и юности, его родного языка. Германия – страна, где В. Кандинский получил художественное образование, делал первые шаги в живописи, создал теорию абстрактного искусства и воплотил ее в своем творчестве. И Франция, куда пришлось ему бежать после прихода к власти нацистов, где он жил последние годы, умер и похоронен.

Родословное древо рода Кандинских насчитывает много поколений, представители этой фамилии встречаются среди разных слоев культуры и науки, этнографии и коммерции России.

Родился Василий в 1866 г. в Москве, в семье коммерсанта. Отец его, Василий Сильвестрович, родом из сибирского городка Кяхта, происходил из древнего забайкальского рода нерчинских купцов и, как считают некоторые биографы, был потомком сибирских каторжан.

Окончив гимназию, Василий поступил на юридический факультет Московского университета. В 1889 г. с университетской этнографической экспедицией отправился в Вологодскую губернию. Природа русского Севера, особый говор, сохранившиеся в деревенских избах древние иконы и другие предметы старины, народное искусство, костюм совершенно околдовали его. В дальнейшем в его творчестве 1901–1907 гг. мощно зазвучит русская традиция. Фольклорные персонажи, сюжеты русских сказок, преданий, былин станут основными темами его работ.

По окончании университета, в феврале 1893 г., В. Кандинский получил докторскую степень и был избран действительным членом Московского юридического общества. А в 1896 г. Дерптский университет в Тарту предложил молодому ученому место профессора юриспруденции. Но В. Кандинский решил оставить науку, отказаться от многообещающей карьеры и посвятить себя искусству живописи. Целиком и без остатка.

Судьба распорядилась так, что В. Кандинский оказался неким странником, хотя связь с Россией являлась определяющей. Живя в Германии, он постоянно интересовался тем, что делалось в России. Кроме того, он поддерживал постоянные контакты с русскими художниками, печатался в журналах «Мир искусства» и «Аполлон». В самом Мюнхене была большая русская колония, и те объединения, которые он там создавал, будь то «Фаланга», «Новое общество художников Мюнхена» или «Синий всадник», наполовину, по его же словам, состояли из русских. Первая мировая война застала В. Кандинского зрелым художником, хотя к живописи он обратился в 30-летнем возрасте.

Пройдя школу Серебряного века, В. Кандинский многое воспринял из духовного климата той эпохи. Художнику казалось, что ему суждено соединить культуры разных стран, в первую очередь Запада и Востока. Поэтому он одновременно активно действовал и в Германии, и в России. Таков был его не только чисто художественный, но и культурный проект. Сама же мысль о возможном единстве германской премудрости и русской идеи об «истине» вызревала в России еще в XIX столетии, ею увлекались и императоры, и поэты. Плодотворной она оказалась и для эпохи символизма. С 1933

по 1944 г. В. Кандинский жил в Париже, активно участвуя в интернациональном художественном процессе. Умер в 1944 г. в парижском пригороде Нёйи-сюр-Сен.

Алексей Явленский (1864–1941) принадлежит к числу крупнейших мастеров XX в. «Немецкий художник, выходец из России» или наоборот: «русский художник, один из ярких представителей немецкого экспрессионизма», – так характеризуют А. Явленского энциклопедические словари. После обучения в Петербургской Академии художеств он, как и многие русские художники его времени, учился в Европе, принимал участие в российских и зарубежных выставках. Художник большую часть жизни прожил за границей, и его имя гораздо лучше известно за пределами России, чем на родине. А. Явленский создал более трех с половиной тысяч произведений, его работы хранятся во многих музеях и частных коллекциях Европы и Америки, но в российских собраниях их не больше двух десятков. В то же время, чем дольше А. Явленский жил в Европе, тем явственней проявлялась глубинная связь его творчества с русской культурой.

Потомок графов Растопчиных, А. Явленский родился в 1864 г. в Торжке (Тверская губерния). Отец его был полковником, и Алексей, хотя с 15-ти лет увлекался живописью, начал в Москве свою карьеру как военный. Однако, узнав, что в Санкт-Петербурге офицеры могут по особому разрешению учиться в художественной школе, он поступил в 1889 г. в Петербургскую Академию художеств, где стал учеником И.Е. Репина. В 1891 г. он познакомился с одной из подопечных И.Е. Репина Марианной Веревкиной – в ней уже чувствовался сложившийся художник и оригинальный теоретик искусства (впоследствии она разделила судьбу художника как единомышленник и друг).

В 1896 г. вместе с М. Веревкиной А. Явленский отправился в Мюнхен, чтобы продолжить образование в знаменитой школе Антона Ашбе, вокруг которой группировалась в те годы колония русских художников. У А. Ашбе учились И. Грабарь, М. Добужинский, И. Билибин и, наконец, – Василий Кандинский. Имя Алексея Явленского тесно сопряжено с именем Василия Кандинского: вместе с В. Кандинским он стал учредителем «Нового мюнхенского объединения художников» (1909), позднее был членом художественного объединения экспрессионистов «Синий всадник».

А. Явленский часто приезжал на родину повидаться с родными, периодически участвовал в российских выставках, но его творческие интересы были связаны, прежде всего, с «немецкими Афинами» – Мюнхеном. Он активно выставлялся, его картины успешно продавались. В мюнхенском доме А. Явленского и М. Веревкиной собирались друзья-художники, здесь бывали многие знаменитости, жившие или гостившие в городе.

19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России. В 1914 г. Алексей Явленский в последний раз посетил Россию, а в августе того же года он и его близкие как «нежелательные лица» на немецкой территории вынуждены были поспешно перебраться из Германии в нейтральную Швейцарию. Беженцы поселились на берегу Женевского озера в деревушке Сен-Пре близ Лозанны. Внезапно лишенные привычного жизненного уклада, растерянные и подавленные, они бежали последним поездом, взяв с собой только то, что смогли унести. В их роскошной мюнхенской мастерской, где они прожили восемнадцать лет, где перебивали многие приезжавшие в «немецкие Афины» известные люди, где постоянно гостили их друзья Василий Кандинский, Габриэль Мюнтер, Владимир Бехтеев, осталось все, что было дорого художнику: все его работы, коллекции. А. Явленский чувствовал себя глубоко несчастным, он был оторван от привычной художественной среды, сильно нуждался (поступление пенсий из России в связи с войной прекратилось). Счастливому мюнхенскому братству пришел конец: возвратился в Россию Василий Кандинский, ушел добровольцем на фронт и вскоре погиб Франц Марк.

А. Явленский был свидетелем того, как В. Кандинский в 1910 г. сделал последний шаг к беспредметному искусству (абстракционизм). Хотя многие работы А. Явленского этого периода были близки к опытам В. Кандинского, «его приближение к беспредметности останавливается едва ли не на последней грани» [5].

В 1924 г. А. Явленский совместно с В. Кандинским, Паулем Клее и Лионелом Фейнингером основал объединение «Синяя четверка», проводившее свои выставки сначала в Германии, а затем в США. В 1937 г. 72 работы А. Явленского были конфискованы нацистами, как и другие картины ху-

дожников-экспрессионистов, входивших в список «Дегенеративное искусство» [6]. В 1938 г. А. Явленский прекратил заниматься живописью. Умер в 1941 г. в Висбадене, похоронен на русском православном кладбище.

Марианна Веревкина (1860–1938) родилась в Туле в семье генерала Владимира Веревкина. Ее мать Елизавета Дараган была художницей. Она и обратила внимание на способности дочери и помогла ей получить хорошее художественное образование.

Семья много раз переезжала к месту очередного назначения отца. В Петербурге Марианна брала частные уроки у классика русского реализма – И.Е. Репина, который высоко ценил ее талант и с большим интересом относился к ее творческим успехам. К сожалению, при очевидной одаренности М. Веревкиной, она не могла учиться в Академии художеств: тогда женщин в Академию не принимали. Именно в это время за мощь ее таланта художницу называли **«русским Рембрандтом»**. М. Веревкина успешно участвовала в выставках, в том числе передвижников. Но что-то мешало ей принять реалистическую форму в творчестве.

В 1888 г. произошел трагический случай на охоте. Марианна оперлась на дуло ружья, прогремел выстрел, она нечаянно прострелила себе кисть правой руки. К этому времени относится ее портрет, написанный И.Е. Репиным, хранящийся в Висбаденском музее. М. Веревкина изображена сидящей в кресле в белом платье с перевязанной правой рукой. Девушка полна обаяния молодости, энергична и весела. В мастерской И.Е. Репина в 1892 г. произошло знакомство художницы с Алексеем Явленским, которое на долгие годы связало их личные и творческие судьбы.

В 1896 г. М. Веревкина вместе с А. Явленским выехала в Европу для продолжения образования. Местом пребывания они выбрали Мюнхен, где тогда находился один из центров немецкого искусства. В своем доме в Мюнхене М. Веревкина организовала «русский салон», где встречались немецкие и русские художники и литераторы. Она создала Братство Св. Луки, в которое входили Василий Кандинский, Габриела Мюнтер, Алексей Явленский, Пауль Клее и другие. М. Веревкина увлекалась сочинениями русских символистов, проблемами философии развития искусства. В ее салоне в

1905 г. читал свои лекции о современной мировой культуре Андрей Белый.

В 1909 г. художники объединились в «Новое объединение художников Мюнхена» (позже «Синий всадник»). М. Веревкина принимала во всем этом живое участие. Ее теоретические идеи легли в основу «Синего всадника». М. Веревкина исповедовала те же идеи, что и В. Кандинский, изложив их в своих «Письмах к незнакомцу» [7]. Кстати, как и В. Кандинский, она обладала способностью воспринимать цвет как музыку. М. Веревкина создала собственную теорию, согласно которой «мужской талант» должен заниматься творчеством, а «женский талант» – обучать. Из-за этого она на целых 9 лет прекратила заниматься живописью, пытаясь весь свой талант и способности к теоретическому осмыслению творчества вложить в своего подопечного, в А. Явленского. Возможно, именно это обращение к теоретическому обоснованию своих взглядов на искусство помогло ей уже в 1907 г. начать создавать картины, представляющие ее как мастера экспрессионизма. Сюжеты ее картин приобретают более глубокий мистический смысл. Это уже не просто дорога, а жизненный путь, судьба. В период проживания в Германии М. Веревкина и А. Явленский много путешествовали, посетили выставку осеннего Салона в Париже, познакомились с работами французских художников-авангардистов.

Первая мировая война резко изменила их жизнь. Положение художников еще больше осложнилось с началом революции в России: М. Веревкина перестала получать пенсию за отца, царского генерала. Художники впали в нужду. Приходилось расплачиваться за жилье полотнами. М. Веревкина была вынуждена давать уроки рисунка и подрабатывать изготовлением открыток.

Тем временем происходит дальнейшее расхождение путей М. Веревкиной и А. Явленского, их все меньше и меньше связывает единомыслие в искусстве, к этому присоединились и бытовые трудности. В 1921 г. они расстаются окончательно. Последние 20 лет её жизни прошли в Асконе (Швейцария).

В своих произведениях М. Веревкина много внимания уделяла взаимоотношениям человека и индустриального мира, человека и природы, человека и Бога. Везде видела она одно и то же. Беспросветный труд, однообразие и убогость

жизни людей труда. Фабрики с дымящимися трубами, промышленная среда, в которой человек утрачивал свою личность.

В 1922 г. М. Веревкина основала в Асконе музей современного искусства, куда не только отдала свои работы, но и попросила знаменитых друзей подарить каждого по одной картине [8]. Природа в ее произведениях, хотя и имеет символическое значение, легко узнается. Часто это оказываются горы и озеро живописной Асконы. Безусловно, она была местной знаменитостью, но несмотря на это, на жизнь ей не хватало. Даже в 76 лет ради хлеба насущного приходилось искать заработка, и она рисовала плакаты. М. Веревкина говорила: *«Я верю и хочу, чтобы за мной верили и другие, что кроме суетного мира преходящих форм есть мир незблемого покоя истины, мир примирений, куда тянет меня всей душой. Это – моё чувство и моя вера, моя художественная суть, моё Я художника»* [9].

В феврале 1938 г. М. Веревкина умерла. Похоронили ее в Асконе по православному обряду. На эти похороны собрался весь город. Как это часто бывает, настоящая слава пришла после смерти. Ретроспективные выставки художницы были развернуты в Цюрихе и Берне, тогда же возник и Фонд Марианны Веревкиной. Сегодня ее картины можно увидеть не только в Музее модернизма в Асконе, но и в музеях Германии, Швейцарии, Франции, в частных собраниях всего мира. Распад реализма, мучительные поиски новых мощных выразительных средств захватили целое поколение художников начала XX в. Кандинский, Клее, Явленский, Леже, Шагал, Мунк... В этом блистательном ряду не потерялось имя Марианны Веревкиной. В России ее картины увидели впервые только в 1997 г. Значит, ее слава на родине только начинается.

Таким образом, для культуры начала XX в. было характерно осознание причастности художника ко всему, что совершается в мире, неразрывности своей судьбы с судьбой человечества. Биографии художников сливаются с философией страны и поколения, его портрет превращается в портрет современного мира. Искусство часто приобретает полемический характер, в нем происходит сложная борьба идей и принципов, напрямую или опосредованно связанных с

общественной борьбой. Культура стремится активно воздействовать на людей. Подлинное искусство отражает свою эпоху на самых глубинных уровнях; само творчество поднимает художника даже над собой.

Творчество многих модернистов в связи с начавшейся Первой мировой войны было посвящено мятежно беспокойному образу человека XX в., отображению ужасов войны, воплям боли опустошенного и обезличенного человека, отверженным людям (эмигрантам, преступникам и др.). Обреченность и боль за уродуемого войной человека приводили молодых художников и писателей к «бунту отчаянных» [10]. Первая мировая война повлияла на творческое развитие многих художников-модернистов. Многие радикально порвали с прошлым – и с искусством, которое носило следы реальности.

Преобладание мрачного колорита, пессимистических настроений и тревожных предчувствий, сознание неизменности бесчеловечного мира — таков был эмоциональный настрой творческой интеллигенции кануна и периода Первой мировой войны. Этот настрой отражал трагедию отчуждения личности, сознание крушения гуманизма, исторического тупика или движения по замкнутому кругу.

Примечания

1. *Вартаньян Э.Г., Красавина С.К.* Зарубежная художественная культура Нового времени. Краснодар, 1991. С. 48.

2. Первая мировая война модернистов. URL: <http://www.dw.de/a-17244090> (дата обращения: 22.08.2014).

3. Там же.

4. История одной любви (В. Кандинский и Г. Мюнттер). URL: <http://www.inieberega.ru/node/361> (дата обращения: 10.08.2014).

5. Алексей Георгиевич Явленский URL: <http://www.vgorode.ru/#/people/showPost/tId/8216032/postId/68436093/id/8216031> (дата обращения: 15.07.2014).

6. Картины и биография Алексея Явленского. URL: <http://smallbay.ru/artrussia/jawlensky.html> (дата обращения: 7. 05.2014).

7. Евгения Чернецова. Мариана Веревкина – незаслуженно забытое имя URL: <http://www.partner-inform.de/partner/detail/2007/8/236/2519> (дата обращения: 10.06.2014).

8. Там же.

9. Двойственное «Я» Марианны Веревкиной. URL: . <http://www.nashagazeta.ch/news/11567> (дата обращения: 12.06.2014).

10. *Вартаньян Э.Г., Красавина С.К.* Указ. соч. С. 48.

**«Пластунский батько»:
из жизни и военно-исторического наследия
генерала И.Е. Гулыги**

В уходящем году Кубань отмечает не только столетие Первой мировой войны, но 155 лет со дня рождения одного из её героев – генерал-лейтенанта Ивана Емельяновича Гулыги, незаурядного военного историка, военачальника и администратора, чьё имя навсегда вписано в полковую историографию Кубанского казачьего войска. В статье предпринята попытка обозначить основные вехи жизненного пути и военно-исторического наследия этого выдающегося кубанца, уроженца станицы Незамаевской.

Краеведы называют предков генерала среди первых переселенцев куреня Незамаевского. Но фамилия Гулыга отсутствует в Первой переписи казаков-незамаевцев 1794 г. [1]. Лишь в списках потерь русских войск в заграничных походах числятся умерший от «ран, полученных в сражении с французами» в 1813 г. казак 5-й сотни 1-го Сборного полка Черноморского казачьего войска куреня Незамаевского Мирон Гулыга и казак 1-й сотни того же полка и куреня Ефим Гулыга, павший в бою 18 января 1814 г. [2]. По-видимому, Гулыги прибыли в Незамаевское куренное селение в ходе первого пополнения Черноморского казачьего войска переселенцами из Черниговской и Полтавской губернии в 1808–1811 гг. [3]. Выяснить метропольное место выхода представителей фамилии по спискам переселенцев в Черноморское войско – задача будущих архивных разысканий. Пока же можно осторожно предположить, что Гулыги вышли с Черниговщины. Автор книги о станице Незамаевской А.И. Бессчётнова приводит следующее семейное предание: «Гулыги произошли от опального боярина Бибикова, который в царствование Алексея Михайловича ушёл из Москвы в Запорожскую Сечь и получил прозвище Гулыга. Согласно «б» и «г» в то время были взаимозаменяемыми. Учитывая это, становится понятен смысл слова «гулыга» – иначе «булыга», что означает камень или крепкую дубину» [4].

Первая часть этого текста о боярском происхождении выглядит сомнительной: известно, что при Алексее Михайловиче Бибиковы верно служили в стольниках, дворянах московских и стряпчих, а Фома Иванович в 1676–1680 гг. был даже воеводой в Якутске, где и умер [5]. В реестре Запорожского войска 1756 г. прозвище «Гулыга» не встречается [6].

Зато представляет интерес вторая часть версии А.И. Бессчётновой – о взаимозаменяемости согласных «б» и «г» и толкование значения фамилии, произошедшей от прозвища. На Черниговщине еще с Переяславской Рады известна в Конопотском уезде фамилия «Булыга» [7]. Заслуживает внимания и объяснение В.И. Далем этого слова: «БУЛЫ́ГА – ж. булды́га, дубина, суковатая палка. // Крупный окатыш, валун, булыжный камень». В другом смысле: – «болван, дубина, грубый, неотёсанный человек; невежа, неуч» [8].

В числе переселенцев из Малороссии, по-видимому, прибыл и дед будущего историка Филипп Гулыга. А.И. Бессчётнова описывает трогательную историю, как будучи при штурме Очакова в 1788 г., он получил за мужество от самого А.В. Суворова кошелёк с деньгами [9]. Эта версия, по-видимому, носит характер устного семейного предания. Достоверно известно лишь то, что в 1809 г. у Филиппа родился сын, наречённый Емельяном [10]. Парубок «в казённых заведениях не воспитывался», выучившись лишь «российской грамоты читать и писать» [11], но в 1826 г. уже поступил на службу в Черноморское войско. «Находился на пограничном карауле», а с 1827 г. – в Санкт-Петербурге в Лейб-Гвардии Черноморском эскадроне. Участвовал в русско-турецкой войне и в боях с польскими повстанцами в 1830–1831 г., награждён серебряными медалями за турецкую войну и за взятие крепости Варшавы, польским знаком отличия «За военные достоинства», медалью прусского короля. В 1844 г. стал сотником, в 1851 г. – есаулом, принимал участие в Кавказской войне.

Дважды, в 1842 и в 1852 гг., незамаевцы избирали Ивана Филипповича станичным атаманом. Он был женат «на казачьей дочери Анне Яковлевой», имел «хутор в ведомстве Незамаевской станице». Сохранившийся в Государственном архиве Краснодарского края формулярный список есаула Е.Ф. Гулыги датирован 1 января, когда атаману исполнилось 45 лет – в это время у него ещё не было детей. Лишь 26 августа 1859 г. у него появился долгожданный сын, которого окрестили Иваном [12].

Если в формулярном списке Емельяна Филипповича в графе о происхождении значится: «Из казачьего звания Черноморского войска», то в послужном списке Ивана Емельяновича Гулыги уже отмечено: «Из дворян Кубанского казачьего войска». Родители сумели обеспечить сыну среднее образование: Иван закончил 6 классов Кубанской войсковой гимназии. 12 апреля 1874 г. он поступает на правах вольноопределяющего на службу в Уманский конный полк.

Два года нелёгкой казачьей службы, и в сентябре 1876 г. молодой урядник поступает в Ставропольское казачье юнкерское училище. Военную науку постигал с вдохновением: «окончил курс по первому разряду с награждением первым призом Высочайшим приказом произведён в хорунжий» 16 апреля 1878 г. Молодой офицер спешит в родной 1-й Уманский конный полк, который находился на театре военных действий в Закавказье. Повоевать не пришлось – с турками был заключён мир. Тем не менее, в графу об участии в военных походах послужного списка была включена запись: «Находился в составе Эриванского отряда в колонне полковника Гейнца возле города Баязета» [13].

Но спустя некоторое время хорунжий Гулыга оставляет службу «по домашним обстоятельствам». Трудно сказать, что подвигло его на этот решительный шаг: разочарование в военной профессии, которая не позволила ему реализовать юношеские мечтания о военной славе, или необходимость заняться хозяйством на хуторе пожилых родителей: пролить свет могут лишь источники личного происхождения, хранящиеся у правнуков генерала Гулыги в Соединённых Штатах Америки. Возможно, что выход в отставку связан с женитьбой Ивана Емельяновича на дочери титулярного советника Давидова Татьяне Фёдоровне. 29 июня 1881 г. у молодых появился сын Владимир, а 2 февраля 1884 г. – Георгий [14].

На службу Иван Емельянович вернулся лишь в начале 1887 г. Военная карьера складывалась медленно, но по нарастающей: служба во 1-м Полтавском полку младшим офицером и полковым адъютантом, в 1890 г. – чин сотника. Затем Гулыга воспитывает будущих офицеров в родном Ставропольском казачьем юнкерском училище, получает первые награды – орден Св. Станислава 3-й ст. (1892), Св. Анны 3-й ст. (1895). Но этого честолюбивому офицеру мало, он решается штурмовать вы-

соты Николаевской Академии Генерального штаба. В 1895 г. успешно выдержал испытания при Штабе Кавказского военного округа в Тифлисе, а спустя год – в Санкт-Петербурге. Однако «за неимением вакансии в Академии» сотник Гулыга вынужден был вернуться в полк. Препятствия его только закалили, и в октябре следующего года офицер «по выдержании вступительного экзамена зачислен в Академию» [15].

Два класса основного и дополнительный курс Академии Генерального штаба позволили встать в ряды элиты российского офицерства. 1 июля 1899 г. И.Е. Гулыга пожалован чином подъесаула, а буквально на следующий день «за отличные успехи в науках произведён в есаулы» [16]. По окончании Академии Иван Емельянович служит старшим адъютантом по строевой части 2-й Кавказской казачьей дивизии с переименованием в капитаны Генерального штаба.

В 1901–1902 гг. он командовал ротой в 268-м Новобаязетском полку. С секретными поручениями, возлагавшимися обычно на офицеров Генштаба, посещал Иран. Затем его откомандировывают в распоряжение Иркутского генерал-губернатора. 31 января 1904 г. в штабе Заамурского округа пограничной стражи Гулыга принял должность адъютанта Штаба Приамурского военного округа, 6 декабря был награждён орденом Св. Станислава 2-й ст., а 28 марта 1904 г. произведён в подполковники.

В начавшейся войне с японцами Иван Емельянович принял участие эпизодически, во главе «рекогносцировочного отряда (2 сотни) для исследования расположения передовых частей японцев у Хенгаренского перевала в Северной Корее и передовых частей противника, с двумя сборными сотнями под его командой в делах с японцами передовыми заставами с 21 сентября 1904 г. по 26 сентября» [17]. За «труды по организации службы 2-го Новолокинского этапного участка и за формирование Хунчунского пехотного полка, отличившегося на всех смотрах с самой лучшей стороны» он был награждён орденом св. Анны 2-й ст. и представлен к производству в следующий чин [18].

17 июня 1906 года И.Е. Гулыга произведён в полковники и назначен командиром 15-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Почти 6 лет офицер провёл в Сибири, после чего смог вернуться на родину. 28 марта 1912 г. И.Е. Гулыга был утверждён в должности Атамана Кавказского отдела Кубан-

ской области. 6 декабря 1912 г. ему был пожалован чин генерал-майора [19].

Ф.И. Елисеев вспоминал, как атаман Кавказского отдела Гулыга приезжал на призовую джигитовку в последний день лагерных сборов: «Левый фланг многочисленных сотников и хорунжих обоих полков бурлил песнями и лезгинкой. Экспансивный генерал Гулыга не вытерпел и подсел, перебрался к ним. С ним его сверстник и друг, в отставке генерал Толстов. Гулыга заговорил, вспоминая свои молодые годы. Здесь мы узнали от него, что он окончил Ставропольское казачье юнкерское училище в 1877 году, а Толстов годом позже. Два почтенных седых генерала, возрастом под 60 лет, в кругу молодых офицеров, на время сами превратились в молодёжь. Называя друг друга только по имени, ласкательно и на «ты» — они чаровали нас.

— А помнишь, Вася — ведь ты потом ездил на моём коне в училище, — говорит Гулыга.

— Да-да, Ваня, но пора уже ехать домой, — отвечает генерал Толстов, — нас ждёт коляска, — добавляет он.

Но генерала Гулыгу уже не интересовала его коляска, запряжённая лихой тройкой почтовых лошадей, он находился среди пылкой казачьей офицерской молодёжи и хотел дышать её воздухом» [20].

Первая мировая война нарушила устоявшийся уклад кубанских станиц. Иван Емельянович стал хлопотать о назначении в строй. В фондах Российского государственного военно-исторического архива сохранилась телеграмма командиру Собственного Его Императорского Величества конвоя Графу Граббе от 29 июля 1914 г.: «Почтительнейше прошу содействия [в] зачислении меня в строй [,] желательно [в] одну из пластунских бригад. Генерал-майор Гулыга» [21]. Просил за Гулыгу и сам Наместник Кавказа [22]. На следующий день Николай II утвердил назначение генерала начальником 2-й Кубанской пластунской бригады, формируемой из пластунских батальонов второй очереди [23].

В обращении И.Е. Гулыги к мобилизованным пластунам говорилось: «Высочайшим приказом 30 июля этого года я назначаюсь Начальником 2-й Кубанской пластунской бригады. Счастлив и горжусь этим высоким назначением в столь трудную для Родины годину, когда гордый тевтон поправ

права маленькой славянской Сербии, дерзко объявил войну России. Обращаюсь к Вам гг. офицеры и молодцы пластуны, вспомните Ваших славных предков, сложивших свои головы за Веру, Царя и Русь Святую под Браиловым, в Севастополе и на Шипке и докажите, что Вы достойные их потомки. Да будут баталионные святыни и старые Знамена путеводною звездою к так привычной пластунам новой боевой славе» [24].

10 августа Гулыга выступил с бригадой в г. Эривань, а 19 октября перешёл турецкую границу. Благодаря энергичному наступлению пластунов, турки очистили крепость Баязет. Очевидец этих событий Ф.И. Елисеев вспоминал: «2-я Кубанская пластунская бригада генерала Гулыги, авангард Эриванского отряда, наступала через Чингильский перевал. В голову был брошен 10-й батальон. Бой начался артиллерийской подготовкой. Сам Гулыга в передовых цепях. Турецкая пуля, ударившись в камень у ног генерала, расплющилась.

— Это к счастью, — весело говорит Гулыга, поднимает ее и кладет в карман.

Первого раненого пластуна он обнимает и целует и тут же поздравляет с награждением Георгиевским крестом. Так рассказывали станичники и добавляли — могло ли что оставить пластунов после этого?» [25].

«Оставив для наблюдения за тылом и Клыч-Гядукским перевалом два батальона пластунов, я 10 ноября с тремя батальонами пластунов и двумя батальонами Ахульгинцев, быстро перевалив Клыч-Гядук, настиг противника у сел. Ханлык, разбил его и рассеял. При этом выяснено, что отряд состоял исключительно из курдов силою до 1500 человек» [26].

В начале декабря 1914 г. вице-генералиссимус турецкой армии Энвер-паша решил устроить русским под Сарыкамышем «вторые Канны». Он учитывал, что положение русской армии было осложнено восстанием аджарцев в её тылу, и у ней практически не было резервов. Энвер-паша решил сковать Сарыкамышскую группировку, совершив одновременно глубокий обход русских войск через Альты и Бардус, отрезать русских от Карса и уничтожить Турецкий военачальник был уверен в победе, чувствовал себя османским Наполеоном. «Солдаты, — писал он в своём приказе, — я всех вас посетил. Видел, что и ноги ваши босы, и на плечах ваших нет шинелей. Но враг, стоящий против вас, боится вас. В скором времени вы будете наступать и вступи-

те на Кавказ. Там вы найдёте продовольствие и богатство. Весь мусульманский мир с надеждой смотрит на ваши усилия» [27].

11 декабря 1914 г. турки, сбив передовые русские части, заняли Бардусский перевал в 18 верстах от Сарыкамыша. «Назрела Сарыкамышская эпопея, – писал И.Е. Гулыга, – и мне вместо наступления на Кеприкей приказано было прикрыть отход наших войск на выручку Сарыкамыша <...>. В ночь на 17 число вверенная мне бригада также выступила к Сарыкамышу, а 19 вечером она уже сосредоточилась между сел. Али-Софи и Ель-Нечмез, блестяще выполнив задачу прикрытия общего отхода <...>. 20, 21 и 22 декабря, после упорных боёв на нашем правом фланге, турки были выбиты из ряда сильных позиций, и я занял дер. Едды-Килиса, Чатал и Дивик. В этом последнем селении захвачены в плен: штаб турецкой пехотной дивизии с Начальником дивизии, более 40 офицеров и врачей и свыше 1000 нижних чинов, причём захвачены 2 орудия и до 2000 винтовок» [28]. 26 января 1915 г. генерал награждён орденом Св. Анны 1-й ст. с мечами. Впоследствии за Сарыкамышскую операцию И.Е. Гулыга «по удостоению местной Георгиевской Кавалерской думы» был пожалован Георгиевским оружием [29].

3 февраля 1915 г. генерал-майор Гулыга назначен начальником 1-й Кубанской пластунской бригады. В марте 1915 г. бригада была сосредоточена в Батуме, к 1 апреля морем перевезена в Севастополь, а 1 мая оказалась во Львове. 8 июня 1915 г. пластуны атаковали австрийские позиции при селениях Ржавенцы и Баламутовка. «Австрийцы были отброшены за нашу Государственную границу, – вспоминал И.Е. Гулыга. – Трофеи в этих боях – взяты в плен: командир бригады 52-й австрийской Гонвендской дивизии полковник граф Лубенский, более 40 здоровых и раненых офицеров, 12 пулемётов, один бомбомёт, более 1000 винтовок, массу патронов, много лошадей и прочей военной добычи» [30].

В апреле 1916 года Гулыга со своей бригадой участвовал в морской десантной высадке в Ризе, откуда совершил бросок к Трапезунду. За отличие в этой операции он 4 августа получил мечи к ордену Св. Владимира 3-й ст. и 21 декабря орден Св. Владимира 2-й степени с мечами [31].

Образ «пластунского батьки» генерала И.Е. Гулыги стал одним из героических символов войны. В песне, сочиненной старшим урядником 5-го батальона Петром Засобой, говори-

лось: «Генерал Гулыга brave, / Из кубанских удалцов, / Как на пир, на бой кровавый / Поведет нас пластунов / «Гей вы, Царские орлята, / Не забудьте, что в бою / С неприятелем, ребята, / Надо помнить мать свою. / Мать свою, Кубань родную, / Царя-батюшку, народ, / Также славу боевую / Что к победам нас ведет. / Так поддержим же, ребята, / Славу старую свою: / Полетим на супостата / Мы в турецкую страну» [32].

Произведённый 1 октября 1917 года в генерал-лейтенанты И.Е. Гулыга тогда же был назначен командиром начавшегося формироваться Кубанско-Терского пластунского корпуса. Пользовавшийся большим авторитетом на Кубани, в феврале 1918 года он был среди претендентов на пост командующего войсками Кубанского края. Его кандидатура была отвергнута Кубанской Радой, но после отказа генерала Букретьева от этой должности, И.Е. Гулыга всё же был назначен на этот пост. Кубанский атаман А.П. Филимонов вспоминал, что «за ²неудачное² назначение Гулыги» командующим Кубанской армией на него резко нападал Л.Л. Быч [33]. По мнению самого А.П. Филимонова, «Генерал Гулыга действительно не удовлетворял никого; проявляя много оптимизма и суетливости, он фактически бездействовал, и отдельные отряды не чувствовали руководящей руки» [34].

Вряд ли дело было в неумении генерала руководить большими массами людей: огромного опыта строевой, штабной и административной, и уж тем более, боевой работы И.Е. Гулыге было не занимать. Но он считался сторонником объединения усилий всех сторон в борьбе с большевиками и активно противился кубанскому сепаратизму.

С другой стороны, он неважно вписывался в среду белогвардейских военачальников, рождённых обстоятельствами братоубийственной войны: не хватало цинизма и жестокости, умения адаптироваться в быстро меняющейся действительности масштабных социальных потрясений. Не случайно претендовавший на должность Командующего Кубанской армией В.Л. Покровский, «обрушился на неумелое общее руководство генерала Гулыги» [35]. Не сложились у Ивана Емельяновича и отношения с А.И. Деникиным. С мая 1919 года Гулыга командовал 8-й Донской дивизией 3-го Донского корпуса Донской армии. В феврале 1920 года назначен командиром Пластунского корпуса Кубанской армии. Его пластуны прикрывали эвакуа-

ацию белых из Новороссийска, причём оборонял город бронепоезд, которым командовал сын генерала войсковой старшина В.И. Гулыга. По приказу Ивана Емельяновича бронепоезд был взорван, и генерал вместе с сыновьями и их семьями одним из последних сел на пароход, уходящий в Константинополь...

Атаман Кавказского отдела И.Е. Гулыга

Перебравшись в Королевство Сербов, хорватов и словенцев, И.Е. Гулыга активно участвовал в деятельности белоэмигрантских организаций, был членом Общества офицеров Генерального штаба. В имеющейся литературе часто неверно указывается дата смерти И.Е. Гулыги. Так, В.И. Шкуро сообщает, что генерал скончался на о. Лемнос 9 февраля 1921 г. [36]. Автор книги по истории станицы Незамаевской А.И. Бессчётнова без всяких ссылок на источники утверждает, что «умер знатный земляк в июне 1938 года» [37]. Между тем, в приказе Кубанского войскового атамана В.Г. Науменко № 13 за 1934 г. прямо сообщается: «2 июня с.г. скончался в Инвалидном доме в Белой Церкви (в Югославии) казак станицы Незамаевской генерал-лейтенант Иван Емельянович Гулыга» [38].

Военно-историческое наследие И.Е. Гулыги практически не изучено. Ещё за год до окончания Николаевской Академии Генерального штаба он опубликовал сочинение «Конспект тактики массовых армий» [39], экземпляр которого чудом сохранился в Российской государственной библиотеке в Москве. Вероятно, были и другие работы. В начале XX в. офицер начал собирать материалы по истории родного Полтавского полка, в котором начал свою казачью службу. В 1903 г. в связи с награждением знамёнами полков Кубанского казачьего войска были подготовлены исторические справки «о сформировании и переформировании полков и их участии в военных походах». В одном из документов отмечалось, что обстоятельная справка была составлена «составлена старшим адъютантом штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии капитаном Генерального штаба Гулыгой, собирающим материалы для истории 1-го Полтавского полка» [40].

Годы архивных разысканий и работы над историей полка дали добрые плоды. Рукопись книги прошла через Военно-историческую комиссию Главного Управления Генерального штаба, офицеры которой сделали ряд замечаний. После устранения замечаний автор получил от комиссии 1000 руб. пособия, и в 1913 г. в г. Тифлисе был издан объёмный труд И.Е. Гулыги «1-й Полтавский кошевого атамана Сидора Белого полк Кубанского казачьего войска. 1788–1912». В книге подробно освещены этапы славного боевого пути полтавцев, их нелёгкая служба на кордонных линиях в Закавказье, участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в Ахал-Текинских экспедициях 1879 и 1880–1881 гг., в персидских походах, даны глубокие характеристики командирам полка, офицерам и рядовым казакам. Издание было прекрасно иллюстрировано рисунками, фотографиями и военными картами, снабжено уникальными документальными приложениями. Об источниковой базе своей книги Иван Емельянович доверительно сообщал: «При составлении настоящей истории, кроме разных печатных трудов и архивных сведений, довольно ценные вклады в историю родного полка сделали бывший Полтавцы, войсковые старшины Абрам Фёдорович Корсун и Михаил Софронович Нарижняк, передав мне свои записки и воспоминания о последней русско-турецкой войне. Весьма важные данные мною взяты из краткого дневника военных

действий в ту войну, составленные полковым адъютантом Дмитрием Лавровым.

По Ахал-Текинской экспедиции, кроме статей военного сборника, я пользовался воспоминаниями сотника Мойсея Кондратьевича Демяника; впоследствии он командовал 2-м Полтавским полком (ныне умершим). Главные указания относительно архивных работ, а равно и библиографический указатель я получил от известного знатока и исследователя Кубанского казачьего войска войскового старшины Евгения Дмитриевича Фелицына, бывшего членом войскового статистического комитета, а потом председателем Археографической комиссии при Главноначальствующем гражданской частью на Кавказе (ныне умерший)» [41].

Некоторые положения книги вызывают вопросы у военных историков кубанского казачества. Так, в описанном И.Е. Гулыгой бою 29 мая 1828 г. «хорунжий Шарап, командуя катером во 2-й эскадре, быстро подошёл к флагманскому турецкому судну, взял его, снял турецкий и, водрузив на нём русский флаг, захватил Капудан-пашу со штабом и всей канцелярией» [42]. За этот подвиг, по версии историка, Шарап, в числе других офицеров, был награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». Однако в документе о представлении Шарапа к награде нет никаких сведений о захвате турецкого судна с пашой [43]. Более того, командующий 1-м пешим полком Черноморского казачьего войска есаул Животовский жаловался в начале 1829 г., что Шарап ещё не награждён, хотя другие получили ордена за Силистрию [44].

В одном из приложений книги в списке награждённых в 1835 г. знаками отличия военного ордена Св. Георгия значится отец историка сотенный есаул Емельян Гулыга [45]. Но в сохранившемся формулярном списке Е.Ф. Гулыги никаких сведений о награждении орденом Св. Георгия нет, хотя подробно описаны даже иностранные награды [46]. Кроме того из этого документа следует, что Емельян Гулыга получил чин сотника лишь 12 августа 1844 г. [47].

Несмотря на ряд ошибок и упущений, И.Е. Гулыга сумел придать своему труду глубину и образность. Вот как он, например, писал об обстоятельствах гибели урядника Горбача в Ахал-Текинской экспедиции: «Вахмистр Горбач, не взирая на сильный огонь противника, стоя у стенки во весь рост, по-

могал командир сотни руководить огнём и своими шутками вдохновлял казаков, подстреливая на выбор всякого текинца, дерзавшего показать из-за стенки хотя-бы верх папахи. Вдруг один из удальцов Ахала почти в упор приложился в сотника Демяника. Горбач не потерялся, сильным ударом сбил с ног своего командира и тем спас ему жизнь, но сам не укрылся, простреленный двумя вражескими пулями на вылет в грудь, он как скошенный сноп повалился на землю, и только успев сказать: «Ваше Благородие, напишите жене» – умер» [48]. Об условиях службы полтавцев на Ахалцихской кордонной линии: «Горный характер местности, покрытой дремучими малопроходимыми лесами и сильно пересекаемой глубокими ущельями с быстрыми реками и ручьями, весной во время дождей почти непроходимыми, поддерживал и развивал у людей сметливость, удаль и отвагу. А возможность неожиданных столкновений с турками и аджарцами, занимавшимися контрабандой и грабежами жителей, держала всех чинов полка в постоянном напряжённом состоянии и заставляла их изощряться во всякого рода хитростях, которые необходимо было противопоставить хитростям контрабандистов и разбойников» [49].

Командирам полка в книге давались ёмкие, но содержательные характеристики: «Николай Алексеевич Даркин, – сообщал И.Е. Гулыга, – природный кубанский казак, окончил Ставропольскую гимназию с золотой медалью, был очень неглупый и сердечный человек, хотя довольно таки грубоватый; перед назначением на должность командира полка он был командующим 2-м Хопёрским льготным полком, Даркин отлично знал быт и дух казака, любил его и старался развить в нём лучшие природные его качества» [50]. О полковнике Борчевском: «Борис Иванович Борчевский, хотя и был природный кубанский казак, но, во-первых, окончил Павловское пехотное военное училище и, во-вторых, прослужив весьма недолго в строю, он был назначен в главное управление казачьих войск, где пробыл, кажется, более 12 лет, и так же был произведён в подполковники и был начальником отделения.

Благодаря этому из него выработался тип офицера совершенно противоположный строевому: замкнутый, недоверчивый, подозрительный, и, как всякий служащий в высших кан-

целярских чрезмерно требовательный, и в то же время сам почти не подготовленный к командованию и управлению и управлению полком, он был слишком тяжёл для офицеров» [51].

Поскольку многие полковые документы были утрачены в ходе революции и Гражданской войне в России, история 1-го Полтавского полка приобрела во многом значение источника.

Авторы книги очерков по истории Лабинского отдела (М.К. Басханов и др.) отмечают, что перу И.Е. Гулыги «принадлежат обстоятельные работы по истории пластунских частей и событиям Первой мировой войны» [52]. Видимо, речь идет об отрывках из воспоминаний, которые И.Е. Гулыга опубликовал в эмиграции в «Кубанском историческом и литературном сборнике» В.Г. Науменко. В приказе по Кубанскому казачьему войску № 13 от 15 июля 1934 г. В.Г. Науменко говорит что «подвиги пластунов старательно записаны генералом Гулыгой в ²Воспоминаниях старого пластуна²» [53]. Свои воспоминания И.Я. Гулыга оставил Кубанскому войску, т.е., по-видимому, самому атаману Науменко, курировавшему литературную деятельность кубанцев в эмиграции. К сожалению, в личном фонде генерала В.Г. Науменко, принятом недавно в Государственный архив Краснодарского края, рукописи И.Е. Гулыги мы не обнаружили. Вероятно, она осталась в Соединённых Штатах. Буду признателен казакам зарубежья, если поделятся хоть какой-то информацией о ней, или обнаружат и предоставят рукопись в распоряжение Дворянского собрания Кубани для публикации.

Благодаря директору Краснодарского госархива С.Г. Темирову (за что выражаю ему глубокую признательность), мне стала известна другая работа И.Е. Гулыги о пластунах, хранящаяся в фондах архива. Это – «Краткий перечень о боевой деятельности 1-й Кубанской пластунской бригады генерал-майора Гулыги за 1914-1915-1916 гг.», отпечатанный на машинке на 9 листах. Рукопись представляет собой хронику истории боевых действий пластунов с анализом наиболее важных событий.

Сообщаются сведения об участии в событиях Сарыкамышской операции, в Галиции, менее подробно – о Трапезондской и Эрзинджанской операциях. В «Перечне» речь идёт от первого лица, нередко звучат личные мотивы. Так, о боях 1–2 июля 1915 г., в котором пластуны понесли боль-

шие потери, И.Е. Гулыга сообщает: «Граф Келлер обвинил меня в неэнергичном действии. Потери, понесенные в этом бою пластунами, категорически опровергают это обвинение. Насколько мне известно, по этому делу было проведено расследование, и Командующий армией признал меня правым. <...> Граф Келлер после боёв 1–2 июля взял обратно моё представление к ордену Св. Георгия 4-й степени, на что, кажется, права не имел» [54]. Представляется, что публикация этой рукописи не только пополнит источниковую базу истории Первой мировой войны, но и позволит добавить лишние штрихи к портрету самого военачальника и историка.

И.Е. Гулыга

Несколько слов о потомстве генерала. Его старший сын Владимир Иванович (1881–1942) окончил кадетский корпус и Петербургский политехнический институт. Добровольцем принял участие в походе в Китай в 1901 г., награждён Георгиевским крестом и чином хорунжего. В русско-японской войне командовал сотней, за храбрость награждён именным оружием. Перед Первой мировой войной служил инженером на

Юзовском металлургическом заводе, управляющим Тульским металлургическим заводом. Владимир Иванович стал сподвижником академика М. Курако, принимал активное участие в развитии доменного производства страны. Накануне Первой мировой войны ему принадлежал металлургический завод на Косой горе неподалеку от Ясной Поляны. В Великой войне командовал бронепоездом, в Гражданской – участник «Ледяного похода», обороны Новороссийска от Красной армии. В 1920 г. эмигрировал в Германию, но спустя 2 года по личному приглашению Ф.Э. Дзержинского вернулся на родину, работал главным инженером Сталинского и Керченского металлургических заводов. В.И. Гулыга является создателем оптимального проекта доменной печи, автором ряда книг и статей по доменной технологии. Но в 1937 г. он был репрессирован, осуждён на 10 лет и погиб в лагерях [55]. От первого брака Владимир Иванович имел дочь Лялю и сына Глеба, от второго – сына Арсения. Арсений Владимирович Гулыга (1921–1996) стал всемирно известным философом и литературным критиком, автором известных книг о Канте, Кафке, о Русской Идее и др. [56] По материнской линии у него прослеживалось родство (через Белявиных) с графом Румянцевым-Задунайским. Отец матери Арсения Владимировича – Евгений Мациевский – из польских шляхтичей, перешедших после Смуты на русскую службу, в конце XIX века был генерал-губернатором Забайкальского края при строительстве Сибирской ж.-д. магистрали. Одна из станций КВЖД – «Мациевская» – названа его именем [57].

Другой сын генерала, Григорий Иванович Гулыга (1884–1953) образование получил в Эриванской гимназии и Павловском военном училище. Служил в Собственном Его Императорского Величества конвое. В Первой мировой войне командовал сотней 2-го Кавказского полка Кубанского казачьего войска, награждён орденами Св. Анны 4-й ст. и Св. Владимира 4 ст. В составе войск белогвардейцев участвовал в Гражданской войне, был комендантом Майкопа, затем эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. В 1941–1945 гг. служил в Русском корпусе, созданном нацистами для борьбы с югославскими партизанами Тито. После войны жил с семьёй в США, имел сына Ростислава [58].

Генерал Гулыга был сыном своей эпохи, как мог, служил своей стране и родной Кубани. «Он был истым казаком,

знал казака и любил его всей душой», – писал о нём атаман Кубанского казачьего войска за рубежом В.Г. Науменко. А выше отметил: «Под его командою и непосредственным руководством пластуны приумножили старую славу своих батальонов и внесли в историю Кубанского войска много славных страниц» [59]. Отдадим и мы должное нашему земляку и патриоту, и пусть живёт память созидаящая...

Примечания

1. Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII в.: истор. документы. Краснодар, 2006. С. 164–179.

2. *Кияшко И.И.* Именной список генералам, штаб и обер-офицерам, старшинам, нижним чинам и жителям Кубанского казачьего войска (бывших Черноморского и Кавказского Линейного казачьих войск) убитым, умершим от ран и без вести пропавшим в сражениях, стычках и перестрелках с 1788 по 1908 г. Екатеринодар, 1911. С. 67.

3. *Шкуро В.И.* Первое пополнение Черноморского казачьего войска малороссийскими казаками (1808–1811) // Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Вып. 2 / *Научн. ред. А.М. Авраменко, В.К. Чумаченко.* Краснодар, 2007. С. 92.

4. *Бессчётнова А.И.* Станица Незамаевская 215 лет. Павловская, 2009. С. 29.

5. См.: *Долгоруков П.В.* Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4.

6. См.: Реестр Запорожского войска 1756 года / *Сост. Н.А. Тернавский.* Краснодар, 1997. С. 62-64.

7. Присяжні книгі 1654 р. Білоцерківський та Ніжинський полки. Київ, 2003. С. 206.

8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 1. С. 141.

9. *Бессчётнова А.И.* Указ. соч. С.29–30.

10. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 2. Д. 403. Л. 699.

11. Там же. Л. 702 об.

12. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 592. Л. 1.

13. Там же. Л. 8 об.

14. Там же.

15. Там же. Л. 5 об.

16. Там же.

17. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 12. Д. 27726. Л. 503 об.

18. Там же. Л. 444 об.

19. РГВИА. Ф. 400. Оп. 10. Д. 1829. 50.

20. *Елисеев Ф.И.* Первые шаги молодого хорунжего / *Сост., научн. ред., предисл., прил., коммент., подб. илл. П.Н. Стрелянов (Калабухов).* М., 2005. С. 68.
21. РГВИА. Ф. 400. Оп. 10. Д. 1829. Л. 52.
22. Там же. Л. 50.
23. Там же.
24. Цит. по: *Шкуро В.И.* Кубанцы, награжденные Георгиевским оружием // *Дворяне Юга России на службе Отечеству / Научн. ред. О.В. Матвеев, Е.М. Сухачева.* Краснодар, 2004. С. 79–80.
25. *Елисеев Ф.И.* Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917: записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах / *Сост. П.Н. Стрелянов (Кулабухов).* М., 2001. С. 36..
26. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 46. Л. 7.
27. Цит. по: *Португальский Р.М., Алексеев П.Д., Рунов В.А.* Первая мировая война в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994. С. 217.
28. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 46. Л. 7 об.–8.
29. *Шкуро В.И.* Кубанцы, награжденные Георгиевским оружием. С. 80.
30. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 46. Л. 8 об.–9.
31. <http://www.people.su/32200>.
32. *Засоба П.* Песня кубанцев. Посв. ген.майору Гулыге, нач. 1-й Куб. пласт. бригады // *Сборник славы кубанцев (Кубанцы в великую войну 1914–15–16 г.г.). Повести, рассказы, стихотворения, статьи, письма и заметки.* Т. 1. Екатеринбург, 1916. С. 160.
33. *Филимонов А.П.* Кубанцы в 1917–1918 гг. // *Шкуро А.Г.* Гражданская война в России: Записки белого партизана. Приложение. М., 2004. С. 290.
34. Там же. С. 494.
35. Там же. С. 493.
36. *Шкуро В.И.* Кубанцы, награждённые Георгиевским оружием. С. 81.
37. *Бессчётнова А.И.* Указ. соч. С. 33.
38. Приказ Кубанского Войскового атамана № 13. 15 июля 1934 г. // *Кавказский казак. Белград, 1934. Июль. № 6 (128).* С. 2.
39. *Бессчётнова А.И.* Указ. соч. С. 31.
40. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8407. Л. 30.
41. *Гулыга И.Е.* 1-й Полтавский кошевого атамана Сидора Белого полк Кубанского казачьего войска. 1788–1912 / *Сост. генерал-майор И.Е. Гулыга.* Тифлис, 1913. С. 3.
42. Там же. С. 76.
43. ГАКК. Ф. 283. Оп. 1. Д. 37. Л. 44.
44. *Матвеев О.В., Фролов Б.Е.* Боевая слава кубанского казачества: от Березани до Сарыкамыш: вопросы военной истории каза-

чества Кубани конца XVIII – начала XX столетия. Краснодар, 2012. С. 195.

45. *Гулыга И.Е.* Указ. соч. Прилож. С. 88.

46. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д, 403. Л. 699.

47. Там же. Л. 700 об.

48. *Гулыга И.Е.* Указ. соч. С. 215.

49. Там же. С. 121.

50. Там же. С. 234–235.

51. Там же. С. 251.

52. *Басханов А.К., Басханов М.К., Егоров Н.Д.* Линейцы. Очерки по истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. Никосия, 1996. С. 124.

53. Приказ Кубанского Войскового атамана № 13. 15 июля 1934 г.

54. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 46. Л. 9 об.–10.

55. Энциклопедия Кубанского казачества / *под общ. ред. В.Н. Ратушняка*. 2-е изд., испр. и доп. Краснодар, 2013. С. 133.

56. См.: *Гулыга А.* Хроника казачьего рода // *Кубань*. 1991. № 6. С. 43.

57. <http://www.gulyga.ru/text?pid=1>.

58. *Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Чины Русского корпуса: Биографический справочник. М., 2009. С. 113.

59. Приказ Кубанского Войскового атамана № 13. 15 июля 1934 г.

И.Ю. Мартианова (г. Краснодар, Россия)

Мемуаристы об изменении жизненного мира российских дворян после сообщения о начале Первой мировой войны (1914 г.)

Война разрушает и уничтожает привычный, годами создававшийся жизненный мир тех, кто оказался ею затронут. Конечно, на обломках канувших в лету жизненных миров отдельных людей и целых социальных сообществ постепенно возникают новые жизненные миры уцелевших. Лучше они или хуже, можно судить до бесконечности. Однако, остаётся неизменное сожаление об утраченном, которое немедленно начинает идеализироваться и стремительно обрастать мифами. В годы этой чудовищной войны преуспели в разрушении жизненных миров целых социумов. Особенно это коснулось жизненного мира дворянства. Привычное, повседневное, ка-

завшееся незыблемым, стало уступать новым реалиям стремительно разворачивающейся истории.

В центре внимания данной статьи проблема восприятия дворянами сообщения о начале войны, повлекшие необратимые перемены в их жизненных мирах и последующая их мемориализация в тексте воспоминаний. Для достижения поставленной цели рассмотрим свидетельства тех дворян, кто на момент объявления войны в 1914 г. оказался за границей, и тех, кто в это время был в России.

Одной из наиболее известных личностей времён Первой мировой был генерал-от-кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов. 1914 г. застал его в Виннице. В июне Алесей Алексеевич с женой выехал для лечения в Киссинген по случаю отпуска. Он был один из тех людей, кто считал, что война витает в воздухе, мир хрупок и ненадёжен. По расчётам мемуариста получалось, что война скоро начнётся, так как «все великие державы спешно вооружались, но Германия опередила всех и должна была быть вполне готовой к 1915 г.» [1]. Исходя из этих расчётов, Алексей Алексеевич с женой «решили не откладывать нашей лечебной поездки и отдыха и вернуться к маневрам домой» [2]. Пребывание в Германии и наблюдения за немцами укрепило подозрения Алексея Алексеевича в скором начале войны. Он решил уехать, как можно раньше, но окончательное решение о немедленном отъезде пришло после пребывания на городском празднике в парке Киссингена. А.А. Брусилов и его супруга увидели в центре парка прекрасную декорацию Московского Кремля. Их это зрелище «очень удивило и заинтересовало» [3]. Ещё больше поразило генерала исполнение российского гимна и «Коль славен ...» во время фейерверка. Через несколько минут пришло прозрение: огни фейерверка были направлены на декорации, которые запылали под звуки увертюры П.Я. Чайковского «1812-й год». Алексей Алексеевич вспоминал: «Немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству её не было предела, когда музыка сразу при падении последней стены над пеплом наших дворцов и церквей, ... загремела немецкий национальный гимн» [4]. Его жена, Надежда Владимировна, опомнилась от зрелища со словами: «Так вот в чём дело! Вот чего им хочется!» [5]. Сам Алексей Алексеевич подумал, что это война — «Но чья возьмёт?» [6]. На следующий день они по-

кинули Киссинген и отправились в Россию, куда благополучно прибыли 16 июля в Александров. 18 июля Брусилов был в Виннице и вышел из отпуска, а на следующий день получил «циркулярную телеграмму, что Германия объявила нам войну». Для него это «совершилась давно ожидаемая и неизбежная катастрофа» [7]. Конечно, он должен был приступить к своим обязанностям боевого генерала, что моментально изменило его повседневность, но это было ожидаемо. Более его потрясло, – и это мемуарист особенно отметил в тексте воспоминаний, – что после начала войны в короткий срок был разрушен его жизненный мир: «Винница – это последний этап нашего мирного, тихого бытия в прошлом. Всего год мы там прожили до войны. Наш скромный уютный домик с садиком, любимые книги и журналы, милые люди, нас окружавшие, масса зелени, цветов, прогулки по полям и лесам, мир душевный... А затем – точка ... Налетел ураган войны и революции, и личной жизни больше нет. Конец прошлому в малом и великом. Винница была для нас на рубеже, на перевале и потому ярко сохранилась в памяти сердца. ... В нашей семье сохранились самые лучшие воспоминания об этом милом городе, о сердечных отношениях с людьми всех рангов, положений и национальностей» [8].

Брусилов, столкнувшись с разгулом ксенофобских настроений в Германии, как профессионал, сразу понял, что до начала войны считанные дни или даже часы. Он попытался предупредить высокопоставленных дворян и своих знакомых о грозящей опасности, но многие не восприняли его предостережений. Так, А.А. Брусилов вспоминал реакцию князя Юсупова-старшего, который тоже был на лечении в Киссингене с женой, сыном и невесткой: «Ну что за вздор! ... Никакой войны быть теперь не может, а то мне дали бы знать» [9]. Они остались. Князь вправе был рассчитывать на персональное предупреждение, так как его сын Феликс незадолго до этих событий женился на племяннице Николая II великой княжне Ирине Александровне. Совершая свадебное путешествие, Феликс Юсупов-младший с женою приехал в Киссинген навестить своих родителей. Он вспоминал о том, как ворвалась война в их судьбу.

Предупреждение Юсуповым 30 июля прислала Великая княгиня Анастасия Николаевна, жена будущего главнокомандующего, но было уже поздно. 1 августа весть о на-

чале войны пришла в этот курортный городок. Мемуарист вспоминал, что официальное сообщение было сделано рано утром и «весь Киссинген пришёл в брожение. Толпы шли по городу с бранью и угрозами в адрес России» [10]. Только тогда пришло осознание, что «уезжать надо было немедленно» [11]. В тот же день они взяли билеты и до Берлина добрались относительно спокойно. Катастрофа для этой семьи (и для многих других!) разразилась в столице Германии. Жизненный мир членов семьи Юсуповых, проводивших половину своей жизни в путешествиях, обязательно включал в себя представление о Германии, как культурной стране, где вежливое и предупредительное отношение к путникам их статуса, обязательная поддержка со стороны членов правящей династии и дипломатов, удобные отели гарантированы. Всё это исчезло в одночасье. Ночью Юсуповы с вокзала отправились в гостиницу «Континенталь», где царила «суматоха». В «восемь часов утра нас разбудила полиция», вспоминал Феликс Феликсович: «Пришли арестовывать меня, нашего врача, отца секретаря и всю мужскую прислугу» [12]. Юсупову-старшему ничем не помогли в посольстве, когда он попытался выяснить причины ареста сына и своих домочадцев. Сам мемуарист попал в гостиничный номер, куда согнали столько арестованных подданных России, что люди «час за часом стояли ..., не имея возможности двигаться» [13]. Только к вечеру ситуация прояснилась: их документы проверили, «назвали «русскими свиньями»», предупредили о тюремном заключении, если они не уедут из страны «через шесть часов», и отпустили [14]. Ирина Александровна в этой ситуации попыталась задействовать родовые связи. Великая княгиня позвонила двоюродной сестре кронпринцессе Цецилии с просьбой помочь, но после разговора с кайзером та оказалась «помочь она не в силах» [15]. Свою помощь семейству Юсуповых пообещал испанский посланник. Через несколько часов ожидания его секретарь привёз вместо разрешения на выезд с гарантией безопасности бумагу с обязательством, что Юсуповы обещают «не вмешиваться в политику» и готовы «остаться в Германии навсегда». Мать мемуариста Зинаида Николаевна, лечившаяся на немецком курорте от паралича ног, от такого предложения пережила нервный припадок. Русский посол С.Н. Сербеев через испанцев сделал предло-

жение организовать один поездной состав, который вывезет всех россиян из Германии. В этот же день через Берлин следовал поезд вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны. Она узнала о бедственном положении Юсуповых, с которыми всегда была дружна, и хотела их вывезти. На вокзале «злая толпа била стёкла и срывала шторы в окнах вагона Государыни», «поезд спешно покинул вокзал» [16].

Поезд для русских С.Н. Свербеев, видимо, всё же организовал, но безопасности всем желающим уехать не гарантировали. С ними выехали и Юсуповы. К вокзалу добирались в чрезвычайной обстановке, по воспоминаниям Феликса Феликсовича-младшего: «Никакого сопровождения, как полагалось бы иностранной миссии. Мы отданы были на милость разъярённым толпам. Всю дорогу они швыряли в нас камни. Уцелели мы чудом. Среди нас были женщины и дети, семьи дипломатов. Кому-то из русских палкой разбили голову, кого-то избили до крови. С людей срывали шляпы, иным в клочья изорвали одежду» [17]. По пути на вокзал потеряли остатки багажа. В итоге, вспоминал мемуарист, «в Копенгаген мы приехали даже без зубной щётки» [18]. Возвращение на родину не дало князю Ф.Ф. Юсупову-младшему возможности вернуться к прежнему образу жизни. Его жизненный мир, мир светского баловня, шокировавшего весь свет своими выходками, изменился до неузнаваемости: «Быв единственным сыном в семье, я освобождался от призыва, потому занялся устройством госпиталей в различных наших домах. ... Я всей душой ушёл в новую работу, решив, что лучше облегчать боль, чем причинять её» [19].

Более серьёзно пострадали те россияне, кто не принадлежал к аристократии и не занимал видного места в обществе и на политической арене. Это были рядовые путешественники, которых война застала за пределами России. Их воспоминания о пережитых трудностях возвращения на родину в условиях объявленной войны ещё более драматичны.

Анна Петровна Остроумова-Лебедева, замечательный советский художник, дочь сенатора Петра Ильича Остроумова. В 1914 г. Анна Петровна с мужем учёным-химиком Сергеем Васильевичем Лебедевым по рекомендации врачей отправилась в Испанию, а потом во Францию, чтобы подлечить свои лёгкие. После продолжительного пребывания в Испании, в

июле путешественники прибыли во Францию. После курса лечения в Кре они перебрались в Каркассон, который им приглянулся ещё по пути из Байонны в Кре. В живописной гостинице в центре городка, где супруги решили поселиться, им предъявили слишком высокие цены. Однако, когда хозяин заметил при Анне Петровне свёрток с красками, кистями и прочим снаряжением, заявил, что к художникам у него особое отношение. За мизерную плату он предоставил им «роскошный номер» с видом на Пиренеи [20]. Три последующие дня прошли прекрасно: «Можно представить себе мой подъём и увлечение. Я целый день без отдыха работала» [21]. Это были последние три дня старого мира для мемуаристки. Она вспоминала, пережив две мировые войны: «и вдруг ... всё взлетело на воздух. 19 июля (1 августа) внезапно прибегает к нам хозяин, отыскав нас между развалин, и кричит нам: «Война, объявлена война! Вам надо уезжать. Через час идёт последний поезд, берущий частных пассажиров. Я помогу вам собраться и посажу на поезд»» [22]. Их жизненный мир рухнул в буквальном смысле слова в одночасье.

Хозяин гостиницы действительно помог Анне Петровне и её мужу и даже денег не взял: «Когда мы в конторе хотели расплатиться, хозяин отказался взять деньги, говоря, что ничего с нас не возьмёт, так как мы далеко от родины, и он и его народ наши союзники в войне». Остаток дня и ночь супруги провели в коридоре битком набитого вагона, рассчитывая добраться до Парижа и воспользоваться помощью посольства, но до столицы Франции они не доехали. Остановившись в одном из маленьких городков, Лебедевы стали наводить справки о возможности возвращения в Россию. В этих непростых жизненных условиях, Лебедевы взяли на себя заботу о двух женщинах и детях из семьи Каратыгиных, отлично понимая, что с ними выехать будет сложнее. В ожидании решения проблем, Анна Петровна не только много рисовала, но и ежедневно шила для нужд фронта вместе с француженками. Такое самоотверженное поведение, поддержка тем, кто оказался ещё в более трудном положении, действенное стремление быть полезными вызвало уважение местного населения: «Начиная с мэра города, все жители его к нам исключительно ласково и внимательно относились. Я вспоминаю с глубокой благодарностью незнакомых людей, которые так тонко и чутко понимали, как нам было тяжело в

такое время жить далеко от родины», — вспоминала художница [23]. Лебедевы и Каратыгины сумели выехать в Россию по маршруту Париж — Булонь — Дьепп — Фолькстон — Лондон — Эдинбург — Лис — Берген — Осло — Стокгольм — Раумо — Петроград. Каждая пересадка с поезда на пароход или обратно — это борьба за билеты, давка при посадке, переполненный транспорт, нередко под бомбёжками и обстрелом, сообщения о потопленных судах и разбитых поездах, отчаяние и надежда. В Ботническом заливе они стали свидетелями, как несколько немецких кораблей расстреливали русский пароход «Улеаборг». На пароходе, где была мемуаристка, капитан вовремя поднял шведский флаг — немцы не обратили на него внимания [24].

В Петрограде Анна Петровна вернулась к своим профессиональным обязанностям. Теперь все выставки, в которых она участвовала, были благотворительные в пользу армии. Сергей Васильевич был химиком и работал в университете. Его лаборатория, которая занималась прежде исследованием рельсовой стали, стала заниматься взрывчатыми веществами, их получением и производством. Он работал почти круглосуточно, редко появляясь дома. Жизненный мир семьи химика С.В. Лебедева и художницы А.П. Остроумовой, людей далёких от военного дела и производства, оказался под сильным влиянием войны, в которую была втянута их родина.

Дворяне, которые не подлежали мобилизации, и на момент объявления войны находились в России, не так быстро почувствовали на себе её влияние, в патриотическом порыве шли на определённые жертвы. Екатерина Александровна Мещерская в 1914 г. была ребёнком, но ей были памятны те августовские дни и свои ощущения. Вдоль ограды их подмосковного имения тянулась железнодорожная насыпь. Мемуаристка вспоминала свои впечатления от наблюдения за военными составами: «Прислонив лицо к чугунной решётке парка, я смотрела на них, и на душе становилось очень тоскливо. Я знала, что все наши родные и знакомые, на ком была военная форма, пойдут на войну» [25]. Кроме тоски о возможных потерях, Екатерине Александровне запомнились разные типы поведения взрослых в этой новой для них ситуации. Её мать, княгиня Екатерина Прокофьевна Мещерская, урождённая графиня Подборская, родилась и выросла в семье, где деньги для жизни добывались трудом. Её отец был военный врач, сама она готовилась стать оперной певицей, но

вышла замуж за пожилого князя Мещерского. Память о трудных годах детства и юности, заставили княгиню Мещерскую, унаследовавшую после мужа многомиллионное состояние, быть внимательной к обездоленным людям. Она всегда много личного времени и средств тратила на благотворительность. Когда началась война, вспоминала мемуаристка, «мама, всю жизнь движимая самопожертвованием, в нашем Петровском имении в двух флигелях открыла лазарет для солдат и сама стала работать медсестрой» [26]. Причём она подчёркивала, что лазарет именно для солдат, т.к. «для офицеров и без меня будет много лазаретов ... о них есть кому подумать» [27]. Чтобы грамотно работать в госпитале, Екатерина Прокофьевна закончила курсы медсестёр. Свои обязанности она исполняла с большой аккуратностью и старанием, проводя в госпитале целые дни и ночи. Подруга Е.П. Мещерской, княгиня Елена Константиновна Оболенская, смотрела на вещи иначе: «Деньги даю от всего сердца, а раненых ворочать и перевязывать считаю себя не в праве уже по одному тому, что не имею ни сил, ни навыка. ... Зачем мне браться за то, что я не умею» [28]. В основании этой позиции лежала жизненная позиция, не раз озвученная Е.К. Оболенской: «Люблю жизнь, ведь она – это одно мгновение, и я хочу, чтобы оно было красиво» [29]. Екатерину Прокофьевну она считала сумасшедшей, но их дружбе это не мешало. У самой мемуаристки было от матери еженедельное задание – связать из шерсти большой солдатский шарф.

Была и другая реакция на начало войны среди дворян. Брат Е.П. Мещерской Дмитрий Подборский, чтобы избежать отправки на фронт устроился служить брандмайором в Казани. Своё служебное положение он использовал, «избавлял юношей от воинской повинности, беря их в пожарные» [30]. Всё это раскрылось и его дело стало считаться «политическим». Княгиня Мещерская хотя и бросилась спасать брата по просьбе матери, но сама считала, что честный человек вне зависимости от своего статуса, должен разделять участь своего народа и участь страны: «Покинуть пределы родины мама считала изменой своему народу» [31] – вспоминала Е.А. Мещерская. Именно поэтому для неё другое поведение считалось невозможным: после Октябрьской революции и в годы Гражданской войны княгиня Е.П. Мещерская неоднократно подтверждала свою позицию соответствующими поступками.

О том, как встретили известие о войне в Зимнем дворце, вспоминала фрейлина Анна Александровна Вырубова. Здесь многие были осведомлены и знали реальное положение дел. Поэтому, по оценке мемуаристки, «дни до объявления войны были ужасны» [32]. Её беспокоило состояние Императора: «заставала Государя бледного и расстроенного». В частных беседах Император Николай II, по словам Вырубовой, считал «войну неизбежной, но утешал себя тем, что война укрепляет национальные и монархические чувства» [33], т.е. был уверен, что война не внесёт коренных изменений в жизнь страны и народа. Он ждал окончательного сообщения и не отходил от телефона, «который он ненавидел и никогда не употреблял сам» [34]. По воспоминаниям фрейлины, Императрица не знала о начале войны и не верила в её возможность. Когда Анна Александровна сообщила ей о начавшейся мобилизации, Александра Фёдоровна «раздражённо встала пошла в кабинет Государя». Объяснение было длинным и драматичным. Императрица вернулась, «обливаясь слезами»: «Всё кончено, у нас война и я ничего об этом не знала!» [35]. Последующие дни Александра Фёдоровна часто плакала, а Государь Николай II «был лихорадочно занят» [36]. Александра Фёдоровна, «предвидя неминуемые бедствия», понимала, что наступил конец прежнему жизненному миру. А Император, напротив, «был в хорошем расположении духа и говорил, что чувствует успокоение перед совершившимся фактом» [37]. Для него, пожалуй, единственного в России начавшаяся ожидаемая война стала органичной частью его жизненного мира. Император Николай II не видел для себя никакой угрозы перед этим событием, он чувствовал себя обязанным перед народом [38].

Большинство дворянских мемуаристов воспринимало войну как неожиданное событие, стихийно разрушившее их жизненные миры, из которых, как из мозаики, складывалась картина мира дворянского сословия в России. Более оптимистично в будущее смотрели те, кто имел профессию к этому времени или готов был её получить. Известие о начале войны не только изменяло сложившуюся повседневность отдельных дворян, но и подвергло суровым испытаниям их нравственную основу.

Примечания

1. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2013. С. 46.
2. Там же.
3. Там же. С. 47.

4. Там же. С. 47–48.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же. С. 50.
8. Там же. С. 48.
9. Там же. С. 49.
10. *Юсупов Ф.Ф.* Князь Феликс Юсупов. Мемуары в двух книгах. М., 2008. С. 160.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же. С. 161.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же. С. 162.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же. С. 164.
20. *Остроумова-Лебедева А.П.* Автобиографические записки. М., 1974. Т. 1–2. С. 513.
21. Там же.
22. Там же. С. 515.
23. Там же.
24. Там же. С. 521.
25. *Мещерская Е.А.* Жизнь некрасивой женщины. М., 2007. С. 148.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же. С. 186.
29. Там же. С. 164.
30. Там же. С. 181.
31. Там же. С. 277.
32. *Вырубова А.А.* Воспоминания // Фрейлина Её Величества: «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1991. С. 146.
33. Там же.
34. Там же.
35. Там же. С. 146.
36. Там же. С. 147.
37. Там же.
38. Там же.

Е.К. Геращенко (г. Краснодар, Россия)

Первая мировая война. Жизнь в тылу и на фронтах (на примере семьи Штейп и ее родных)

Весной 1914 года мой дед, Николай Владимирович Штейп, студент Петровской Академии, проходил сельскохозяйственную практику под Самаркандом, где пробыл до конца июня. Потом вернулся в Сочи через Туркмению, Красноводск, Баку и Тифлис. По прибытии в Батум прочел известие, что убит наследник Австро-венгерского престола. Это событие положило начало Первой мировой войне.

Николай Владимирович Штейп

Во время войны летом 1914 года дед работал у инженера Константинова на строительстве железной дороги от Сочи до Уч-Дере – вел изыскания, занимался нивелировкой. Осенью того же года он вернулся в Москву, где начал писать дипломную работу по животноводству. В своих воспоминаниях дед пишет о военном времени, что в Академии тогда работал профессор А.А. Калантар, который ходил к главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу хлопотать о том, чтобы в прифронтовой зоне не резали племенной скот [1].

Во время Первой мировой войны Сочинской опытной станции, где дед проходил практику, было поручено собирать

лекарственные растения. Это мероприятие проводилось по инициативе принца Ольденбургского, шефа Российского Общества Красного Креста. Сохранился дневник деда, который он вел во время этой экспедиции с 25 сентября по 21 октября 1915 года. В дневнике дед писал, что поисковая партия, в работе которой он принимал участие, обследовала склоны гор Красной Поляны: Ачишхо, Аишхи и Аибги. За поздним временем года, когда в горах уже выпадал снег, пришлось ограничиться сбором корней валерианы и черемиды белой.

Сочинская опытная станция снимала для практикантов дома. Для студентов Академии снимали дачу, которая находилась через дорогу от станции. Во время войны дед жил на даче один. Однажды он видел, как полыхал парусник в море. В городе рассказывали потом, что к паруснику подобралась подводная лодка, немцы поднялись на палубу, разбудили матросов и приказали им спускаться в шлюпки и плыть на Мамайку, а не в Сочи, чтобы их свои же не убили, а сами подожгли судно [2].

С января 1915 года Германия начала использовать в войне на море новое оружие – подводные лодки. А с февраля 1915 года Германия объявила неограниченную подводную войну. Она оставляла за собой право торпедировать не только военные, но и торговые суда всех стран в водах, объявленных зоной военных действий [3].

Во время войны немецкие подводные лодки неоднократно появлялись у Сочинского побережья. 5 апреля 1916 года была потоплена подводной лодкой шхуна «Анжелика» владельцев Л.П. Андрейса и Н.Д. Диамантиди между Хостой и Мацестой. 4 июля 1916 года немецкий линейный крейсер «Гебен» обстрелял Лазаревское [4].

Против Черноморского флота на Черном море действовали крейсера «Гебен» и «Бреслау». Боевые действия на Черном море начались в октябре 1914 года с бомбардировки германо-турецкими силами прибрежных русских городов, при этом «Гебен» и «Бреслау» атаковали главную базу Черноморского флота – Севастополь. Эта бомбардировка привела к объявлению Россией войны Турции [5].

Линейный крейсер «Гебен» намного превосходил броненосные корабли Черноморского флота, что давало преимущество противнику. В начале 1916 года Черноморский флот получил первые линкоры-дредноуты «Императрица Мария»

и «Императрица Екатерина Великая». Это изменило соотношение сил в пользу Черноморского флота [6].

Мой дед Н.В. Штейп имел освобождение от воинской службы. В 1910 году он проходил призывную комиссию в Адлере, где ему выдали белый билет из-за перелома руки в юности. После окончания Петровской Академии в 1916 году дед поступил на работу на дубильный завод в Майкопе, который работал на оборону. На заводе разводили дубильные растения: каштан, дуб, из которых добывались дубильные вещества для дубления шкур и изготовления кожи на сапоги для армии [7]. Его брат Володя до 1916 года являлся студентом Коммерческого института в Москве, а с 1916 года служил доверенным лицом материального отдела на южных металлургических заводах в Земском Союзе городов, работавших на оборону. По работе он бывал в командировках в Донбассе, Сочи, Ростове-на-Дону, Москве. Всероссийский Земский Союз и Всероссийский Городской Союз, общероссийские организации помощи больным и раненым, были созданы в 1914 году [8].

Инна Карловна Старк

А в Сочи в апреле 1916 года было открыто благотворительное кафе «Чашка чая», о чем сообщалось в «Сочинском листке» № 834 от 24 апреля 1916 года [9]. Много лет спустя В.В. Штейп писал в своих воспоминаниях, что среди учредителей кафе была его будущая супруга Инна Карловна Старк.

Сочинские дамы по очереди хозяйничали в кафе, а доход шел на содержание санатория для больных и раненых [10].

На фронте воевали два двоюродных брата Н.В. Штейпа – Виктор (1890–1915) и Михаил (1894–1915) Гебели. В иллюстрированном художественно-литературном журнале «Искры» приведены списки погибших офицеров. В номере журнала от 10 мая за 1915 год значатся их имена [11]. Оба имели звание прапорщика. Журнал «Искры» являлся еженедельным приложением к газете «Русское слово» и выходил с 1901 по 1917 год. В мирное время журнал печатал общественные, политические и театральные новости, а также фото чиновников, депутатов и общественных деятелей. В русско-японскую войну и Первую мировую войну журнал публиковал военные телеграммы, фото и сводки с фронта, а также фото простых солдат. В одном списке с братьями Гебель значился генерал Лавр Георгиевич Корнилов, начальник 48-й пехотной дивизии, воевавшей на Юго-Западном фронте в Галиции и Карпатах. Впоследствии выяснилось, что он не погиб, а при отступлении армии Брусилова из Галиции и Карпат был ранен и попал в австрийский плен, из которого ему удалось бежать с третьей попытки в июле 1916 года [12]. Можно предположить, что братья Гебель тоже воевали на Юго-Западном фронте.

Журнал «Искры» за 1917 год)

Трагическая судьба постигла всех детей Марии Рудольфовны Гебель (ур. Штейп) – сыновья погибли в Первую ми-

ровую войну, а след троих ее дочерей потерялся во время Великой Отечественной войны, когда те подверглись преследованиям из-за своего немецкого происхождения.

На фронтах Первой мировой воевал дядя Н.В. Штейпа – Николай Рудольфович Штейп. Его младшая дочь Зинаида Николаевна Френк (ур. Штейп) в своих мемуарах пишет, что в 1914 году отец был отправлен в действующую армию, где отличился и был награжден Георгиевским Крестом. Император Николай II, прибыв на фронт, собственноручно вручил ему награду. Кроме этой награды, Император Николай II, узнав, что Н.Р. Штейп имеет четверых сыновей, предложил отдать двоих из них в Кадетский корпус. Много лет спустя братья, оказавшиеся в эмиграции во Франции, рассказывали при встрече сестре, родившейся в России после революции, что во время учебы Государь Николай II навещал кадетов каждую субботу, выстаивал с ними заутреню, а потом скакал на лошадях [13].

Семья Николая Рудольфовича Штейпа. 1916 г.

В 1916 году Н.Р. Штейп был ранен. После выздоровления его направили на Кавказ, на строительство Военно-грузин-

ской дороги. Он имел инженерное образование, был специалистом по строительству мостов, имел большой опыт работы в этой области. С 1902 года Н.Р. Штейп служил в военной организации по строительству железных дорог, принимал участие в строительстве Транссибирской железной дороги, строил Южно-Манчжурскую железную дорогу через Мугден к Порт-Артуру, строил дороги в Финляндии, Белоруссии, на Украине и Кавказе [14]. До войны в 1909 году его железнодорожный батальон базировался в г. Дмитрове [15].

3-й железнодорожный батальонъ.

г. Дмитровъ.

Спиридоновъ, Фед. Иос., полк., ком. бтл.
Ширяевъ, Серг. Фед., подполк.
Бурковъ, Влад. Ив., подполк.
Ивановъ, Фед. Викт., кап.
Самоновъ, Влад. Алдр., кап.
Лепешинскій, Веніам. Степ., шт.-кап.
Фроловъ, Матв. Матв., шт.-кап.
Максимовъ, Фед. Исид., шт.-кап.
Гышко, Алдръ Андр., шт.-кап.
Шевцовъ, Сем. Мих., шт.-кап.
Матвѣевъ, Вас. Сем., шт.-кап.
Эрвальдъ, Конст. Ив., шт.-кап.
Горазеевъ, Валент. Ив., шт.-кап.
Зоскобойниковъ, Алдръ Ив., шт.-кап.
Руссиянъ, Леон. Тим., шт.-кап.
Штейпъ, Никл. Руд., шт.-кап.
Гржебыльскій, Мих. Ант., пор.
Изотовъ, Мих. Никл., пор.
Раздеришинъ, Андр. Ив., пор.
Гросманъ, Влад. Франц., пор.
Иваровъ, Ал-ѣй Серг., пор.
Арбатскій, Ал-ѣй Дм., пор.
Алексѣевъ, Ист. Конст., пор.
Зетлицъ, Пав. Григ., пор.
Головинъ, Конст. Конст., подпор.
Иванцовъ, Викт. Никл., подпор.
Зеревкинъ, Ив. Ив., подпор.
Зоиновъ, Влад. Арс., подпор.
Горбуновъ, Пет. Ив., подпор.
Шиняковъ, Конст. Исид., подпор.

Списки офицеров 3-го железнодорожного батальона. 1908 г.

Накануне войны брат Инны Карловны Старк Георгий Карлович (1878–1950) служил на Балтийском флоте, командовал миноносцем «Страшный». К тому времени он был женат на сестре своего сослуживца А.В. Развозова Елизавете Владимировне Развозовой и имел двоих детей. Семья проживала вместе с ним в Гельсингфорсе, нынешнем Хельсинки, где базировался Балтийский флот [16]. Во время Первой мировой войны Георгий Карлович выставлял минные заграждения под Виндавой, участвовал во многих боевых операциях на Балтийском море. В 1916 году он был произведен в капитаны 1-го ранга, а в 1917 году назначен начальником Минной дивизии, сменив на этом посту А.В. Развозова. Минная дивизия участвовала в Моонзундском сражении. За бой с немецким десантом в районе Моодзунского архипелага 28 июля 1917 года Г.К. Старк был произведен в контр-адмиралы [17].

*Г.К. Старк и Елизавета Владимировна Развозова.
Свадебная фотография. 1908 г.*

После революции русский флот потерял боеготовность, многие офицеры были расстреляны или отстранены от долж-

ностей. Немцы подошли близко к Гельсингфорсу. Чтобы не попасть в плен к немцам адмирал Старк и адмирал А.В. Развозов на небольшом буксире вырвались в советский Петроград, а затем вывезли туда свои семьи.

Сын адмирала Старка Борис вспоминает: «В Петрограде мамины сестры, мамин брат (адмирал Развозов) и бабушка сняли в одном доме четыре квартиры». Надо отметить, что у А.В. Развозова, кроме сестры Елизаветы, имелось еще три сестры, которые были замужем за морскими офицерами: Мария – за Гертнером Константином Павловичем, Зинаида – за Васильевым Федором Владимировичем, Екатерина за Игнатьевым Николаем Ивановичем. До революции они все дослужились до чина капитанов 1-го ранга. Глава семейства Развозовых адмирал Владимир Александрович Развозов командовал в свое время крепостью Кронштадт, но погиб задолго до описываемых событий [18].

Адмирал Георгий Карлович Старк

Революцию Г.К. Старк не принял и в апреле 1918 года подал в отставку. Дальнейшая его судьба была связана с А.В. Колчаком и Белым движением. Умер он в эмиграции в Париже в 1950 году. Когда Старк воевал на Дальнем Востоке, его семья оставалась в Петрограде. Елизавету Владимировну арестовали. Она умерла в тюрьме в 1924 году от скоротечного туберкулеза. Родственники переправили осиротевших детей к отцу во Францию [19].

Брат жены Георгия Карловича Александр Владимирович Развозов (1879–1920) во время Первой мировой войны служил на эсминцах в Балтийском море, а с марта 1917 года приступил к командованию Минной дивизией. После Февральской революции при Временном правительстве он был назначен командующим Балтийским флотом. На этой должности Развозов находился с июля по декабрь 1917 года. 18 июля 1917 года он получил звание контр-адмирала. А.В. Развозов вошел в историю, как последний командующий Балтийским флотом в дореволюционной России.

В октябре 1917 года контр-адмирал Развозов руководил действиями флота во время Моонзундского сражения между русским и немецким флотом. Моондзунский пролив имел важное стратегическое значение. Он соединял Рижский и Финский заливы. Русский флот потерпел тогда поражение, но сорвал планы немцев прорваться в Финский залив [20]. В журнале «Искры» № 40 за 1917 год приводится большая статья о гибели броненосца «Слава» в этом сражении. Русские моряки затопили сильно пострадавший в бою броненосец в фарватере залива. Почти вся команда была спасена своими миноносцами [21].

Адмирал Александр Владимирович Развозов

После введения коллегиального управления флотом в декабре 1917 года Развозов ушел в отставку. В 1918 году его вернули на прежнюю должность, но вскоре опять отстранили.

После отставки Развозов работал в морском архиве. В сентябре 1919 года его обвинили в военном заговоре и арестовали. Скончался Развозов в 1920 году в тюремной больнице [22].

Женат А.В. Развозов был на Марии Александровне фон дер Остен-Дризен. В отличие от семьи Г.К. Старка, она с детьми успела уехать за границу. Старшая дочь Развозовых Екатерина во Франции вышла замуж за сына А.В. Колчака – Ростислава. У них родился сын Александр, у которого в свою очередь появилась на свет дочь Екатерина. Старший сын адмирала А.В. Развозова потомства не оставил. С потомками младшей дочери адмирала А.В. Развозова Елены до сих пор общаются проживающие в Москве потомки его сестры Марины Гертнер (ур. Развозовой) [23].

Сослуживцем А.В. Развозова и Г.К. Старка на Балтике и ранее во время русско-японской войны был Александр Васильевич Колчак. Он быстро двигался по служебной лестнице: декабрь 1913 г. – капитан 1-го ранга, сентябрь 1915 – начальник Минной дивизии, апрель 1916 г. – контр-адмирал, июнь 1916 г. – командующий Черноморским флотом, вице-адмирал. В начале Первой мировой войны он руководил обороной Рижского залива, минированием входа в Финский залив и другими боевыми операциями на Балтике. Ему удалось также помешать немцам перевозить морем шведскую руду для нужд германской армии [24].

Адмирал А.В. Колчак

В должности командующего Черноморским флотом он также проявил себя как талантливый флотоводец. Черноморский флот обеспечивал безопасность транспортов, снабжавших Кавказскую армию, защищал побережье от набегов германских крейсеров и подводных лодок. Под руководством Колчака Черноморский флот практически заблокировал выход германских и турецких судов из Босфора в Черное море [25].

В начале войны жена Колчака Софья Федоровна с малолетними детьми бежала из прифронтовой Либавы. В эти дни она потеряла вторую дочь. Первая дочь умерла раньше во время русско-японской войны. Из троих детей выжил только сын Ростислав [26]. Последний раз она видела мужа в Севастополе в мае 1917 года, когда тот уезжал в служебную командировку в Петроград, из которой так и не вернулся. Он был расстрелян большевиками 7 февраля 1920 года.

В Севастополе Софье Федоровне пришлось скрываться от большевиков. С приходом в город англичан ей удалось перебраться за границу, где она прожила в эмиграции до последних дней [27].

В эмиграции судьба свела семьи трех адмиралов. Сыновья адмиралов, как и их отцы, были ровесниками. Сын А.В. Развозова Александр учился в Париже в электромеханическом институте вместе с сыном Г.К. Старка Борисом, сын А.В. Колчака Ростислав женился на дочери А.В. Развозова Екатерине [28, 29].

*Сыновья трех адмиралов в эмиграции (слева направо)
Владимир Развозов, Борис Старк, Ростислав Колчак*

Первая мировая война и последующая за ней революция сильно сказались на жизни офицерских семей. Пятеро детей Николая Рудольфовича Штейпа: четыре сына и дочь, оказались в вынужденной эмиграции во Франции, одни без родителей после того, как их эвакуировали из Новороссийска в 1920 году. Только в 70-х годах XX века они впервые встретились после длительной разлуки с младшими сестрами, оставшимися в России.

На фронтах Первой мировой погибли два сына Марии Рудольфовны Гебель (ур. Штейп). Одному из них было 25 лет, другому 21 год.

Во время Гражданской войны погибли талантливые флотоводцы вице-адмирал Александр Васильевич Колчак, расстрелянный под Иркутском, и контр-адмирал Александр Владимирович Развозов, умерший в Петроградской тюрьме. Их семьи оказались за границей в вынужденной эмиграции.

Контр-адмирал Георгий Карлович после поражения Белой армии на Дальнем востоке эмигрировал во Францию. После смерти жены он один воспитывал двоих детей.

В эмиграции оказались и две сестры Георгия Карловича Старка – Зоя Карловна и Ольга Карловна с мужем, морским офицером Федором Оскаровичем Старком. На Родину они так и не вернулись. В России остались Инна Карловна, Сергей Карлович и Николай Карлович Старки. Своего брата адмирала Старка и сестер они больше не видели. Однако несмотря ни на что, сын Г.К. Старка Борис после смерти отца вернулся из эмиграции на Родину.

Примечания

1. *Штейн Н.В.* Воспоминания о былом: по материалам семейного архива: в 2 ч. 2010. С. 92-95.

2. Там же. С. 100–102.

3. <http://inet-sochi.ru/history/?year=1915&era=1>

4. <http://inet-sochi.ru/history/?year=1916&era=1>

5. Первая мировая война на море. Материал Википедии в Интернете.

6. *Черкашин Н.* Последняя любовь Колчака. М., 2008. С. 145.

7. *Штейн Н.В.* Указ. соч. С.105-106.

8. Там же. С. 107.

9. Сочинский листок. 1916. № 834. 24 апреля.

10. *Штейн В.В.* Сага о Старках. Рукопись. 1972 год.

11. Царицинское генеалогическое общество. Журнал «Искры» за 1915 год. Интернет-ресурс. <http://www.gen-volga.ru/biblio/biblio.htm>.
12. Корнилов, Лавр Георгиевич. Материал из Википедии.
13. *Френк З.Н.* Воспоминания. Рукопись.
14. Там же.
15. Центр генеалогических исследований. Раздел Библиотека. Общий список офицерских чинов русской императорской армии на 1909 г. Интернет-ресурс. <http://rosgenea.ru/>
16. *Протоиерей Борис Старк.* Вся моя жизнь – чудо...Воспоминания и проповеди. Москва. Православный Свято-Тихоновский ун-т, 2009. С. 16
17. Там же. С. 7.
18. Там же. С. 18.
19. *Геращенко Е.К.* Адмирал Старк. Статья в Интернет-газете «Сочинские новости.рф». Старый сайт.
20. Моодзунское сражение (1917г.). Интернет-ресурс. [http://army.lv/ru/Moonzundskoe-srazhenie-\(1917g.\)/1946/3765](http://army.lv/ru/Moonzundskoe-srazhenie-(1917g.)/1946/3765)
21. Журнал «Искры» № 40.1917 г. Интернет-ресурс. <http://odin-fakt.ru/iskry/>
22. Моодзунское сражение (1917 г.). Интернет-ресурс. [http://army.lv/ru/Moonzundskoe-srazhenie-\(1917g.\)/1946/3765](http://army.lv/ru/Moonzundskoe-srazhenie-(1917g.)/1946/3765)
23. Из переписки Е.К. Геращенко с Виталием Готовым, мужем праправнучки Марии Гертнер.
24. *Черкашин Н.* Указ. соч. С. 89.
25. Там же. С. 137.
26. Там же. С. 82.
27. Там же. С. 222-225.
28. Там же. С. 303.
29. *Протоиерей Борис Старк.* Указ. соч. С. 35.

О.А. Глотова (г. Москва, Россия)

Адмирал А.В. Развозов и его семья

Рассказ об Александре Владимировиче Развозове (23.07.1879 – 14.06.1920), моем двоюродном прапрадеде, мне бы хотелось начать с его родителей. Отец, Владимир Александрович Развозов, был морским офицером, в высшей степени честным, решительным и отважным, как характеризовали его современники.

Прибыв в Виндаву (современный Вентспилс, Латвия) по делам службы, на одном из приемов он увидел молоденькую красавицу Каролину Гудшмидт, дочь литовского купца немецкого происхождения. Семейная легенда гласит, что решение связать с ней свою жизнь он принял мгновенно, затем решительно подошел к избраннице и сказал ей: «Ich liebe dich» (это все, что он знал по-немецки). Потом было сватовство, убедившее строгого родителя, что небогатый русский дворянин, семья которого с середины XV века находится на военной службе, является отличной партией для его дочери, несмотря на разницу в 25 лет, и любовь, пронесенную до конца жизни.

*Дедушка А.В. Развозова, Виндавский
1-гильдии купец Фридрих Гудшмидт*

Владимир Александрович был застрелен на борту корабля, которым он командовал. По семейному преданию, он решил разоблачить перед строем нечистоплотность в делах одного из офицеров. Злоумышленник выстрелил в него и застрелился сам. Каролина Федоровна Развозова в 28 лет осталась одна с четырьмя дочерьми и сыном Сашей, единственным мужчиной в семье. Поселившись по последнему месту службы мужа в Кронштадте, она в одиночку поднимала детей

на пенсию, которую пожаловал ей Император, так и не выйдя повторно замуж. Дети перевезли её в Петербург, где до самой смерти в 1933 году она будет в центре радостных и трагических событий большой семьи Развозовых.

*Родители А.В. Развозовы –
Владимир Александрович Развозов и Каролина Гудшмидт*

Сестры Развозовы

*Семья Развозовых.
Каролина Федоровна в центре*

Саше, родившемуся в Ревеле, в очередном месте службы отца, было 15 лет, когда случилась трагедия, и обстоятельства, последовавшие за этим не оставили ему другого выбо-

ра, кроме упорной учебы и подготовки к карьере морского офицера. С немецкой педантичностью, унаследованной от матери, он погрузился в изучение естественных наук и по результатам экзаменов, даже без положенной протекции, поступил в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге, который окончил в 1898 году, а в 1901 году – Минный офицерский класс.

Отцовские гены помогли юноше стать, как сейчас бы сказали, неформальным лидером среды таких же, как и он кадетов, у которых не было родительской поддержки в Санкт-Петербурге. Во время каникул он привозил друзей к себе домой в Кронштадт, чтобы кадеты не сидели в казармах все время. Таким образом, все сестры Александра Владимировича вышли замуж за одноклассников брата. Мария (моя прапрабабушка) вышла замуж за Константина Гертнера (герой Русско-японской и Первой мировой войн, расстрелян в 1918 году). Зинаида – за Федора Васильева (блестящий морской офицер, отмеченный многими наградами Российского Императорского флота). И, наконец, Екатерина и Елизавета, которые вышли замуж за самых перспективных, как тогда казалось, Петра Вырубова и барона Константина Мессера. Эти браки оказались самыми короткими. Петр Вырубов геройски погиб в сражении при Цусиме в 1905 году. Константин скончался от тяжелой болезни годом ранее, но его младший брат Иван, также ставший морским офицером, имел карьеру более долгую, и за подвиги свои получил во время Первой мировой войны от немцев прозвище «Морской волк». Екатерина, молодая вдова, через 2 года вышла замуж за Николая Ивановича Игнатьева, который перевез всю большую семью Развозовых из Кронштадта в Санкт-Петербург на Васильевский остров. А Елизавета через 4 года вышла замуж за Георгия Старка (герой Русско-японской и Первой мировой войн, старший офицер крейсера «Аврора», командующий Дальневосточной флотилией) – это родители известного протоирея о. Бориса Старка. Удивительный факт – породнившихся офицеров А.В. Развозова, К.П. Гертнера, Г.К. Старка и Н.И. Игнатьева 6 декабря 1916 года произвели в Капитаны 1 ранга в один день.

Семья Марии Развозовой

*К.П. Гертнер,
прапрадедушка
автора доклада*

Семья Зинаиды Развозовой

*Елизавета Развозова
с будущим мужем
Георгием Старком*

Петр Вырубов с товарищами. Описание подвига

Так, Александр, который успешно начал карьеру, благодаря своей самоотверженности и своему несгибаемому характеру, устроил судьбу всех остальных членов его семьи. Сам он в октябре 1907 года женился на Марии, урожденной баронессе фон Остен-Дризен. Из рассказов старших я знаю, что Каролина Федоровна дала сыну фамильное колечко, наказав жениться на той, кому оно будет в пору. Александр, красавец-офицер, пользовался успехом у женщин, женился именно на той, которая смогла примерить материнское кольцо. Будучи офицером, прикомандированным к строящемуся в Англии кораблю «Рюрикъ», он не мог видеться с невестой и смог приехать только на венчание. Все свадебные хлопоты взял на себя шафер и лучший друг, будущий контр-адмирал (за Моонзунд) Георгий Старк.

Чета Развозовых

После свадьбы у них родились два сына: Александр и Георгий (умер через 4 месяца после смерти отца в возрасте 6 лет), и три дочери: Екатерина (была замужем за сыном А.В. Колчака), Мария и Елена. Александра я застала, и в своих детских воспоминаниях он представлялся мне образцом учтивости и рыцарского отношения. Александр Александрович прожил всю жизнь в эмиграции, принимал участие в составе Французского Иностранного легиона во Второй мировой войне, был отмечен наградами и похоронен с воинскими почестями на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Сын адмирала А.В. Развозова А.А.Развозов

Похороны А.А. Развозова на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа

Александр Владимирович принимал участие в Русско-японской войне, затем в Первой мировой войне. Его биография и этапы боевого пути записаны в авторитетных энциклопедических источниках. Принимал участие в обороне Порт-Артура (27.01–20.12.1904) и в сражении в Жёлтом море (28.07.1904). За отличия в делах против неприятеля награжден несколькими орденами, в том числе орденом Святого Владимира 4-ой степени с мечами и бантом, к которому был представлен приказом Наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке «за успешное отражение неприятельских миноносцев и потопление пароходов-брандеров в ночь на 11-е февраля». После падения Порт-Артура отказался дать подписку о дальнейшем неучастии в войне и вместе с солдатами был в плену до января 1906 года.

После Порт-Артура. Лейтенант А.В. Развозов

В годы Первой мировой войны служил в Минной дивизии Балтийской флотилии начальником 5-ого (с 09.11.1914), затем 9-ого (с 04.05.1915), 2-ого (с 29.04.1916) и 12-го дивизионов (1917) эскадренных миноносцев.

*Государь Николай II среди офицеров Балтийского флота.
Развозов и Старк в числе принимающих офицеров*

За отличия в делах против неприятеля был пожалован Георгиевским оружием (10.02.1916) и орденом Святого Владимира 3-ей степени с мечами (21.11.1916). 7 июля 1917 года при назначении на должность командующего флотом Балтийского моря получил чин контр-адмирала. В связи с обострением обстановки назначен Совкомбалтом начальником Военного отдела Центрального комитета Балтийского флота (с 12.03.1918) с полномочиями командующего флотом. Однако, уже через неделю приказом Коллегии Народного комиссариата по морским делам отстранен от должности командующего и уволен от службы (с 20.03.1918) «за нежелание считать для себя обязательными декреты Совета Народных Комиссаров и за отказ подчиниться Коллегии Морского комиссариата». Находясь в отставке, работал в Морской исторической комиссии при историческом отделе оперативного управления штаба РККФ. Совместно с Капитаном 1-го ранга С.А. Кукелем (1883-1941) составил «Дневник военных действий флота на Балтийском море», охватывающий период с 1914-ого по 1917 год.

Контр-адмирал Развозов

Однако, ни одно энциклопедическое издание не может передать, каким тонким и любящим человеком был Александр Владимирович, как каждую свободную минуту тянулся он к своей большой семье, которая жила дружно, как любил играть с сыном, племянниками и племянницами, которые гурьбой окружали его, когда он приходил домой, как прощался с семьей навсегда в ноябре 1919 года.

На даче с семьей

Совместная проявка фото

Тогда он понимал, что уже не вернется никогда. А.В. Развозов был арестован за то, что в качестве последнего Командующего Балтийской флотилии Российского Императорского Флота и первого Командующего Балтийского флота Новой России отказался выполнять приказы, недостойные чести офицера. И за то, что устроил в голодное время для своих сослуживцев и простых матросов мореходную артель, которая помогла выжить голодающему Петрограду, доставляя продовольствие.

Это помнят только члены нашей семьи, передавая семейные истории из поколения в поколение.

Смоленское кладбище Санкт-Петербурга

Создатель первого в России серийного танка Николай Ильич Фонштейн

Первая мировая война стала тем рубежом, когда на поле боя хозяином стали машины. Теперь они диктовали стратегию и тактику, подчинив себе промышленность и науку. Статья посвящена создателю первого в России серийного танка Николаю Ильичу Фонштейну.

Н.И. Фонштейн родился 7 мая 1878 года, дата смерти неизвестна. Православный. Образование получил в кадетском корпусе. В службу вступил 31.08.1895. Окончил Михайловское арт. училище. Выпущен в Кавказскую гренад. арт. бригаду. Подпоручик (ст. 12.08.1896). Поручик (ст. 12.08.1900). Штабс-Капитан (ст. 12.08.1904). Окончил Михайловскую арт. академию (1905). Капитан (ст. 28.05.1905). Подполковник (ст. 08.10.1909). Полковник (пр. 1913; ст. 06.05.1913; за отличие). На 01.03.1914 в Кронштадтском креп. арт. управлении. Командир тяжелого пушечного арт. полка (с 24.12.1914). На 06.12.1916 – командующий 1-й запасной тяж. арт. бригадой. Ген-майор (пр. 06.12.1916; ст. 06.12.1916; за особые заслуги) с утверждением в должности.

Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1908); Св. Анны 3-й ст. (1913) [1].

Такова краткая биография этого участника Великой Войны, об организаторской деятельности которого в деле формирования частей тяжелой артиллерии с похвалой отзывался в своем труде Е. Барсуков. Биография Н.И. Фонштейна явно неполная. Хотелось узнать, отчего у генерала так мало орденов, и за какие особенные заслуги он произведен в генералы в 38 с небольшим лет?

Возможно, последующие изыскания приоткроют неизвестные страницы его биографии. Но, даже в случае отсутствия этих сведений, дальнейшая деятельность генерала Фонштейна отводит ему совершенно особое место в российской военной истории.

До недавнего времени считалось, что первое серийное производство танка началось на Сормовском заводе в 1919–1920 гг. (так называемый «Русский Рено» – несколько измененный

трофейный легкий танк фирмы «Рено» FT-17). До этого имелись три случая постройки несерийных экземпляров («Вездеход» Пороховщикова, «Царь-Танк» Лебеденко и бронетрактор «Ахтырец» Гулькевича) и множество других проектов.

Реально же первая серия бронетракторов была построена заводом «Судосталь» в городе Новороссийске в течении 1919 года в количестве 7 штук и часть из них успела принять участие в боевых действиях.

Правда, обычно эти бронетракторы называют полугусеничными образцами, а танки принято считать чисто гусеничными машинами. Но мы в своей оценке опираемся на мнение отечественных историков танкостроения М. Коломийца, И. Мощанского, С. Ромадина, назвавших бронетракторы «Судостали» танками.

Начальный этап производства бронетракторов освещен плохо. Некоторое количество машин аналогичных конструкций было изготовлено для бронечастей Белой Армии на заводах Юга России. Здесь работы по созданию бронированных тракторов начались в начале 1919 года. Основным побудительным мотивом было не только малое количество броневых автомобилей в частях белых, а главным образом то, что почти все имевшиеся броневики были сильно изношены и обладали очень низкой проходимостью. К тому времени у белых имелось некоторое количество тракторов различных марок, поставленных союзниками: «Висконсин», «Буллок-ломбард», «Холт». Работы по их бронировке велись на Ревельском заводе и заводе «Судосталь» в Новороссийске. Уже в феврале 1919 года в состав 3-го бронеполка 2-го бронедивизиона Кавказской Добровольческой армии вошли два бронетрактора: «Доблестный лабинец» и «Генерал Улагай». Они оба были построены на шасси тракторов «Висконсин» (номера двигателей тракторов 50 и 89), схожим по конструкции с трактором «Аллис-Чалмерс». Схема бронирования была похожа на «Ахтырца», но вооружение тракторов состояло из 4 пулеметов Максима. Обе машины получились очень удачными и активно использовались в боях против красных частями 2-го Кубанского корпуса. Осенью 1919 года при отступлении Белой Армии оба бронетрактора попали в руки красных.

Но не все попытки создания танков для Добровольческой армии оказались удачными. Так 1 апреля 1919 года в Новочеркасск с Ревельского завода прибыл бронированный трак-

тор «Астраханец». Машина сразу же была отправлена на фронт 3-й Донской армии, а на следующий день начальник штаба 3-й армии Говоров телеграфировал в Екатеринодар: «Присланный в армию броневик «Астраханец» оказался непригодным для действий <...>, отправить обратно».

Документ не требует комментариев. О дальнейшей судьбе «Астраханца» сведений нет. Известно только, что он находился в ремонте на Ревельском заводе в апреле 1919 г.

О бронированных тракторах сообщал на допросе 1 мая 1919 г. перебежчик из Добровольческой Армии поручик Г.Д. Петрашин: «В Екатеринодаре я видел танки, но не английские, а русские, переделанные из тракторов и вооруженные пулеметами». Сейчас трудно сказать, сколько бронетракторов было построено белыми. Документов по известным причинам практически не сохранилось. Кое-что можно узнать из документации бронечастей Красной Армии, которым достались в качестве трофеев все бронеавтомобили Белой Армии. Так, 29 ноября 1920 г. в Бронеотдел Главного Военно-Инженерного Управления поступила телеграмма: «В Таганроге Комиссия под председательством Ингусо-Граевского произвела испытание бронетрактора фирмы «Ломбард» и признала, что таковой как боевая единица к использованию на фронте непригоден» [2].

В фонде завода «Судосталь» имеются документы о постройке еще 4 бронетракторов «Ломбард» (название «Буллок-Ломбард» там не употребляется). Что же касается некачественного изготовления бронетрактора «Астраханец», то в фонде об этом упоминаний нет, как и вообще претензий к качеству выполненных работ по всем другим заказам. Имелись также планы на бронирование еще трех.

Начало бронетракторной программы впервые упоминается в документах фонда 11.04.1919 г. (стр. 47, исправленная на 59), когда прибыло следующее сообщение: «Новороссийск. «Судосталь». Бальцевичу. Руководство работы над тракторами поручено генералу Фонштейну, непосредственное же руководство бронированием и <...> другими работами поручено инженеру подпоручику Комуру, который командирован для этого в Новороссийск. Все переговоры со службой снабжения по поводу тракторов будет вести инженер подпоручик Комура, о чем прошу довести до сведения заводоуправления».

Иногда в документах фамилия Фонштейн пишется как фон Штейн.

20.05.1919 г. в плане заказов заводу указано в числе прочих заказов «обладка 10 тракторов».

В последующем это было реализовано в виде 4 бронетракторов и ремонте 6 тракторов. Ремонт 6 тракторов системы «Рустон» на сумму 157400 рублей был проведен согласно срочному сообщению от 15.04.1919 г. Сумма весьма значительна (см. расценки на бронетракторы).

Что же касается бронетракторов, то по документам можно проследить эволюцию их элементов.

В документе на стр. 385 отражена «схема» (точнее смета) по бронировке трактора системы «Ломбард». Цена бронирования и ремонта одного трактора и его ремонта оценена в 23500 рублей. Но в эту сумму входит защита только передних колес, букс и отдельных элементов управления только на 3175 рублей. Остальные работы – усиление платформы продольными и поперечными накладками и ремонт различных систем трактора. Согласно документу на стр. 17, заводом названа цена за бронирование трактора 42000 рублей и что для этой цели используется 8 мм броня и сталь полудюймовой толщины. Согласно документу, на стр. 31 цена бронирования и ремонта одного трактора увеличена еще на 4600 рублей. Далее следует любопытный документ стр. 27, согласно которому вследствие внесенных генералом Фонштейном в проект изменений цена всех четырех бронетракторов составит 355860 рублей, то есть в четыре раза больше по сравнению с первоначальной. Документ содержит зачеркнутые строчки, согласно которым бронетрактор должен иметь вращающуюся пулеметную башню с тормозом. Документ на стр. 28 является вариантом документа на стр. 27, в нем указывается, что пулеметная башня должна быть системы Голяховского.

Таким образом, наблюдается эволюция проекта. Первоначальный вариант из документа на стр. 385 – это подвижная бронеплатформа для тяжелой артиллерии (самоходное орудие) по типу бронетракторов «Клейтон». Вариант из документа 17 – это бронетрактор с вращающейся пулеметной башней на корпусе. Вариант три – скорее всего, окончательный вариант (фото которого имеются), то есть имеющий не только башню сверху корпуса, но и вооружение, установленное в его задней части. Это так называемый «русский тип»

вооружения бронеединиц, примером которого могут служить броневые автомобили «Гарфорд» и бронетрактор Гулькевича. 18.09.1919 г. были сданы первые два бронетрактора (стр. 61). На заводе они обозначались номерами 1 и 2.

Сдача остальных двух затянулась. Заводоуправление в документе на стр. 74 пишет, что сдача одного из готовых бронетракторов затягивается вследствие того, что с него для неких нужд армии временно снят карбюратор, который до сих пор не возвращен заводу. Дата 9.09.1919г.

Далее следует письмо из Екатеринодара (стр. 76), где предполагалось артснабжение ВСЮР, в котором его начальник беспокоится о сдаче остальных двух бронетракторов и интересуется, будут ли они готовы к 24 октября.

В ответ заводууправление пишет (стр. 77), что оба бронетрактора практически готовы, но с них для нужд армии временно сняты карбюратор с номера 4 и пусковое устройство с другого, которые до сих пор не возвращены, несмотря на неоднократные просьбы.

Пока шла эта переписка, бронетрактора получили повреждение цилиндров двигателей. Это еще раз отодвинуло срок готовности. Предполагалось, что это акт диверсии, совершенный подпольем большевиков. Против этого выступил Бальцевич. В иронической форме он дал понять, что подобные идеи беспочвенны и заявил, что повреждения произошли вследствие попадания в полость цилиндров пыли и мелких камешков во время норд-оста. У бронетракторов были сняты карбюраторы, через незаглушенные отверстия которых и попали посторонние предметы.

В документах «Судостали» упоминается только случай с цилиндрами бронетракторов. Ссылок на задержку сдачи заказов вследствие диверсий или забастовок нет.

Наконец, оставшиеся бронетрактора были приняты и в срочном порядке отправлены в Таганрог 8.11.1919 г. (стр. 88). Там, очевидно, они и были захвачены наступающей Красной армией.

Кроме того, имеется еще интересный документ на стр. 162. Это план заказов завода, в котором фигурирует бронирование трех тракторов и «обладка» 10 тракторов для тяжелой артиллерии. Датировка-сентябрь 1919 года (датирован по дате предыдущего на стр. 161 от 7.09.1919г).

Таким образом, по документам завода удалось выявить две фамилии (Фонштейн и Комар) людей, непосредственно занимавшихся теоретической и практической разработкой проекта бронетракторов ВСЮР, а также их производством. Удалось представить хотя бы в общих чертах эволюцию проекта бронетрактора «Ломбард». Получены материалы о размерах «танковой программы» Добровольческой армии – 7 готовых бронетракторов и 3 планируемых, плюс не менее, чем 4 самоходных орудия Таганрогского завода «Неф-Вильде» (не исключено, что и больше, ведь планируемая «обладка» могла вылиться в новые самоходные шасси). Таким образом, «танковая программа» ВСЮР становится сравнимой по масштабам с программой постройки «Русских Рено» на Сормовском заводе.

Несколько позже были обнаружены новые данные и о выполнении бронетракторной программы и людях, связанных с ней. Упомянутый генерал Фонштейн продолжал курировать производство бронетракторов и по результатам испытания двух бронетракторов в октябре 1919 года ходатайствовал об устройстве креплений по-походному (в тексте названы «укрепы»), чтобы башня не разбалтывалась при движении.

Имеется и документ от 27 октября 1919 года, предлагающий заводу рассмотреть предложение полковника Мещеринова о придании бронетракторам возможности движения по железной дороге. Дальнейшие решения по этой теме в документах не найдены.

Следует также назвать офицеров, участвовавших в работе завода по изготовлению бронетехники (степень и род участия пока назвать невозможно) – капитаны Ольшановский и Оконев, прапорщики Карпов и Тер-Овакимян.

Дальнейшая судьба генерала Фонштейна автору неизвестна. Но приведенные документы подтверждают его активное участие в проектировании, производстве и усовершенствовании бронетракторов ВСЮР, а значит, и в начале серийного танкостроения в стране.

Отчего Николай Ильич пришел к идее необходимости производства подобных бронетракторов? Можно предположить, что как командир тяжелого пушечного артиллерийского полка генерал много сталкивался с тракторами для перевозки тяжелой артиллерии, а также был знаком со взгляда-

ми союзников по Антанте, которые преодолевали «позиционный тупик» при помощи использования танков. Видимо, несколько позже обе идеи соединились. Впрочем, использование базы существовавших тракторов характерно и для французского танкостроения.

Хотя Гражданская война была маневренной, но и на ней возникала необходимость преодоления прочной позиционной обороны противника. Для ВСЮР это было необходимо при взятии Царицына, а позднее, в 1920-м году – для штурма Каховского плацдарма. Поэтому потребность в бронированном средстве для преодоления такой обороны существовала. Частично она могла быть компенсирована поставками из Англии, но и собственное производство не следовало отвергать.

Примечания

1. <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=4883>
2. Коломиец М., Мощанский И., Ромадин С. Танки гражданской войны. М., 1999. (Армада № 14) – электронная версия с сайта <http://armor.kiev.ua/Tanks/WWII/tractor/broneotr0.php>
3. Архив Администрации города Новороссийска. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 11, 18, 18 а.

А.В. Бабич, А.М. Галич (г. Краснодар, Россия)

«За Веру, Царя и Отечество!»: служба православного духовенства в период Первой мировой войны (1914-1918)

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя...»

(Иоанн Богослов. 15:12, 13)

Одним из важнейших направлений исследования истории Великой войны (1914–1918) является изучение ряда аспектов, связанных с проявлением патриотизма в среде Русской Императорской армии, включая различные ее слои: командный состав и офицерство, духовенство (полковые священники) и

нижние чины. Главнейшими качествами проявления патриотизма в ходе этой напряженной и кровопролитнейшей войны были доблесть, беззаветная храбрость, самопожертвование и милосердие, то есть именно то, что выражается в православной формуле, высказанной Иоанном Богословом: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя». В связи с этим, тщательное изучение данной темы открывает перед нами грандиозную картину проявления лучших человеческих порывов сынов России, которые складываются в величественную эпическую книгу Великой войны, примеры беззаветной любви к своему Отечеству, Православной вере и Государю. В статье речь пойдет о полковых священниках в действующих частях Русской Армии.

Следует обратить внимание на то, что служение православного духовенства в дореволюционной России имело общие точки соприкосновения со служением воинским. Нередко происходило так, что священник и офицер (командир подразделения – полка батальона и т.д.) в одном ряду шли в атаку, вдохновляя своим примером солдат, ибо защита Отечества и Государя в то время была неотделима и от защиты православной веры: со словами: «За Веру, Царя и Отечество» шли в бой, побеждали и умирали.

Поэтому глубоко символичен тот факт, что первой наградой священникам за их усердное продолжительное служение церкви является *набедренник* – продолговатый прямоугольный плат, который не только символизирует Четвероевангелие но и знаменует собой меч духовный, который есть Слово Божие. Об этом сказано в послании апостола Павла к Ефесянам (6:10–17). «Наконец, братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его... Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие».

Набедренник в виде плата, как пишет сотрудник Исторического музея С.С. Левин, – явление русское, в греческой церкви таких набедренников не было. Как награду его ввел в середине XVIII века московский архиепископ Платон. Набедренник носится на правом бедре, и при награждении им

читаются стихи псалма (Пс. 44:4–5), как и при посвящении в рыцари: «Препояшь Себя по бедру мечом Твоим, Сильный, славою Твоею и красотою Твоею, и в сем украшении Твоём поспеши, воссядь на колесницу ради истины и кротости и правды, и десница Твоя покажет Тебе дивные дела» [1].

Именно это духовно-рыцарское служение и было явлено русским православным духовенством во время многочисленных сражений, которые вела Российская империя на протяжении своей многовековой истории.

Великая война, юбилей которой мы отмечаем в этом году, явилась не только суровым испытанием для русского и других народов, населявших в то время необъятную Российскую империю, но и выявлением всего лучшего, светлого и героического, что до времени находилось под спудом будничной мирной жизни, со всеми ее коллизиями и проблемами. В этой войне, наряду с солдатом, воином, защитником Отечества, идущим на врага со штыком наперевес, проявило себя и православное духовенство, как некогда русские инокы – Пересвет и Ослябя, подавшие пример высокой доблести и самопожертвования.

Именно они, «скромные рядовые деятели, подвижающиеся на ниве духовной», вышли на поля сражений, как «добрые пастыри», дабы не только рассеивать страх перед лицом страданий и смерти, провожать в последний путь павших героев, выносить из огня и утешать пастырским словом страждущих, но порою, с крестом в руках, вести в атаку полки и поднимать боевой дух армии!

Это духовное служение православного священства, требующее сверхчеловеческих сил и подлинного смирения, нашло яркое отражение не только в документальных источниках, но и в кубанских газетах времен Великой войны. Здесь мы находим прекрасный материал о многочисленных подвигах самопожертвования, милосердия и доблести православных пастырей, в том числе и кубанцев, несущих свой нелегкий крест на одной из самых кровопролитных глобальных войн XX века.

В газете «Кубанский край» от 8 июля 1915 г. дается яркий коллективный образ военного духовенства Российской империи, принявшего самое непосредственное участие в Первой мировой войне. «Из рассказов очевидцев, – сообщает автор, – из солдатских писем, из отзывов начальствующих лиц, из

многочисленных сообщений печати, из длинных списков священников убитых, раненых, пропавших без вести, числящихся в плену, мы знаем, какую высокую энергию и силу духа проявила эта скромная, незаметная рать». И затем в статье приводится свидетельство одного из представителей русской интеллигенции, профессора Малахова, свидетельство весьма показательное для того времени: «Откуда взялись такие богатые сокровища духа? Почти не верится, что это и есть то самое бедное, забитое, приниженное духовенство, к которому наше образованное общество привыкло относиться свысока как к людям невежественным, корыстолюбивым и бесполезным» [2]. И ведь действительно, «образованное общество того времени» считало Россию страной, в некотором роде, отсталой от стран Запада, продвигавшихся вперед в духе прогресса и освобождения личности от всевозможных комплексов, накладываемых «общественными заблуждениями» и «религиозными предрассудками». Многие из них, кстати, люди весьма образованные и интеллигентные, видели прогресс России в том, чтобы заменить отсталые государственные формы, воплощенные в духе «Самодержавия, Православия и Народности», более прогрессивными – Западными.

Увы, тогда еще многие не знали и не понимали, к чему приведет это упорное стремление облагодетельствовать свой народ, дав ему мощный толчок к развитию путем решительного отказа от тысячелетнего опыта русской государственности. Последний базировался на тех самых Самодержавии, Православии и Народности, которые составляли удивительную симфонию, в течение столетий созидавшую непостижимую западному уму евразийскую империю. Империю, которую не смогли покорить ни Карл XII, ни Наполеон, ни новый натиск Европы на Восток, начавшийся в 1914 году.

Надо сказать, что именно православное духовенство являлось духовной основой Российской империи, незаменимой частью той удивительной симфонии созидания, которая проявила себя через жертвенность и милосердие не только в той, ныне забытой войне, но и в последующий за ней период кровавых смут и потрясений, обрушившихся на Россию...

«С крестом в руках, – свидетельствует боевой генерал, – священники храбро идут впереди своего полка, а по окончании сражения помогают перевязывать раненых». «В этих словах, –

отмечает автор статьи, — заключается верная общая характеристика деятельности духовенства на поле сражения в эту войну. Если прежде оно старалось принести духовное утешение воинам, находясь в тылу, около раненых и умирающих, то теперь оно перешло в передовые окопы и здесь ободряет и благословляет воинов, направляющихся в бой. Именно этим переселением духовенства из тыловых учреждений в передовые цепи и вообще в сферу огня и объясняется значительная убыль убитыми, ранеными, пропавшими без вести в сравнительно немногочисленной рати священников на войне. Деля с солдатом ужас войны, священник делает такую государственную работу, которой не в состоянии выполнить за него никто другой, и равной которой нет. Как не велико в современной войне значение техники, но силу армии составляет всё же дух войска. Поднять этот дух до высоты самопожертвования, рассеять страх перед страданием и смертью при глубоко религиозной натуре русского солдата — трудно без духовного отца и пастыря» [3].

В газете «Кубанский край» за ноябрь 1914 г. протопресвитер военного и морского духовенства протоиерей о. Георгий (Шавельский) сообщает о священнике о. Парфении Холодном, который взял в плен отряд австрийцев.

«За одним из полков, — начинается повествование, — следовали полковой священник о. Парфений Холодный, младший врач, подпоручик и капельмейстер Пеклер. Когда лазаретные линейки взобрались на высоты, они были замечены неприятелем, открывшим по ним артиллерийский огонь. Всего было выпущено около пятнадцати снарядов. Один снаряд, к счастью не разорвавшийся, попал под экипаж, в котором ехал священник.

Выезжая в деревню Саринки-Дольны, на мосту, к которому вела извилистая густо обсаженная деревьями дорога, обоз неожиданно был окружен 23 вооруженными солдатами-австрийцами, выбежавшими из-под моста. Ни о. [Парфений] Холодный, ни его спутники не растерялись. Осенив себя крестным знамением, с иконой Нерукотворного Спаса (благословение Государя Императора полку), о. Парфений выступил вперед. За ним шли подпоручик с обнаженной шашкой, капельмейстер с револьвером и врач. Подошедши к австрийцам, о. Парфений обратился к ним с речью: «Не стоит нам проливать кровь: мы и вы — славяне. Сдавайтесь лучше нам!

Не сдадитесь – погибнете, так как нас здесь много. Если же сдадитесь, я обещаю вам полную безопасность». Дело в том, что между австрийцами оказались русины, понимавшие русскую речь. Поговорив между собой, они положили оружие. Тогда священник Холодный приказал им разрядить ружья и положить их в экипаж, что они беспрекословно исполнили. Построив их в ряды, священник с капельмейстером повели их к полку. И пленные, и их вооружение были доставлены и сданы в полк» [4].

Этот случай, не первый, и не единственный, подчеркивает в целом доброжелательное отношение к русской армии славянского населения Австро-Венгерской империи, и одновременно открывает нам пастырский подвиг священника, который, рискуя собственной жизнью и безопасностью, не только предотвратил кровопролитие, но, фактически, пресек братоубийство, поскольку, как известно, русские и русины имеют общие славянские корни.

В декабрьском номере газеты за 1914 г. повествуется об о. Михаиле, бывшем артиллерийском офицере, окончившем Михайловское училище (к сожалению фамилия его не указана), который «самоотверженно возложив на себя епитрахиль и имея на груди дароносицу со Св. Дарами, все время находился на передовых позициях под жестоким шрапнельным огнем. Здесь он лично перевязывал раненых, а также напутствовал и причащал тяжело раненых. Ночью сам подбирал убитых и хоронил их по христианскому обряду.

В другом сражении о. Михаил был контужен, но, несмотря на это, лично вынес из-под огня тяжелораненого и доставил его на перевязочный пункт, а затем вернулся на передовые позиции, продолжая исполнять свой пастырский долг. В следующем бою о. Михаил все время находился при своей части. С наступлением темноты обходил окопы передовых частей на дистанции не более 400 шагов от неприятеля, перевязывая раненых и погребая убитых, при этом, все время находясь, под обстрелом пулеметов.

Последний подвиг отца Михаила состоял в том, что, войдя со штабом полка в назначенное помещение, он увидел там только что упавший, но не разорвавшийся неприятельский снаряд и, рискуя жизнью, поднял его с земли, донес до реки, куда его и бросил» [5].

В этом же номере газеты говорится и о полковом священнике (имя и фамилия не указаны), доставленным в г. Тифлис вместе с ранеными. Этот доблестный батюшка «бывший вместе с полком в 11 сражениях и отправлявший свои обязанности под градом шрапнели и пуль... оставался невредим, пока не пришлось оставить любимый полк по случайным обстоятельствам: во время сражения священник ехал верхом, чтобы напутствовать умирающего солдата. Приходилось пробираться по крутым горам: узкие тропинки, голые камни, скалы. В одном месте лошадь оступилась и полетела через голову, священник – через нее, и покатился в пропасть, причем получил при этом тяжелые ушибы» [6].

В январе 1915 г. газета «Кубанский край» сообщает о целом ряде иереев, принимавших участие в боях и получивших боевые награды: «Священник пехотного полка Николай Дубняков во время арьергардных боев с 31 августа по 2 сентября, собрал повозки обоза 1 разряда, лишившегося своего начальника, ободрил обозных нижних чинов и довел обоз в порядке до полка, несмотря на то, что близ о. Дубнякова разорвалась брошенная с немецкого аэроплана бомба, а по обозу все время стреляла неприятельская артиллерия. По Высочайшему повелению священник Дубняков награжден Золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте из кабинета Его Императорского Величества [7].

Священник пехотного полка Димитрий Мистеров под сильным артиллерийским и пехотным огнем разыскивал убитых офицеров и нижних чинов и предавал погребению. В бою под Гумбиненом, под сильным огнем противника обходил раненых и умирающих, ободрял их, и своим пастырским словом принес им много душевного утешения. Награжден тоже Золотым крестом на Георгиевской ленте.

Священник пехотного полка благочинный пехотной дивизии Николай Поспехов, во время боя 7 августа, находясь в первом отряде перевязочного пункта, одно время даже под шрапнельным огнем противника, неустанно и самоотверженно напутствовал тяжело раненых и воодушевлял легко раненых продолжать бой. Награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами.

Пехотного полка священник Василий Нименский, несмотря на преклонный возраст (66 лет), все время следует с

полком, бодро перенося все тяготы войны и, подавая пример другим в исполнении своего долга. При всяком удобном случае ведет беседы с нижними чинами, ободряя их и наставляя в исполнении присяги. Перед боем выходит к раненым со св. крестом и благословляет воинов. Награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами.

Священник пехотного полка, протоиерей Стефан Рожковский, во время боев 4 и 7 августа, находясь в перевязочном пункте, куда долетали неприятельские снаряды тяжелой артиллерии, ободрял нижних чинов и показывал пример храбрости. Награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами.

Пехотного полка священник Александр Крючков, в бою 4 августа был на перевязочном пункте, под артиллерийским огнем, где проявил храбрость и мужество. Награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами.

Священник пехотного полка, благочинный пехотной дивизии, протоиерей Николай Игнатович, находясь во время боя 4 и 7 августа под Сталупененом, безотлучно на перевязочном пункте, под огнем противника, не только исполнял все требы, но самоотверженно помогал работе санитарного персонала и соблюдению полного порядка. Награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами.

Священник пехотного полка Андрей Аркадьев самоотверженно и бесстрастно на поле сражения 7 августа, почти не отставая от цепей, ободрял личным примером бойцов, перевязывал раненых и напутствовал умирающих. Награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами.

Священник Владимир Концевич в бою 6 августа у деревни Омелишкен, на передовых позициях, под сильным огнем неприятеля, напутствовал раненых и умирающих. Награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами» [8].

В сентябрьском номере газеты, под заголовком «Герой-монах» публикуется, возможно, самим полковым командиром, материал о старце-иеромонахе Евтихии Тулупове, насельнике Площанской пустыни [9], совершившем выдающийся подвиг, достойный самой высокой награды. «О подвиге этого скромного старца-иеромонаха... можно говорить лишь с чувством восхищения и преклонения пред доблестью отца Евтихия, который в исключительно тяжелую минуту

повел рядом с командиром полка своих солдат в атаку, с одним св. крестом в руках. Смертью своей отец Евтихий запечатлел этот подвиг беззаветного мужества... Сколько раз о. Евтихий подвергал свою жизнь опасности! Не было дня, чтобы он не посещал окопы и не беседовал с солдатами, которым эти беседы простого русского и самобытного человека были понятны и дороги. И ходил в окопы о. Евтихий не только в сравнительно спокойное время, но и в моменты ожесточенных боев не забывал сходить и благословить своих солдат, причастить тяжело раненого и похоронить убитого... Упорные бои, кровопролитные и непрерывные. Немцы, видимо, задались целью окружить наши полки... Их отбрасывали сегодня, а наутро они опять оказывались перед нами...

Мы отступали медленно, методично, шаг за шагом подавались с боем назад, чтобы парировать эти удары противника, прорвавшегося между нашими группами. Уже целую неделю полки отходили, ведя непрерывные бои... Приходилось отбрасывать наседавшего на наш хвост противника и расчищать себе дорогу дальше... Уже семь дней и ночей не спали люди, утомленные боями и непрерывными маршами. Уже семь дней кухни были пусты и люди питались одним горохом, который собирали тут же на полях. В одинаковом положении были и солдаты, и командир полка, и командующий дивизией, деливший с солдатами все невзгоды и лишения боевой жизни.

9 июля только что отбили атаки немцев, наседавших на правый фланг, как обнаружился глубокий обход слева... Выяснились значительные силы пехоты и кавалерии противника, стремившегося отрезать нам путь отхода... Наши части задерживали, насколько хватало сил, врага, но на месте отброшенной цепи противника показывалась новая цепь, вместо рассеянного эскадрона появлялся свежий...

К полудню бой достиг своего апогея. Уже в бой были введены все резервы и напрягали последние свои силы, чтобы противостоять втрое сильнейшему противнику и дать возможность отойти остальным частям корпуса.

В решительный момент боя командир полка собрал последние шесть своих рот и повел их в контратаку.

Это был красивейший, незабываемый момент.

Чувствовалось, что настал кризис боя, когда рассыпанные цепью роты начали свое решительное движение. И в эту

минуту впереди рот, рядом с командиром полка, как из-под земли, выросла фигура полкового батюшки Евтихия Тулупова...

В епитрахили, с крестом в руках, о. Евтихий шел впереди цепи и старался поспеть за командиром полка, широким шагом мерявшем поле.

В этих раздувавшихся на ветре светлых кудрях, во всей маленькой фигуре согбенного старца-монаха, высоко над головой поднимавшего св. крест, было столько красоты, величия и героизма...

Впереди показалась неприятельская цепь. Раздался первый залп. И пролилась первая кровь – батюшка был ранен в ногу.

Но рана не охладила его порыва. Наскоро перевязавшись, он снова вышел впереди цепей и пошел, хромя, опять рядом с командиром полка.

Потом – беспорядочный ружейный огонь, треск нескольких пулеметов и дружный удар в штыки...

В штыковой схватке некогда было разбираться, кто ранен, кто убит.

И когда уже немцы отхлынули назад, оставив на поле груды тел, и наши, утомленные боем, окончили преследование разбитого врага, тогда только хватились, где батюшка.

Тело отца Евтихия разыскали на поле – тело с грудью, пронзенной целым снопом пулеметных пуль... Ночью отца Евтихия хоронили. Трогательны похороны героя. Безлунной ночью в глухом лесу, где мягко шумели верхушки сосен, собрался полк, утомленные боем солдаты, еще пахнувшие пороховым дымом. Безмолвно ждали, когда выроют могилу. И ночную тишь нарушили лишь шум леса, да стук лопат... В печальном молчании расходились солдаты...

За нынешнюю войну о. Евтихий Тулупов был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и представлен к награждению наперсным крестом на Георгиевской ленте и за подвиг 9 июля к ордену Св. Георгия 4-й степени» [10].

Хотелось бы рассказать и о наших земляках, кубанцах: «Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивейше пожаловать священнику ... Кубанского пластунского батальона Анатолию Лебедеву золотой наперсный крест на Георгиевской ленте из Кабинета Его Император-

ского Величества и сопричислить его к ордену Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом» (пожалован 17 апреля 1915 г.). Награда эта была необычна, так как бант является исключительно офицерской наградой [11].

Государь Император, по Всеподданнейшему докладу, согласно определению Святейшего Синода, в 10-й день июня сего года, в Царском Селе, Всемиловитвейше соизволил, за отличия во время военных действий, на сопричисление к ордену Св. Анны 4-й степени с мечами – священника Полтавского полка Кубанского казачьего войска Димитрия Вардиева и 3-й степени с мечами Уманского бригадира Головатого полка Кубанского казачьего войска Иллариона Окроперидзе; 3-й степени без мечей – священника Кубанского пластунского батальона Федора Цветкова» [12].

О протоиерее о. Димитрии Вардиеве следует рассказать более подробно. В должности протоиерея о. Димитрий находился с 9 августа 1915 г. Имел награды: скуфью – награжден 7 декабря 1902 г.; камилавку – награжден 6 мая 1906 г.; Синодальный наперсный крест – награжден 6 мая 1910 г.; Св. Анны 3-й степени – награжден 3 февраля 1913 г. За текущую кампанию о. Димитрий имел следующие награды: Св. Анны 2 ст. с мечами – награжден 10 июля 1915 г. за бой у сел. Деер 16 ноября 1914 г.; сан протоиерея – награжден 9 августа 1915 г. «за все труды и невзгоды, понесенные с начала боевых операций и за бой 18 февраля 1915 г. у гор. Дильмана; Св. Владимира 4 ст. с мечами – награжден 11 мая 1916 г. за бой 15 и 16 ноября 1915 г. у сел. Варкунис.

23 марта 1916 г. представлен к Золотому наперсному кресту на Георгиевской ленте. В представлении начальника Скудзбулагского отряда отмечалось: «В бою 30 июля 1916 г. под Саклизаме усердно заботился о быстрой эвакуации из боя раненых и о погребении убитых. Под огнем исполнял свой пастырский долг. В четырехдневном кровопролитном бою 6, 7, 8, 9 августа исполнял обязанности отрядного священника, все время находясь в боевой линии под орудийным и ружейно-пулеметным огнем турок.

Самоотверженно выходил в цепи стрелков, заботясь о раненых, которых невозможно было вынести из-за сильного неприятельского огня (потери одного Скудзбулагского отряда достигли 441 чел.), усиленно хлопотал, чтобы ни один раненый не остался

без помощи, неоднократно рискуя своей жизнью на совершенно открытой местности под пулями и снарядами, невзирая на страдания больной ноги, мешавшей ему двигаться. 8 и 9 августа находился под непрерывным огнем на вершине горы № 694, и первым обнаружил у турок начало волнений, не выдержавших, что мы их охватываем подковой с трех сторон.

Когда показались отступающие колонны, и я начал общую атаку, о. Д. Вардиев быстро сойдя с высоты № 694, сел на коня и поскакал впереди спускавшейся нашей батареи с несколькими казаками прямо к селению Дрийка, за которым виднелись покрытые частями турецкого заслона холмы Гирда-сур и Гирда-чирик, очутился в самом тылу турецких батальонов, продолжавших огневой бой на высотах Асхаба и Панибаро..., и в то же время под беспорядочным огнем турецких резервов, спешивших к перевалу Шейхан-Герюси. Турецкие части начали встречаться с нашими обходившими их со всех сторон. Пули летали по всем направлениям. О.Д. Вардиев, благодаря своему вниманию и острому зрению вовремя предупредил несколько случаев стрельбы по своим, заскакав далеко вперед. Помогал мне, как простой ординарец, передавал мои распоряжения, ободрял войска, останавливал и удерживал возбужденных солдат и казаков от ненужных жестокостей над пленными врагами, которые сдавались целыми ротами и батальонами.

В этом тяжелом, но славном деле, священник Вардиев проявил необыкновенное мужество, доблесть, беззаветное стремление не только помочь своим раненым, но и облегчить участь незащитных врагов. Был первым и главным заступником и ходатаем за убитых горем, усталых пленных и восставал против всякого притеснения их. Явил самый высокий пример самоотверженного и доброго пастыря, воина без страха и упрека...».

Кроме этого, 14 августа 1916 г. о. Димитрий был представлен к ордену Св. Владимира 3-й степени с мечами за то, что 30 июля 1916 г. в бою у сел. Мархоз, «находясь в сфере действительного огня, выполнял свои пастырские обязанности и хоронил убитых» [13].

Поспехов о. Василий, священник 19-го Кубанского пластунского батальона, «за отлично-усердную и ревностную службу», резолюцией Его Высокопреосвященства Экзарха

Грузии от 31 декабря 1916 года за № 1914 награжден камилавкой» [14].

Тихомирово. Сергей священник 8-го Кубанского пластунского батальона приказом Кавказской армии от 27.01.1917 г. № 25 награжден орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами [15].

Троицкий о. Михаил (из потомственных почетных граждан Войска Донского, род. 30.10.1882 г.) священник 1-го Таманского полка. Православный. Образование получил в Новочеркасской мужской гимназии и Нижегородской духовной семинарии. С 29.07.1914 г. в сане иерея. Участвовал в войне с Германией с 1914 г. по 1918 г. В Добр. Армии в составе полка с 07.01.1919 г. Награды: Золотой наперсный крест на Георгиевской ленте, орден Св. Анны 3-й ст. с мечами, Св. Анны 2-й ст. с мечами и бантом, Св. Князя Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, набедренник, скуфья и камилавка [16].

Феденко о. Дмитрий – священник 1-го Екатеринодарского полка, награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами 24.03.1916 г.; «Государь Император по Всеподданнейшему докладу Синодального обер-прокурора, согласно определения Святейшего Синода в 14-й день Октября 1916 г., в Царской ставке, Всемиловитвейше соизволил за отлично-усердную службу и особые труды во время военных действий на пожалование золотого наперсного креста из кабинета Его Императорского Величества на Георгиевской ленте и на объявление Высочайшего благоволения»); приказом по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства от 25.12.1916 г. № 75, за отлично-усердную службу на поле брани и труды, понесенные по обстоятельствам военного времени... награжден камилавкой [17].

Холмогоров о. Александр (Павлович), священник №-ского пехотного полка. Смертельно ранен 6 января 1917 г. «в день Богоявления Господня, обходя с крестом и окропляя святой водой защитников передовой линии окопов» [18].

Язловский о. Александр, священник 9-го Кубанского пластунского батальона, до войны священствовал в Борчалинском уезде. Убит 26 января 1916 г. во время подбора убитых на позиции. Погребен 7 февраля 1916 в гор. Тифлисе [19].

Ястребов Иоанн Петрович (ст. Полтавская), священник 10-го Кубанского пластунского батальона, «идя все время с крестом в руках впереди цепи, был убит артиллерийским снарядом турецкой батареи во время боя с турками 15.06.1916 г.».

Кроме этого в документах за предыдущие годы имеются сведения о том, о. Иоанн Ястребов 4 января 1915 г. представлялся к награждению орденом Св. Анны 3-й степени с бантом за то, что «10 и 11 декабря 1914 г. при наступлении бригады на турецкие позиции у сел. Копенат и Хосроверак под огнем противника напутствовал смертельно раненых казаков и давал утешение раненым»; 22 октября 1915 г. о. Иоанн был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами.

6 января 1915 он был представлен к награждению орденом Св. Анны 2 ст. с мечами за то, что «с 22 по 30 декабря 1914 г. при наступлении бригады на сел. Дивик, Чермук, [...], Гамас и Задраком, под огнем противника, утешал и напутствовал раненых, и, оставаясь с командой рабочих, хоронил убитых казаков», однако на это представление 22 мая 1915 г. из штаба 2-й Кубанской пластунской бригады командующему 10 Кубанским пластунским батальоном пришло сообщение о том, что «ходатайство ... о награждении священника ... о. Иоанна Ястребова орденом Св. Анны 2 ст. с мечами – отклонено».

18 июня 1915 г. о. Иоанн был представлен к награждению Золотым наперсным крестом на Анненской ленте за то, что «в боях 8 июня 1915 г. при наступлении у сел. Баламутовка под шрапнельным огнем, помогал врачу перевязывать раненых, исповедовал и приобщал Св. Таин тяжело раненых и при помощи некоторых из местных жителей с церковником подбирал убитых и хоронил их там же», кроме того представлялся к награждению орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами и бантом (дата представления не указана) [20].

И еще один интересный факт. В партизанском отряде Л.Ф. Бичерахова служил священник Богомолов [21], который «за оказанные боевые отличия, за проявленное беспримерное мужество и доблесть, стойкость и храбрость» награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и орденом Св. Анны 2-й ст. с мечами [22].

К награждению, на наш взгляд, имеется весьма важное разъяснение самого Л.Ф. Бичерахова, «как единственного, – по его словам, – и по преемству представителя здесь на Кавказе Российских Военных Властей, ... чинов армии и флота Кавказа ...», который свои приказы о награждении предвзял следующими словами: *«В то время, когда все фронты Великой Российской армии против внешнего врага пере-*

стали существовать, когда ей и стране был навязан позорный Брестский мир, здесь на Кавказе доблестные сыны России, верные своему долгу перед Родиной и союзническими обязательствами, одни, до конца, плечом к плечу с братьями по оружию – нашими союзниками, защищали Российскую территорию от турко-немцев»...

Итак, представленные материалы достаточно ярко открывают перед нами необыкновенные качества русского православного духовенства, выказывавшего в годы Великой войны 1914–1918 гг. не только примеры смирения и милосердия, но также мужества и поистине рыцарской храбрости. Ведь они не только перевязывали раненых, ободряли упавших духом и отпевали погибших. В одном ряду с полковыми командирами они еще и храбро поднимали в атаку русских воинов. Так как в свое время вдохновляли на борьбу с врагом беззаветные монахи Пересвет и Ослябя, посланные на битву с Мамаем, Великим Игуменом Земли Русской Сергием Радонежским, который и ныне светит нам незаходимой звездой Русского Православия...

Примечания

1. *Ионина Н.* 100 Великих наград. Награды Русской Православной Церкви.

2. Военное духовенство // Кубанский край. 1915. № 1632-147. Статья 8 июля 1915 г.

3. Там же.

4. Кубанский край. 1915 г. № 1450-257. 13 ноября

5. Кубанский край. 1915. № 1474-279. 13 декабря

6. Там же.

7. Наперсный крест на Георгиевской ленте был учрежден специальным указом императора Павла I в 1790 году. Кабинет Его Императорского Величества иногда награждал наперсным крестом на Георгиевской ленте полковых священников за героизм, проявленный в период боевых действий. Так, священник Полоцкого пехотного полка Т.Е. Куцынский за героизм, проявленный при штурме Измаила в 1790 году, получил осыпанный бриллиантами наперсный крест на Георгиевской ленте, 500 рублей единовременно и ежегодную пенсию в 300 рублей (*Ионина Н.* Указ. соч.).

8. Кубанский край, 17 января 1915 г. № 1497-13.

9. Площанская Богородицкая Казанская пустынь (Площанская пустынь) — православный мужской монастырь, расположенный в Брасовском районе Брянской области. История обители уходит

вглубь веков. По легенде, монастырь у Площанского озера, давшего название обители, повелел основать святитель Николай. Достоверно известно, что уединённый монастырь был разорён поляками и после 1613 года начал возобновляться иеромонахом Киево-Печерской лавры Прокопием. В книге, вышедшей в 1855 году указывалось, что по сведениям игумена Серапиона, который был строителем монастыря в 1778 году: ...старейший насельник обители монах Ефрем утверждал, «что де при сей пустыни были великие леса и в сей же пустыне в горе, при источнике, который называется Площанский колодезь, почему она и именуется Площанской пустынею, жили де во оной горе, в землянке три монаха, из коих один иеромонах Прокопий». Прокопий пришёл сюда из Киево-Печерской Лавры, родом же был грек. По преданию, чудотворная Казанская икона Божией Матери была пожалована Прокопию патриархом Филаретом в благословение обители, резная икона святителя Николая была обнаружена Прокопием в развалинах монастыря, а древняя икона Всемилоственного Спаса была пожалована царём Михаилом Фёдоровичем. В XVIII веке в монастыре началось активное строительство: в 1709 году была перестроена обветшавшая деревянная церковь во имя Казанской иконы Божией Матери; каменный Казанский собор был освящен в 1749 году. Были построены также храмы во имя Покрова Пресвятой Богородицы (1754), во имя Всех Святых над воротами обители (1783) и во имя Сошествия Св. Духа (1815). В 1764 году монастырь стал заштатным. Монастырь закрыт в 1917 году, окончательно ликвидирован в 1921 году, но церковные службы продолжались до 1924 года. В 1919 году на хозяйственной базе монастыря была организована Коммуна «Пчела», которая в течение XX века превратилась в посёлок. Монастырь был возвращён монашествующим в конце 1994 года в разоренном состоянии. Настоятелем был назначен архимандрит Сергей (Булатников). Из четырёх храмов уцелел только один Святодуховский храм, сохранились также развалины Казанского собора, остатки крепостной стены и братских келейных корпусов. Началось восстановление монастыря. В 2001 году над святыми воротами, была возведена церковь Всех святых. В 2012 начато восстановление разрушенного собора.

Пустынь может считаться основоположницей возрождения старчества на Руси. Строитель Площанской пустыни иеромонах Иоасаф (Медведев) в 1746 году ушёл на пустынножителство в брянские леса, с этого начинается история площанского старчества. Его преемник и ученик, иеромонах Пафнутий, управлял обителью с 1746 по 1758 год; он часто навещал учителя, проживая у старца по нескольку дней, и в пустыни ничего не делал без его благословения и совета. Вместе со старцем в пустыни жил иеромонах Серапион, впоследствии в течение 30 лет, с 1777 по 1807 год, бывший настоятелем

Площанской пустыни. В 1818 году в Площанской пустыни переменился настоятель: место доброго и болезненного Павла, уволенного по собственному прошению на покой в калужский архиерейский дом, – занял ученик старца Василия, строитель Белобережской пустыни, иеромонах Серафим (Веденисов). Он привёл с собой около 10 человек братии; переменил бывшее до него в Площанской пустыни знаменное пение на киевское. За время его настоятельства (до 1826 года) в пустыни собралось до 100 человек. В Площанской пустыни короткое время, зимой 1828—1829 годов, были Леонид (Наголкин) и Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский и Черноморский (1857–1961). Затем несколько лет здесь жил Николай Петрович Демутье – бывший флотский капитан, будущий настоятель Малоярославского монастыря (1853—1863), схиархимандрит Никодим.

Тесной была связь Площанской пустыни с Оптиной: в июне 1846 года Площанский игумен, Иоанникий, посещал скит Оптиной пустыни «по своему желанию, для душевной своей нужды», в мае 1849 года в Оптиной был старец иеросхимонах Иосиф, в сентябре 1853 года сюда в Площанскую пустынь заезжал бывший её монах, старец Макарий, – теперь уже скитоначальный Оптиной. В монастыре бывал великий князь Михаил Александрович, который имел рядом, в Брасово, имение. С 1915 года настоятелем, последним до закрытия обители, был Никодим (Спиридонов), а последним площанским старцем стал монах Герман (Шевчук) ([ru.wikipedia.org > wiki/Площанская Богородицкая Казанская пустынь](http://ru.wikipedia.org/wiki/Площанская_Богородицкая_Казанская_пустынь)).

10. Кубанский край. 1915. № 1681-196. 6 сентября.
11. Кубанский казачий вестник. 1915. № 27. 5 июля.
12. Кубанский край. 1915. № 1632-147. 8 июля.
13. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 436. Оп. 1. Д. 554. Л. 392-об.–393.
14. Ф. 396. Оп. 5. Д. 65. Л. 33–35-об.; Д. 66. Л. 170.
15. ГАКК. Ф. 444. Оп. 2. Д. 24. Л. 56.
16. ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 269. Л. 10об.–11.
17. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11111. Л. 2; Ф. 396. Оп. 5. Д. 27. Л. 12, 61об.; Ф. 396. Оп. 5. Д. 27. Л. 118-об.
18. Кубанский казачий вестник. 12.03.1917. № 11.
19. ГАКК Ф. 396. Оп. 1. Д. 11197. Л. 94, 11-об.; Кубанская мысль. № 115-31 от 09.02.1916.
20. ГАКК. Ф. 396. Оп.1. Д. 11173. Л. 104-об.; Ф. 444. Оп. 1. Д. 14. Л. 67–68-об., 141; 237–237об., 302–302-об.; Д. 89. Л. 15; Д. 9. Л. 107, 108; Д. 25. Л. 78; Д. 70. Л. 110–110-об., 164, 264-об.; Оп. 2. Д. 5. Л. 57об., 80, 361.
21. Бичерахов Лазарь Федорович (1882–22.06.1952). Полковник (1917). Генерал-майор Великобритании (09.1918). Окончил 1-е реальное училище в Петербурге и Алексеевское военное училище в

Москве. Участник Первой Мировой войны: в 1-м Горско-Моздокском полку (1914–1915). В Кавказской армии на Иранском фронте — командир Терского казачьего отряда; подъесаул; 1915 — 1918. Отошел (06.1918) к Энзели (ныне Иран), где заключил (27.06.1918) с англичанами (генерал Л. Денстервиль) договор о совместных действиях на Кавказе. Десантировал (01.07.1918) свой отряд в станице Алят (в 35 км от Баку) и объявил о согласии сотрудничать с правительством (СНК) бакинской Коммуны (большевики) и одновременно с правительством Азербайджанской буржуазной Республики (образована 27.05.1918) во главе с мусаватистами. Открыл (30.07.1918) фронт приближающимся к Баку турецким войскам, уведя свой отряд в Дагестан, где захватил Дербент и Петровск-Порт (Махачкалу) при поддержке англичан. Бакинское правительство запросило (01.08.1918) англичан о помощи: англичане высадили 04.08.1918 десант в Баку. Одновременно турецкие войска продолжали наступать на Баку, и туркам штурмом удалось 14.08.1918 овладеть городом. Англичане бежали в Петровск-Порт (ныне Дербент) к Бичерахову, а позже вместе с отрядом Бичерахова вернулись в Энзели (Иран). Тем временем генерал Бичерахов, установив контакт с Деникиным и Колчаком, прочно обосновался (09.1918) со своими войсками в Петровск-Порте. 11.1918 вернулся в Баку вместе со своими войсками, где в 1919 г. англичане расформировали части Бичерахова. Перешел на службу в войска Западно-Каспийского района Дагестана ВСЮР генерала Деникина 02.1919. В 1920 г. эмигрировал в Великобританию. В эмиграции с 1919 г.: Великобритания, Германия (с 1928 г.). Умер в Ульме в Германии. Следует отметить, что партизанский отряд Лазаря Бичерахова оставался и после переворота 1917 года чуть ли не единственной воинской частью, не признавшей переворот и продолжавшей воевать как и прежде, награждая своих бойцов воинскими наградами Императорской России, в том числе и солдатскими Георгиевскими крестами // dic.academic.ru > dic.nsf/bse/69606/Бичераховы.

22. Приказ Главнокомандующего войсками и флотом Кавказа Л. Бичерахова № 324 от 14.12.1918 г.

Г.Н. Шевченко (г. Краснодар, Россия)

Сестры милосердия Кубани в период Первой мировой войны

В России общины сестер милосердия начали открывать в 40-е годы XIX в., а во второй половине XIX в. стало действовать общество международной организации Красного

Креста. В 1879 г. Общество попечения о раненых и больных воинах было переименовано в Российское общество Красного Креста (РОКК).

Кубанская община РОКК «имела своей целью подготовить опытных сестер милосердия для служения больным и раненым в военное время, для командировки в мирное время в военные госпитали, лазареты и гражданские больницы, для ухода в частных домах, для усиления сельского врачебного персонала в случаях эпидемических болезней» [1]. В сестры милосердия принимали женщин от 18 до 40 лет, здоровых, умеющих читать и писать. Срок обучения составлял полтора года. Прием проводился по постановлениям попечительского совета.

Кубанское местное управление Российского общества Красного Креста и созданную при нем Кубанскую общину сестер милосердия с 1 декабря 1893 г. возглавляла супруга атамана Я.Д. Малама – Елизавета Ивановна Малама.

В 1897 г. атаманом становится М.П. Бабыч, и работу Председательницы Екатеринодарского отделения РОКК и Кубанской общины сестер милосердия с июня 1909 г. стала выполнять его супруга – Софья Иосифовна Бабыч. В течение 9 лет она руководила этой гуманитарной общественной организацией. При ней на территории Войсковой больницы было построено новое кирпичное здание для нужд Кубанской общины сестер милосердия, где был устроен лазарет.

В 1916 г. при больнице Красного Креста была построена водолечебница для раненых рядовых казаков и офицеров. Посетивший в 1914 г. Екатеринодар и лазарет Император Николай II дал высокую оценку работе Кубанской общины сестер милосердия. Действительно, в этом лазарете ни один раненый, отравленный на фронте газами, не погиб и вышел здоровым.

С.И. Бабыч получила от Государя большую серебряную медаль для ношения на Владимирской ленте и от Императрицы Марии Федоровны знак отличия Красного Креста и золотую медаль «За заботу о больных и раненых воинах».

6 июня 1916 г. «За труды по обществу Красного Креста при обстоятельствах военного времени» Высочайше пожалованы награды: сестре-настоятельнице Кубанской общины Дарье Денишевой – золотая шейная медаль на Андреевской ленте, товарищу попечительницы Кубанской общины, жене

генерал-майора – Вере Лебедевой, членам Попечительского совета: жене генерал-майора – Любви Глинской, жене есаула – Александре Майгур и Зинаиде Дон-Дудиной – золотая нагрудная медаль [2].

В период Первой мировой войны сестры милосердия Кубани самоотверженно трудились, помогая раненым.

Сохранился список членов Кубанской общины сестер милосердия за 1915 г. [3]. В нем значатся имена и фамилии как руководства, так и рядовых членов. Попечительница общины – супруга генерал-лейтенанта София Иосифовна Бабыч, товарищ попечительницы – супруга генерал-майора Вера Ивановна Лебедева, главный врач общины, Действительный статский советник Григорий Владимирович Лях, сестра-настоятельница Дария Владимировна Денишова-Долгова, делопроизводитель, Титулярный советник Дмитрий Дмитриевич Кучеров. Сестры милосердия, числящиеся как запасные военного времени: Алейникова Иулария, Александропуло Парфена Одисеевна, Алексеева Елена, Алексеева Феодосия, Алтунина Александра Ивановна, Андрусяченко Анна Ивановна, Аркашина София Савельевна, Асмаева Каяна Михайловна, Бабыч Валентина Васильевна, Байкова Мария Митрофановна, Валюрина Варвара, Беделова Розалия Ивановна, Бойчевская Любовь Михайловна, Бондаренко Анна (штатная), Борзик Неонила Филипповна, Якшина Анастасия.

О деятельности сестер милосердия на фронтах Первой мировой войны известно довольно мало, поскольку большинство событий войны описано после ее окончания, и для воспоминаний о сестрах времени отпущено не было из-за начавшейся революции.

Попытаемся обобщить существующий материал по теме и назвать имена сестер милосердия Кубани, отличившихся на фронтах Первой мировой войны. В России к 1915 г. существовало 115 общин, находившихся в ведении общества Красного Креста. В 1916 г. по официальным данным на фронт было отправлено 17436 сестер милосердия, которые обслуживали более двух тысяч полевых и тыловых учреждений Красного Креста: 71 госпиталь, рассчитанный на 44600 человек, этапные подвижные лазареты, 11 санитарных поездов, передовые отряды, санитарные транспорты, питательные и перевязочные пункты, дезинфекционные камеры, рентгеновские и летучие хирургиче-

ческие отряды, два плавучих госпиталя на Черном море, три бактериологические лаборатории, шесть полевых складов.

Средствами передвижения для нестационарных учреждений служили около 10 тысяч лошадей и 800 автомобилей [4].

Сестры милосердия Черноморской губернии и Кубанской области самоотверженно служили на фронтах Первой мировой войны. Истинное мужество проявили А.Ф. Стрига и И.И. Катерно, которые с августа 1914 г. по ноябрь 1915 г. оказали медицинскую помощь свыше 12 тысячам раненых [5]. Первым Георгиевским кавалером среди женщин-медсестер Северо-Западного фронта в Первую мировую войну стала кубанская казачка Матвеева. Будучи сестрой милосердия Елизаветинского госпиталя, она только за бой вынесла с поля сражения около 30 раненых [6].

Женщины Черноморской губернии шли на фронт добровольцами. Одна из дочерей управляющего виноградарским имением И.П. Кулешевича в Широкой балке Станислава Стефановича Бялицкого – Вероника – на фронт ушла добровольцем. В 1916 г. она погибла в Галиции при обстреле с немецкого самолета [7].

В 1914 г. на Юго-Западном фронте в кавалерийских частях прославилась девятнадцатилетняя казачка Александра Ефимовна Лагерева. Под именем разведчика-урядника Лагер она героически сражалась с немцами, за что получила Георгиевский крест 4-й степени. Второй Георгиевский крест ей был вручен за участие в кавалерийской атаке у Тарнова, где она в ходе сражения была ранена в руку [8].

Кубанская казачка Елена Чоба (1888 – 1918) служила сиделкой в станице Роговской в приемном покое. В начале Первой мировой войны, после того, как в действующую армию был призван ее муж, она снарядилась на фронт за свой счет и 11 октября 1914 г. с воинским эшелоном под именем Михаил отправилась на фронт с разрешения Начальника Кубанской области генерал-лейтенанта М.П. Бабыча. Она храбро сражалась. В Карпатах за спасение двух батарей и группы российских солдат была награждена Георгиевским крестом. Была ранена, за мужество и героизм была награждена еще двумя Георгиевскими крестами (3-й и 4-й степени) и тремя медалями. Погибла в Станице Роговской во время Гражданской войны [9].

Этот список имен женщин-сестер милосердия Кубани, сражавшихся на фронтах Первой мировой войны и проявивших мужество и героизм, следует продолжить, изучая материалы центральных и местных архивов.

Примечания

1. Кубанский календарь на 1899 г. / *Под ред. А.С. Собриевского*. Екатеринодар, 1899. С.165.
2. Кубанские областные ведомости. 1916. 13 июля; Екатеринодар-Краснодар. 1793–1993. Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 374.
3. Список Кубанской общины сестер милосердия Красного Креста найден ученицей Абинской МБОУ СОШ № 12 Дубиной Александрой.
4. *Постернак А.В.* Очерки по истории общин сестер милосердия // www.Krotov.info/lib-sec/16/p/pos/ternak.htm.
5. *Оспищева Л.Е.* История благотворительных организаций на Кубани конец XIX – начало XX века): опыт изучения. Майкоп, 2003. С.99.
6. *Тончу Е.* Общественные организации и общественное движение на Кубани // Настольная книга женщины. Женщины Кубани. СПб., 1998. С. 114.
7. *Шубникова Т.Н.* Фотографии из семейного альбома // Исторические записки. Исследования и материалы. Новороссийск, 2003. Вып. 4. С.276.
8. *Бардадым В.П.* Ратная доблесть кубанцев. Краснодар, 1993. С.129–134.
9. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 г. Краснодар, 1997. С.530–531.

В.И. Шкуро (г. Краснодар, Россия)

Кубанские офицеры – Георгиевские кавалеры

Сто лет назад началась Великая война, которая позже получила название Первой мировой. Россия не была ее зачинщиком, ей эту войну просто навязали. Кубанские казаки, принимавшие участие во всех войнах России с конца XVIII века, были мобилизованы и воевали на всех театрах военных действий, воевали с честью и достоинством. Но установившаяся в России власть объявила их врагами, защитниками и прислужниками старого режима.

Учитывая, что о Первой мировой войне будут говорить еще четыре года и пик интереса придется на 1918 год, автор посчитал своим долгом напомнить о подвигах кубанских офицеров и офицеров русской армии на территории Кубанской области до начала этой Великой войны.

До установления советской власти в России особо отличившееся в сражениях офицеры по постановлению Георгиевских Кавалерских Дум и утверждения этих постановлений Императором получали так называемые «награды храбрых», «награды героев» или «статутные награды», а именно, ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия четырех степеней или Георгиевское оружие – золотое для обер- и штаб-офицеров и золотое, украшенное бриллиантами для генералов и адмиралов.

Кавалеры ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия

Первыми из кубанцев (черноморцев) кавалерами ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV класса 12 декабря 1788 года стали полковник Антон Андреевич Головатый, командовавший пешими черноморцами, и бригадир Захарий Алексеевич Чепега – конными.

Первый в штормовую ноябрьскую ночь с казаками, посаженными на лодки Черноморской гребной флотилии, взял штурмом турецкую крепость Березань, расположенную на одноименном острове в Черном море.

Захарий Алексеевич Чепега отличился под турецкой крепостью Гаджибей. Темной ночью он с казаками сжег все запасы сена защитников крепости, которые хранились под стенами Гаджибея. Сейчас на месте этой турецкой крепости располагается «красавица Одесса». Кстати, при основании Одессы, в числе 1000 семей первопоселенцев было 600 семей черноморцев (бывших запорожцев), и городу была передана часть судов Черноморской войсковой флотилии. З.А Чепега во время Русско-турецкой войны (1787–1791 гг.) удостоился ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия III класса «во уважение на усердную службу и отличную храбрость, оказанную при взятии приступом города и крепости Измаила и с истреблением бывшей там турецкой армии, командуя (8-й) колонной».

Вторая Русско-турецкая война шла не только на Дунае, но и на Кубани – на землях, обещанных Григорием Александровичем Потемкиным-Таврическим черноморским казакам для поселения. Здесь были свои герои. Так, 21 января 1791 года Император подписал постановление Георгиевской Кавалерской Думы о награждении орденом Св. Георгия II класса генерал-майора Ивана Ивановича Германа: «Во уважение на ревностную службу, искусство и храбрость, с каковыми он, командуя вверенным ему отрядом атаковал и совершенно разбил на Кубани (40-тысячную) армию турецкую под предводительством Сераскира (паши) Батал-Бея, взял и самого его в плен». На месте сражения казаки основали станицу с названием Баталпашинская, которая до 1920 года была административным центром Баталпашинского отдела Кубанской области.

После переселения черноморских казаков в 1792–1793 гг. на Кубань для охраны государственной границы перед ними стояла нелегкая задача, как по обустройству южных рубежей, так и налаживанию нормальной мирной жизни в этих заросших терном и держи-деревом пустынных краях. Выполнение обеих задач проходило в тяжелых условиях: все трудоспособное мужское население находилось на пограничных караулах, и хозяйственное обустройство ложилось на плечи женщин, стариков и детей. К этому стоит добавить, что после вхождения Крымского ханства в состав Российской империи горцы Кавказа остались единственными поставщиками молодых женщин и детей на невольничьи рынки Ближнего Востока. Борьба на границе была бескомпромиссной. В наше время кубанские казаки отмечают подвиг у Ольгинского кордона на реке Кубани казаков под командою полковника Тиховского 18 января 1810 года. А через 8 дней в тех же краях горцам удалось прорваться к Мышастовскому куреню, который был на месте нынешней станицы Новомышастовской. Только благодаря героическим усилиям казаков под командою Петра Григорьевича Бурноса курень удалось уберечь от разорения, а его жителей от увода в «полон». 17 марта 1810 года был подписан Высочайший указ о награждении полковника Бурноса П.Г. орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV класса.

Это было в разгар очередной Русско-турецкой войны (1806–1812 гг.). Черноморские казаки снова были востребо-

ваны на Дунайском театре военных действий. Командовал казаками войсковой старшина Матвеев Григорий Кондратович. Казаки снова высаживали десанты, но теперь с кораблей Дунайской военной флотилии. Что касается Г.К. Матвеева, то он участвовал во время предыдущей войны в захвате Березани, штурме Очакова, Измаила и других турецких крепостей. В этот раз он отличился под Рущуком и Силистрией, за что 3 апреля 1811 года был удостоен ордена Св. Георгия IV класса.

В ночь с 13 на 14 июня 1812 года непобедимая армия Наполеона начала форсирование реки Неман и вторглась на территорию России. Из наших земляков первыми встретили врага гвардейцы Черноморской казачьей сотни Лейб-Гвардии казачьего полка, охранявшего русско-прусскую границу. Боевое крещение гвардейцы-черноморцы приняли 14 июня под городком Троки. Казаки постоянно принимали участие в стычках и сражениях во время отступления до Москвы и Тарутина и в обратном освободительном походе на русскую землю и в заграничном походе 1813–1814 гг., закончили свой боевой путь в Париже. Особенно был памятен их подвиг в битве народов под Лейпцигом. За сражением с высокого холма наблюдал Император Александр I и пять союзных ему европейских Государей. Был момент, когда французская кавалерия прорвала ряды союзников и направилась в их сторону. Лейб-гвардии Казачий полк, находившийся в резерве за холмом, вплавь форсировал канал и наискось врубился в ряды кавалерии противника, дав возможность войскам перегруппироваться и ликвидировать опасность. За боевые отличия в этом бою командир Черноморской казачьей сотни полковник Бурсак Афанасий Федорович 17 сентября 1814 года был награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV класса. Командир же Лейб-гвардии Казачьего полка генерал-майор Иван Ефремович Ефремов, донской казак, такой же орден III класса получил в год подвига – 23 декабря 1813 года.

Следующая Русско-турецкая война проходила в 1828–1829 гг. сразу на трех театрах: Дунайском, Закавказском и на Кубани, где стояла задача овладеть турецкой крепостью Анапа. Наказный атаман Черноморского казачьего войска генерал-майор Алексей Данилович Безкровный привел под стены

крепости два конных, два пеших полка и артиллерийскую батарею. 2 мая 1828 года к нему присоединились отряд регулярной армии в составе семи рот Таманского гарнизонного Маненбургского пехотных полков и четыре орудия. С моря осаждавших крепость поддерживала Черноморская эскадра, прибывшая из Севастополя. 12 июня крепость Анапа была взята и теперь уже окончательно вошла в состав России. Как ни удивительно, на этот раз на оформление наградных документов, доставку их Георгиевскую Кавалерскую Думу, рассмотрение там и передачу их в Императорскую канцелярию прошло меньше трех недель. 1 июля 1828 года Император Александр I подписал Высочайший приказ о награждении Безкровного А.Д. орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия IV класса. А вот генерал-адъютант, контр-адмирал князь Меншиков Александр Сергеевич, руководивший всей операцией, был награжден таким же орденом III класса же 15 июля.

Следующим серьезным испытанием для Российской империи стала Восточная или Крымская война (1853–1856 гг.), развязанная против нашего Отечества Англией, Францией, Турцией и присоединившимся к ним Сардинским королевством. Попытки высадки десантов с моря эти государства принимали на Севере, на Балтике, на Камчатке и во Владивостоке, но неудачно. Только в Крыму им сопутствовала удача. Союзникам удалось высадиться на сушу, продвинуться с боями к Севастополю. Русские сами потопили Черноморский флот, чтобы воспрепятствовать заходу неприятельских кораблей в севастопольскую бухту. Пока Керчь находилась в руках русских, в Крым были переправлены 2-й, 4-й, 5-й, 6-й, 8-й и 9-й пешие батальоны, снятые с пограничного дежурства, и Сводный Черноморский конный полк, которые вошли в состав Феодосийского отряда. 5 сентября 1854 года командиры 2-го и 8-го пеших батальонов получили приказ пешим порядком выступить в Севастополь и 10 сентября по прибытию вошли в состав его гарнизона. В своем рапорте командир 2-го батальона подполковник Венедикт Васильевич Головинский сообщал и.д. Наказного атамана Черноморского казачьего войска генерал-майору Кухаренко Я.Г., что «по поступлению в город занял 4-й бастион оборонительной линии Севастополя, состоял в непосредственном начальстве Г. Вице-Адмирала Новосельского, где и по настоящее время

находимся». Наказный атаман Кухаренко Я.Г., со времени неприятеля в Крыму находившийся в Тамани объявил в приказе по Кубанскому казачьему войску 5 декабря 1854 года: «Согласно с мнением Кавалерской Думы военного ордена Святого Георгия, Его Светлость князь Меншиков назначил командующему тем (2-м) баталионом подполковнику Головинскому орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени за отличное мужество и храбрость, оказанное им при вылазке с 491-м человеком охотников противу англо-французской батареи и траншеи 29 ноября в ночь, где неприятель был отбит и под сильным его огнем взяты мортиры, пленные и огнестрельное оружие». Интересно, что среди охотников были не только казаки, но и солдаты и матросы флотских экипажей.

Следует подчеркнуть, что несмотря на неудачную для России Крымскую войну, 2-й и 8-й Черноморские пешие батальоны по итогам этой войны были награждены Георгиевскими знаменами.

Военные действия шли и на Восточном берегу Черного моря. По Адрианопольскому миру с Турцией 2 сентября 1829 года крепость Анапа, побережье моря до земель абхазов с прилегающими землями отошли к России. Чтобы прекратить работорговлю, по берегу моря была устроена система укреплений, а вдоль берега курсировали военные суда. Здесь раньше Севастополя начались боевые столкновения. И раньше В.В. Головинского 26 декабря 1853 года за усиленную оборону Гостагаевского укрепления капитан Черноморского линейного батальона Франц Павлович Вояковский получил орден Святого Георгия 4-й степени. Ему тогда было 38 лет. Он происходил из дворян Гродненской губернии. С 9 мая 1839 года служил на Черноморской береговой линии в этом батальоне. И уже 17 июня 1839 года был награжден Георгиевским крестом по № 73916 за отличия в районе нынешнего города Сочи. В самом конце августа 1840 года за повторный подвиг, достойный Георгиевского креста, Ф.П. Вояковскому было назначено двойное жалование на этот крест. В 1847 году награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». По окончании Крымской войны служил в Крымском пехотном полку. 24 февраля 1862 года был награжден орденом Святой Анны 2-й степени с мечами.

На Кавказском театре военных действий сводными сотнями Кавказского линейного казачьего войска командовал полковник Скобелев Дмитрий Иванович. За боевое отличие в одном из ключевых сражений под Кюрюк-Дере он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Он считал, что в этом заслуга не столько его, сколько казаков. Высочайший приказ о награждении был подписан 28 декабря 1854 года. Через 10 лет генерал-майор Скобелев Д.И. с одобрения Императора передал Кавказскому начальству 6 тысяч рублей серебром с тем условием, что на проценты от капитала ежегодно приобретать лошадь и обмундирования для самого бедного новобранца в Кубанском и Терском казачьих войсках

26 декабря 1892 года газета «Кубанские областные ведомости» напечатала заметку-объявление такого содержания: «Областное правление объявляет во всеобщее сведение, что по произведенному в присутствии сего правления 4-го сего декабря тиражу на получение пособия с процентов на капитал Генерал-лейтенанта Скобелева по сроку 1892 года счастливый жребий пал на казака ст. Сенгилеевской, Лабинского отдела, Василия Уварова (120 рублей).

... Остальным шести казачьим семействам, представленным к участию в тираже на получение упомянутым процентам, ввиду их крайней бедности, назначено пособие из войскового капитала на каждое семейство по 30 рублей». Цифра 7 на громадную Кубанскую область, включавшую в себя нынешнее Адыгею, Карачаево-Черкессию и часть Ставропольского края, тоже не впечатляет. Что касается Василия Уварова, то ему было 78 лет, был он слепой, имел несовершеннолетних детей: Анну 13 лет, Марфу 12 лет, Агриппину 9 лет, Евдокию 7 лет, Ефросинию 4 лет и жену Устинью 45 лет.

28 ноября 1855 года за отличия также на Кавказском театре против турок войсковой старшина Демидовский Николай Михайлович, командовавший 2-м Сборно-Линейным полком, был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Ему тогда было 36 лет. Происходил из дворян Черниговской губернии, в казачьих частях с 5 апреля 1847 года. По возвращении с войны командовал 3-м Лабинским полком, переименованным 4 мая 1858 года в 1-й Урупский полк. В запас ушел 13 января 1872 года с должности командующего 6-й бригадой Кубанского казачьего войска в чине генерал-майора.

Хотя Крымская война закончилась в 1856 году, побережье Черного моря приходилось очищать от противника и по ее окончании. 13 сентября 1857 года последовал Высочайший приказ о награждении майора Крымского пехотного полка Федора Степановича Левашева орденом Святого Георгия 4-й степени «За отличное мужество и распорядительность, оказанные им при высадке 21-го июня 1857 года отряда войск наших близ укрепления Геленджик и за взятие неприятельских укреплений с шестью орудиями».

Родился Ф.С. Левашев в 1822 году в семье дворян Богодуховского уезда Харьковской губернии. «Переведен по собственному желанию в Черноморский линейный батальон № 4 1846 года Генваря 24».

За боевые отличия 21 сентября 1857 года был награжден командир роты Крымского пехотного полка майор Дмитрий Афанасьевич Маняти. Родился он в 1833 году в семье дворян Таврической губернии. «Переведен по собственному желанию в Черноморский линейный № 3 баталион 1844 года...».

Высочайшим приказом 2 февраля 1859 года орденом Святого Георгия 4-й степени был награжден состоящий при Главнокомандующем Кавказскою армиею поручик Сергей Алексеевич Шереметьев, охотником принявшей участие в бою в составе Лейб-гренадерского Эриванского полка. Родился он 24 марта 1837 года в семье дворян Московской губернии. 11 июля 1861 года переведен в Кубанское казачье войско, где командовал 2-м Кубанским казачьим, а потом 13-м Конным полками. С 1882 года – Наказный атаман Кубанского казачьего войска. 21 июля 1888 года начальник канцелярии Главной Квартиры Императора уведомил Командира Собственного Его Императорского Величества конвоя Шереметева С.А., что «Высочайше разрешено зачислить Вас с семейством в войсковое сословие Кубанского казачьего войска по станице Прочноокопской...».

12 апреля 1864 года Император Александр II подписал приказ о награждении командира 75-го пехотного Севастопольского полка генерал-майора Василия Александровича Геймана орденом Святого Георгия 3-й степени «в воздаяние отличной храбрости и примерной распорядительности, оказанной в деле с убыхами 18 марта между (реками) Псезуапсе и Шахе и при занятии всего морского берега до реки Сочи».

15 июня 1864 года подписан приказ о награждении орденом Святого Георгия 2-й степени Наказного атамана Кубанского казачьего войска и Начальника Кубанской области, генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, графа Николая Ивановича Евдокимова «за покорение Западного Кавказа».

12 апреля 1877 года началась очередная Русско-Турецкая война. На Кавказе боевые действия открылись в день объявления войны, на Балканах – в середине июня. В Дунайской армии воевали 2-й Кубанский казачий конный полк, две сотни 7-го пластунского батальона и две кубанские сотни Собственного Его Императорского Величества конвоя, их в Кавказском действующем корпусе – 25 конных полков, 12 пластунских батальонов и 6 Кубанских казачьих конно-артиллерийских батарей.

27 февраля 1873 года последовал Высочайший приказ о награждении полковника штаба Дунайской армии Александра Казимировича Пузыревского орденом Святого Георгия 4-й степени за отличия в боях с турками под Плевной, Горным Дубняком, при переходе через Балканы, в походах на Филипполь и Адрианополь. Родился он в семье армейского полковника. С 1881 года заведовал кафедрой истории военного искусства Академии Генерального штаба. С 1890 года начальник штаба Варшавского военного округа. 11 сентября 1899 года в приказе по Кубанскому казачьему войску было объявлено: «Начальник Штаба Варшавского военного округа генерал-лейтенант Пузыревский, с Высочайшего соизволения, воспоследовавшего 25 июля сего года, зачисляется с семейством в войсковое сословие Кубанского казачьего войска, по станице Отрадной Баталпашинского отдела». Умер 10 мая 1904 года в Варшаве.

На Азиатском театре военных действий принимал участие командир 5-й Кубанской казачьей батареи Александр Фридрихович (Федорович) фон Петерс. 20 сентября 1877 года за боевые отличия при штурме высоты Большие Ягны он был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Командир 1-го Кубанского пластунского батальона Петр Андрианович Козелков орденом Святого Георгия 4-й степени был награжден 12 апреля 1878 года за боевые отличия при штурме самой мощной турецкой крепости Карс. 22 декабря 1877 года П.А. Козелков был назначен командиром 152-го

пехотного Владикавказского полка. Родился он в 1830 году в семье дворян, проживавших в городе Анапа. Службу начал 22 июля 1848 года. Он и его два брата за службу были пожалованы земельными участками в 30 десятин каждый в верховьях реки Малая Лаба.

24 января 1881 года командир 74-го пехотного Ставропольского полка полковник Петр Андрианович Козелков был удостоен ордена Святого Георги 3-й степени «В воздаяние отличного мужества, храбрости и распорядительности, оказанных в деле с текинцами (туркменами) при взятии 12 января 1881 года укрепленного Геок-Тепе». Умер в 1888 году.

27 октября 1877 года орден Святого Георгия 3-й степени был пожалован начальнику Черноморского округа Кубанской области генерал-майору Борису Мартыновичу (Бегбуту Мартиросовичу) Шелковникову «в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных при выполнении возложенного поручения в деле с турками 20 сентября и 3 октября при разбитии армии Мухтар-паши, где командовал одной из штурмующих колонн». Орденом Святого Георгия 4-й степени он был награжден 13 июля 1864 года в чине штабс-капитана. 20 января 1878 года из захваченных у турок Баязетского и Эрзерумского санджаков была образована Эрзерумская область, населенная в основном армянами, и первым ее военным губернатором был назначен Б.М. Шелковников. Умер 10 февраля 1878 года. Имел земельный участок между станцией Лабинской и аулом Ходзь.

24 марта 1880 года был подписан приказ о награждении командира 1-го Уманского полка полковника Шипшева Темирхана Актоловича за подвиг, совершенный тремя годами раньше, 24 июля 1877 года во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Родился он в 1830 году. Уроженец Терской области. Воспитывался во 2-м кадетском корпусе. Службу начал в 1847 году. В том же году, 14 августа, стал офицером. В 1887 году генерал-майор Шипшев Г.А. уже не служил.

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР... согласно удостоению Кавалерской Думы ордена Святого Георгия, в 23 день мая (1877 года) Всемилоостивейше соизволил пожаловать Командиру 4-й батареи Кубанской конно-артиллерийской бригады Полковнику Яцкевичу орден Святого Георгия 4-й степени за подвиги, оказанные в делах с турецким десантом и возму-

тившимися абхазами 13 и 15 июня, 10 июля, 18 и 19 августа 1877 года». Родился он 15 ноября 1839 года в дворянской семье в Витебской губернии. 20 июня 1858 года по окончании Константиновского кадетского корпуса выпущен сотником в Черноморскую конно-артиллерийскую бригаду. Казак Усть-Лабинской станицы.

20 декабря 1880 года сотник 1-го Лабинского полка Иван Никитич Алейников «За отличие в деле с текинцами при падении их на наш верблюжий транспорт 25 ноября 1880 года близ колодца Ушек награжден орденом Святого Георгия 4-й степени». Родился он 27 августа 1849 года в семье потомственных дворян в станице Бекешевской Баталпашинского отдела.

16 апреля 1881 года орден Святого Георгия 4-й степени пожалован командиру 1-го Полтавского полка Давиду Константиновичу Эристову «за отличие, оказанное 23 декабря 1880 года в деле с текинцами близ крепости Денгиль-тепе». Родился он 2 июня 1843 года в Тифлисской губернии в княжеской семье. В списке офицеров полка уточняется, что он получил «Орден Святого Георгия 4-й степени за то, что единолично отстоял от текинцев смертельно раненого генерала Петрусевича и вынес его труп из поля боя 23 декабря при рекогносцировке окрестностей крепости Геок-Тепе...».

Славный подвиг совершил хорунжий 1-го Таманского полка из станицы Раевской Дмитрий Васильевич Стеценко. В справочной книге А.Л. Гизетти, изданной в 1901 году в Тифлисе, в описании подвига сказано: «...Хорунжий Стеценко вызвался охотником проехать от Кизил-Арвата через всю Туркменскую степь до Хивинского ханства с тем, чтобы исследовать путь, предложенный для движения Туркменского отряда и служить отряду этому колонновожатым.

Стеценко выполнил это полезное и опасное предприятие с полным успехом. Из Кизил-Арвата он выехал 4-го ноября; после нескольких трудных переходов, сопряженных с большими опасностями и лишениями, он 9-го ноября неожиданно при окончании своего пути встретил роту 13-го Туркестанского линейного батальона и только благодаря этому обстоятельству не погиб от жажды и голодной смерти, добравшись благополучно до колодцев Чарышлы, где расположена была часть Сарыкамышского отряда. Отряд этот прикрывал

экспедицию генерал-майора Глуховского для исследования высохшего русла Узбоя, прибыв 18-го ноября к Туркестанскому отряду полковника Куропаткина, хорунжий Стеценко с этого дня служил колонновожатым вплоть до укрепления Бами, чем обеспечил достижение этим отрядом Ахал-Текинского оазиса. Произведенная им маршрутная в первый его путь от Кизил-Арвата до колодца Чагыл оказалось, по заявлению Куропаткина, оказалась точною.

Временно командующий в Закаспийском крае генерал-адъютант Скобелев, донося Его Императорскому Высочеству главнокомандующему Кавказскою армиею ходатайствовал о награде его орденом Святого Георгия 4-й степени на основании пункта 15 Статута сего ордена, в коем сказано: «Кто назвавшись в охотники на опасное и полезное предприятие совершит оное с полным успехом» и т.д.

Сообщая в гор. Тифлис местная Георгиевская Кавалерская Дума по обсуждении вышеизложенного, применяясь к 15-му пункта Статута, признала хорунжего Стеценко заслуживающим награждения орденом Святого Георгия 4-й степени».

Скобелев – это сын Д.И. Скобелева, знаменитый «белый» генерал Михаил Дмитриевич Скобелев. На Балканах, командуя Сводной Казачьей дивизией, он 22 сентября 1877 года награждал Георгиевским крестом под № 44805 портупей-юнкера 2-го Кубанского казачьего полка Стеценко и, мог его запомнить. Он подписывал и представление о производстве в хорунжие. Дмитрий Васильевич Стеценко сделал успешную военную карьеру в своем войске, командовал 1-м Уманским и 1-м Черноморским полками, а Высочайшим приказом 20 января 1903 года назначен командиром Волгского казачьего полка Терского казачьего войска.

Интересная биография и у казака Абинской станицы Павла Ивановича Мищенко. Родился он 22 января 1853 года. Боевое крещение получил в Хивинском походе. Участвовал в Китайской походе 1900–1901 гг., в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Был наказным атаманом Донского казачьего войска. Во время Великой войны 1914–1918 гг. командовал XXXI армейским корпусом. Погиб в Дагестане в 1918 году. 22 декабря 1900 года полковник Охранной стражи Китайско-Восточной же-

лезной дороги Мищенко был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

Во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. на Дальнем Востоке побывало много кубанских офицеров, как в составе своих воинских частей, так и командуя казачьими частями и дивизиями других казачьих войск России.

25 февраля 1908 года «ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, по удостоении Кавалерской Думы Военного ордена Святого Георгия, Всемиловейше соизволил пожаловать орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени командиру 8-м Кубанским пластунским батальоном Александру Критскому – за отличные подвиги, выказанные им при рекогносцировке укрепленных деревень Тутай-цзы и Хейгоутай, причем, с 11 по 12 января 1905 года, ведя колонну обследованным им путем, первым взойдя на укрепление, занял дер. Тутай-цзы и отбил все контратаки».

12 января он повел колонну в обход позиции у сел. Хейгоутай. Решительной атакой «содействовал занятию этой необычно сильной позиции и полному нашему в этом деле успеху». Родился он 30 августа 1863 года. 14 октября 1900 г. назначен Атаманом Лабинского отдела. По данным краеведа С.Н. Ктиторова, Критский умер в 1908 году. В Армавире сохранилась его могила.

Легендарной личностью был уроженец Екатеринодара, сын сотника Черноморского казачьего войска Василий Федорович Белый. За свою долгую службу Отечеству он обеспечивал защиту многих российских приморских крепостей. Венцом его трудов в этой области было участие в строительстве и вооружении артиллерией Порт-Артура. Там еще и началась Русско-японская война 1904–1905 гг. При капитуляции крепости было оговорено, что все офицеры, дав японцам подписку, что они больше не будут воевать против самураев, могут свободно уехать в Россию. Только офицеры-артиллеристы отказались давать такую подписку и вместе с пленными солдатами были вывезены в Японию. Они считали, что совесть им не позволяет оставить солдат на чужбине одних в малознакомой азиатской стране. В плену они были с 20 декабря 1904 года по 16 ноября 1905 года и вернулись со своими солдатами. Когда он был в плену уже четыре месяца, Император Николай II подписал приказ 22 марта 1905 года о на-

граждении В.Ф. Белого высшей воинской наградой России. «За отличие в делах против японцев при отбитии штурмом Порт-Артура в октябре месяце и с 7 по 19 декабря 1904 года Всемилоостивейше награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени» – записано в его послужном списке.

Под статью ему были и сыновья. Старший сын Леонид Васильевич Белый – командир 1-й батареи 4-го Сибирского мортирного дивизиона 29 марта 1906 года также был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Младший сын Олег Васильевич Белый – поручик Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады 3 февраля 1915 года был награжден Георгиевским оружием. Средний сын, Вячеслав Васильевич Белый, у которого при крушении поезда в мирное время были переломаны обе ноги, служил на нестроевых должностях в Собственном Его Императорского Величества конвое. Весной 1918 года в составе Кубанского гвардейского дивизиона вернулся на Кубань и здесь продолжил службу.

В этом кратком обзоре перечислены не все кавалеры ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, родившиеся на Кубани, служившие в казачьих частях и в частях регулярной армии или совершившие подвиг на территории Кубанской области. Но и этого достаточно, чтобы иметь представление о них и тех событиях, в которых они участвовали.

Следует напомнить, что Чепега З.А. пришел на Кубань будучи казаком Кисляковского куреня, Головатый А.А. – Васюринского, Бурнос П.Г. – Крыловского, Матвеев Г.К. – Васюринского, Бурсак А.Ф. – Платнировского, Безкровный А.Д. был казаком Щербиновского куреня, Головинский В.В. – Дядьковского куреня.

Кавалеры Георгиевского оружия

Восточным славянам судьбой было назначено жить у границ Великой стены или Дикого поля и первыми встречать выходящие оттуда дикие орды жестоких и безжалостных кочевников. В такой обстановке сложилась традиция награждать лучших защитников Отечества лучшими образцами современного оружия. С учреждением специального Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия награждения почетным оружием продолжались,

но порядок награждения и сама процедура постепенно менялись. Так, 28 сентября 1807 года в именном указе в адрес Капитулы Российских орденов (статья 22636) велено было: «Жалованными Нами и предками Нашими за военные подвиги Генералитету, Штаб и Обер-Офицерам золотые с надписями шпаги с алмазными украшениями и без оных, яко памятник к тем подвигам уважения причисляется к прочим знакам отличия; для чего и повелеваем всех тех, коим такие золотые шпаги донныне пожалованы и пожалованы будут, внести и вносить в общий с Кавалерами Российских орденов список». С середины 30-х годов XIX века справочные книжки с именами Георгиевских кавалеров стали состоять из двух разделов: в первом разделе в хронологическом порядке перечислялись кавалеры ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, а во втором – кавалеры Золотого оружия.

15 января 1850 года в приказе по отдельному Кавказскому корпусу было объявлено, что «Государь Император Высочайше повелеть соизволил:

1. Золотые сабли, полусабли, палаши, шпаги, и шашки с надписью «За храбрость» в случае Всемилоостивейшего пожалования оных, выдавать Капитулу Российских Императорских и Царских орденов по новым образцам, по коим употребляется это оружие ныне в Войсках, с тем однако, чтобы гривки эфесов были: на саблях, палашах, полусаблях и шашках вместо обтянутых лаковой кожей – золотые, пехотные же золотые шпаги оставить в прежнем виде».

Последнее такое переутверждение произошло 10 августа 1913 года, и называлась: «Об утверждении Статута Императорского Военного Ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, принадлежащего к сему ордену Георгиевского Креста и причисленных к тому же Ордену Георгиевского Оружия и Георгиевской медали».

На кубанской земле первыми кавалерами Георгиевского оружия были уже известные нам военачальники. По информации военного историка Смирнова А.А. сообщается, что 30 июня 1791 года в кошевой стан черноморских казаков были доставлены царские подарки: Большое белое знамя, серебряные трубы, золотые блюдо и солонка и золотая сабля, украшенная алмазами, которыми Императрица Екатерина Великая наградила кошевого атамана Чепегу З.А. за боевые

подвиги в 1790 году. Он же сообщает, что Головатый А.А. получил лично из рук Императрицы за морские победы над турками в Черном море Золотую саблю и орден Святого равноапостольного князя Владимира III класса.

Другой военный историк Шишов А.В. сообщает, что «В послужном списке казачьего офицера (Безкровного А.Д.) значились: сражение под Смоленском и битва на Бородинском поле. А в славный день Бородино два взвода Черноморской сотни гвардейских казаков обрушились в лихой атаке на неприятельскую батарею, которая вела картечный огонь. Часть орудийной прислуги балы изрублена, другая часть обращена в бегство. За этот подвиг ротмистр Алексей Безкровный был награжден Золотым Оружием с надписью «За храбрость». Интересно, что будучи генерал-майором и Наказным атаманом Черноморского казачьего войска за отличия в районе Анапы Алексей Данилович Безкровный удостоился Золотой шашки бриллиантами украшенной. Произошло это 17 сентября 1829 года.

Хочется назвать несколько фамилий совсем забытых героев. В послужном списке есаула 2-го конного полка Тимофея Игнатьевича Загинайко из Медведовского куреня есть такая запись:

«1820 года февраля 1 находился в отражении черкес, вторгнувшихся было в 3-ю часть пограничного караула в больших силах и напавших на Полтавское селение, где при сильном сражении были опрокинуты и обращены в бегство с большим для них уроном. И за оказанную в сем сражении храбрость и мужественные подвиги Всемилоостивейше пожалован Золотою Саблею с надписью «За храбрость». Было ему тогда 39 лет. Имел офицерский чин сотника. С 1826 по 1832 года охранял границу с Пруссией на территории царства Польского. С 1836 года служил в крепости Анапа, в 1838 году участвовал в постройке в устье Туапсе укрепления Вельяминовского. Женат был на дочери шляхтича Елизавете. От двух браков имел пять сыновей.

В формулярном списке полковника Григория Михайловича Ляшенко подобная запись: «1823 года октября 12 с частью казаков вверенного ему полка, став неустрашимо противу толпы неприятеля, гораздо превосходной в силе, стремительно на новопоселяемое селение Елисаветинское,

остановил оную ружейным огнем, дав время приспеть другим войскам и тем предохранено селение от разорения, за что Всемилоостивейше пожалован Государем Императором Золотоу Саблею с надписью «За храбрость». На Кубань он прибыл с Васюринским куренем. Войска Наполеона встретил в первый день вторжения французов в Россию, так как состоял с Черноморской сотней в составе Лейб-Гвардии Казачьего полка на охране границы с Пруссией. Дошел до Парижа. По возвращении в Черноморию по выбору дворянства служил непременно членом в Черноморской войсковой канцелярии. Имел сына Иосифа. После возвращения на Кубань проживал в Екатеринодаре.

Весной 1826 года началась 2-я Русско-персидская война, в которой принимали участие и черноморские казаки. В послужном списке сотника 4-го Черноморского конного полка Петра Ивановича Бирюка, принимавшего участие во взятии города Тавриза на территории Персии, конец похода описан так: «Выступление из гор. Миранды к Тавризу и занятии онаго 13 числа того же октября (1827 года) где, за оказанную храбрость Всемилоостивейше пожалован Золотоу саблею с надписью «За храбрость». В марте месяце 1828 года черноморцы в составе Русской армии перешли границу с Турцией, участвовали в штурме крепости Карс и других сражениях, а 16 января 1829 года вернулись в Грузию. В 1833 году П.И. Бирюк был произведен в есаулы, а в посемейном списке жителей г. Екатеринодара, составленном 5 апреля 1835 года, числится вдова умершего есаула Петра Бирюка – Александра Дмитриевна с двумя детьми.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. проходила не только за Кавказом, но и на Дунае. Там за отличия при взятии турецкой крепости Силистрия 19 сентября 1829 года были награждены золотыми саблями с надписью «За храбрость» есаул Тимофей Матвеевич Завгородний из станицы Сергиевской и подполковник Андрей Иванович Залесский, проживавший в Екатеринодаре.

Старший адъютант Отдельного Кавказского корпуса войсковой старшина Черноморского казачьего войска Яков Семенович Магеровский: из формулярного списка, составленного 16 декабря 1832 года, видно, что ему 32 года. Из казаков Шкуринского куреня. Сын священника. В службе с 10 июня

1810 года. Награжден персидским орденом Льва и Солнца 3-й степени, украшенный камнями. И запись в формулярном списке: «5 числа июля (1827 года) за Араксом при Джаван-Булаке в действительном сражении против персиян, предводительствуемых принцем Абас-Мирзою, при разбитии и преследовании оных и за отличии в сем деле Всемилоостивейше награжден орденом Святой Анны 4-й степени ...».

За отличие при взятии штурмом крепости Эривань 10 октября 1827 года награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. За отличие при взятии штурмом турецкой крепости Карс 23 июня 1828 года награжден орденом Святой Анны 3-й степени с бантом, а за отличие при разбитии главных сил Эрзерумского сераксира удостоен Золотой сабли с надписью «За храбрость». 27 сентября того же года за взятие штурмом города Байбуртом награжден орденом Святой Анны 2-й степени. Награды при штурме крепостей можно объяснить тем, что он был артиллеристом, а вот награждение довольно высоким персидским орденом остается загадкой.

Есаул 10-го Черноморского конного полка Влас Григорьевич Калюжный из казаков Нововеличковского куреня, проживавший в Екатеринодаре, воевал с турками в 1828–1829 гг. Золотую саблю с надписью «За храбрость» получил 27 августа 1831 года за отличие при штурме г. Варнавы.

Интересна биография войскового старшины (на момент награждения) Федора Ивановича Даниленко. Родился он в 1796 году в городе Тамани, в семье дворянина Ивана Петровича Даниленко. Все начиналось обыденно. 1 мая 1812 года зачислен в Черноморскую войсковую канцелярию «к письменным делам». Через пять лет переведен в 11-й конный полк. Служил на Кубанской пограничной линии, а с 1819–1832 года на границе с Пруссией. В 1826 году в сражении с горцами был ранен и взят в плен.

В том же году отправился на войну с персами, участвовал во взятии Эривани и за боевые отличия произведен в урядники.

В 1828–1829 гг. там же, в Закавказье, воевал с турками и за храбрость и мужество награжден первым офицерским чином хорунжего. В 1842 году служил на Восточном берегу Черного моря. Есаул 1-го конного полка Даниленко Ф.И. с началом Крымской войны (1853–1856 гг.) был прикомандиро-

ван 14 апреля 1854 года к 7-му конному полку, входившему в состав Таманского отряда, созданного для защиты Таманского полуострова.

5 ноября 1854 года небольшая команда пластунов, сформированная из казаков 4-го, 5-го, 6-го и 9-го Черноморских пеших батальонов вошла в состав 4-го отделения оборонительной линии Севастополя. Действия пластунов этой команды, как и казаков 2-го и 8-го пеших батальонов, вскоре стали обрастать легендами. В официальных документах их деяния звучат прозаично: «... 24 ноября (Даниленко) был на вылазке с 10 человеками пластунов на Сапун-горе, где захватил в плен англичан 6 человек... 7 декабря там же при обходе линии с 17 человек пластунов встречена была неприятельская партия, до 100 человек зуавов и французов, намеревавшихся захватить наш секрет, которая им отбита... 10 марта находился с командою пластунов в деле с неприятелем при отбитии неприятельских траншей против Камчатского укрепления и за отличие в сем деле назначена ему 22 мая Главнокомандующим армиею генерал-лейтенантом князем Горчаковым Золотая шашка с надписью «За Храбрость», каковое назначение (Высочайше) утверждено 22 июня...»

Ещё одна трагическая и героическая история, случившаяся с кубанскими казаками чуть более ста лет назад. Об этом мы узнаем из приказа Наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанта Михаила Павловича Бабыча:

«Российский императорский Генеральный консул в (иранском) Азербайджане препроводил мне копию сношения его от 3 января 1912 года за № 21 Начальнику 1-й Кавказский казачьей дивизии следующего содержания:

«Кровавые события в Тавризе 8-15 декабря 1911 года показали высокие качества чинов, состоящего при вверенном мне Императорском Генеральном консульстве казачьего конвоя во главе с их храбрым, решительным и хладнокровным командиром подъесаулом 1-го Уманского полка Федоренко.

Нелегкая задача выпала на долю молодцов-казаков в эти памятные дни. Им пришлось охранять от фидаев помимо здания Генерального Консульства еще три пункта: приемный покой в Управлении Тавризской дороги, конюшню с лошадьми конвоя и дом Секретарей Генерального консульства. Упомянутые пункты отделены от Генерального Консульства

узкими, извилистыми, обстреливаемыми из стенных бойниц и с крыш улицами.

Казаки 1-го Уманского и 1-го Кубанского полков, руководимые твердою рукою своего бесстрашно-смелого командира подъесаула Федоренко, соперничали друг с другом в подвигах, беззаветной храбрости и преданности Царю и Отечеству.

В первый же день предательского одновременного нападения свыше трех тысяч фидаев на наш отряд и Генеральное консульство, четыре казака вызвались охотниками для доставления в Генеральное консульство раненых гренадер-мингрельцев. Из четырех героев вернулись только двое: 1-го Кубанского полка Юрьев и Уваров, последний с тяжелою ранюю в правую руку, а двое других казаки 1-го Уманского полка Белик и Прилипа пали героями. Озверелые фанатики сожгли их тела. Память об этих героях не умрет! Имена воинов Стефана Белика из станицы Уманской и Демьяна Прилипы из станицы Павловской вечно будут поминаться на панихидах в церкви Генерального консульства 8-го декабря.

Превосходные силы фидаев разобшили Генеральное Консульство от места расположения нашего малочисленного отряда в Баги-Шемале, откуда до Генерального Консульства три версты по узким улицам и базарам, обстреливаемых с крыш и проделанных в стенах бойниц.

Генеральное Консульство обстреливалось сильнейшим огнем с крыш окрестных домов, занятых фидаями. Один из четырех гренадер-мингрельцев, посланных на помощь казакам в дом секретарей, был убит наповал. В этот дом нельзя было доставить людям пищу. Несмотря на сильнейший огонь и отсутствие сна молодцы казаки конвоя сохраняли не только бодрость духа, но даже шутили, сшибая меткими выстрелами, перебежавших по крышам фидаев. Вместе со своим командиром ходили в первый день нападения вылазки, отгоняя фидаев из ближайших к Генеральному Консульству улиц.

Во время одной из вылазок подъесаул Федоренко убил фидайского предводителя.

1-й Уманский и 1-й Кубанский полки могут смело гордиться доблестью их героев-казаков, поддержавших славу своих полков и славного Кубанского войска. Служащий в Генеральном Консульстве, состоящий на льготе приказный 1-го Кубан-

ского полка Петр Кудинов, не отставал от своих товарищей и с винтовкою в руках был среди них, отбивая атаки фидаев.

Одновременно с сим представляю особо отличившихся чинов конвоя к наградам.

Подъесаулу 1-го Уманского полка Федоренко я поручил заведывание обороной всего консульского района. Эту трудную задачу он выполнил блестяще, служа своим подчиненным примером бесстрашной отваги, хладнокровного мужества и распорядительности. В критические моменты 8, 9 и 10 декабря подъесаул Федоренко со своей винтовкой в руках поспевал повсюду, спокойно и хладнокровно распоряжаясь. Лишь благодаря этому действительно выдающемуся по своим боевым качествам офицеру Генеральное Консульство, отрезанное от нашего малочисленного отряда, сумело отбиться от значительно превосходящих своею численностью фидаев.

О вышеизложенном имею честь сообщить на зависящее распоряжение. Подъесаул Федоренко представлен мною к награждению орденом Святого Георгия 4-й степени. Подлинный подписал а. Миллер».

За этот подвиг Высочайшим приказом 16 февраля 1913 года подъесаул 1-го Уманского бригадира Головатого полка Николай Алексеевич Федоренко награжден Георгиевским оружием.

Н.А. Федоренко родился 4 декабря 1874 года в семье дворян, в г. Тамань. Окончил Ейское реальное училище и Ставропольское казачье юнкерское училище. 16 июня 1904 года Высочайшим приказом переведен в отправляющийся на Дальний Восток Терско-Кубанский конно-иррегулярный полк. В короткий срок за боевые отличия награжден орденами Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, 2-й степени с мечами; Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», 3-й степени с мечами и бантом, 2-й степени с мечами.

Во время Великой войны 1914–1918 гг. служил во 2-м Уманском полку. Командуя Корниловским полком Кубанского казачьего войска, был убит в бою под станицей Михайловской 13 сентября 1918 года. Похоронен на Всесвятском кладбище города Екатеринодара.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Фонды 250, 252, 254, 260, 261, 318, 396, 436, 438, 443, 670.
2. *Гизетти А.Л.* Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаках, отличия Кавказских войск. Тифлис, 1901. 461 с.
3. *Дискант Ю.В.* Порт-Артур. 1904. М., 2002, 368 с.
4. *Ильяшенко-Магай Ю.Ю.* России крест Кавказский. Иллюстрированная историческая хроника в 4-х томах. М., 2007. 512 с.
5. *Куликов А.С., Рунов В.А.* Все Кавказские войны России. Самая полная энциклопедия. М., 2013. 608 с.
6. *Левицкий Н.А., Быков П.Д.* Русско-японская война. 1904 – 1905. СПб., 2003. 672 с.
7. *Матвеев О.В., Фролов Б.Е.* Страницы военной истории Кубанского казачества. Краснодар, 2007. 388 с.
8. *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 гг. СПб., 2003. 608 с.
9. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. XVIII. Ст. 13387. СПб., 1830. С. 1021-1024; Т. XXII. Ст. 17917. СПб., 1830. С. 591; Т. XXII. Ст. 22638. СПб., 1830. С. 1295.
10. *Португальский Р.М., Рунов В.А.* Военная элита Российской империи. 1700-1917. Энциклопедический справочник. М., 2009. 640 с.
11. Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1854–1855, 1877–1879, 1904–1908, 1912 гг. (ГАКК, Библиотека).
12. *Скрицкий Н.В.* Крымская война. 1853-1856 годы. М., 2006. 416 с.
13. *Смирнов А.А.* Морская история казачества. М., 2005. 288 с.
14. Собрание узаконений и распоряжений Правительства 1913 года, Отдел I, II полугодие. СПб., 1913. Ст. 1752, С. 3947.
15. *Тарле Е.В.* Крымская война. М., 2005. Т. 1. 606 с; Т. 2. 720 с.
16. *Шабанов В.М.* Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. М., 2004. 928 с.
17. *Шацилло В.К., Шацилло Л.А.* Русско-японская война. 1904-1905. М., 2004. 470 с.
18. *Шишов А.В.* Двуглавый орел над Кавказом. 1804-2008 гг. М., 2009. 448 с.
19. *Шишов А.В.* Кавалеры ордена Святого Георгия. М., 2004. 416 с.
20. *Широкопад А.Б.* Русско-турецкие войны 1676-1918 гг. М., 2000. 448 с.
21. *Янчевецкий Д.Г.* 1900. Русские штурмуют Пекин. М., 2008. 640 с.

Изменения в форменной одежде кубанских казаков в ходе Первой мировой войны

Мировая катастрофа, разразившаяся летом 1914 г. и продолжавшаяся четыре года, втянула в ожесточенную вооруженную борьбу свыше полутора миллиардов человек. На полях сражений бились невиданные ранее многомиллионные армии. Всего за период Первой мировой войны было мобилизовано свыше 70 млн. человек [1].

Кубанское казачье войско с началом Первой мировой войны выставило на театр военных действий 33 конных полка, 18 пластунских батальонов, 5 конных батарей, 32 особых конных сотни и 2 сотни Варшавского дивизиона. Всего около 48 451 чел. [2]. Всего же в сражениях Первой мировой войны, по подсчетам Ю.Г. Бузуна, участвовало 106 тыс. 115 кубанских казаков [3].

Отправляясь в «военный поход», казаки обязаны были иметь обмундирование, снаряжение и вооружение согласно особым спискам, объявленным в приказах по военному ведомству в 1885 г. № 199, в 1892 г. № 305 и в 1895 г. № 125 [4].

Это было по крайней мере странно, так как еще русско-японская война 1904–905 гг. вскрыла значительное число недостатков в одежде и снаряжении кубанских казаков. При подготовке к походу на Дальний Восток возникло немало разногласий по поводу необходимости и достоинств той или иной одежды. Согласно приказа 1895 г. № 125 казаки заготовили две рубахи, двое сподников, портянки холщевые, черкеску с погонами, летний и ватный бешметы, летние и зимние шаровары, сапоги, чевяки с ноговицами, башлык, бурку и др. Приказом по войску 1904 г. № 195 были добавлены фуфайка, теплые носки, полушубок и вторая черкеска [5].

Пока казаки собирались в поход Русская армия уже накопила горький опыт современной войны. В октябре 1904 г. командующий 2-й Маньчжурской армией издал приказ о замене ряда предметов обмундирования и снаряжения. Его следствием явилось распоряжение штаба Кавказского военного округа о снаряжении пеших казаков гимнастерками серого или защитного цвета. Но времени уже не осталось. В

поход казаки отправились в своей уставной одежде, не отвечавшей, как было всем ясно, условиям войны.

Первые бои с японцами быстро заставили казаков заменить черкески гимнастическими рубашками. Их приобретали на деньги, «отпущенные от казны», за счет хозяйственных сумм казачьих частей, покупали на личные средства. О масштабах этой замены можно судить по тому факту, что на осеннем смотре 1906 г. пластунских батальонов, возвратившихся из Маньчжурии, был обнаружен «огромный недостаток» предметов форменного обмундирования и снаряжения, доходивший до 42% [6].

Комиссия, созданная в Кубанском казачьем войске 25 октября 1906 г. для изучения опыта войны, признала непригодными в условиях современной войны почти все предметы казачьего обмундирования, исключая шаровары и башлык [7]. Члены комиссии внесли немало дельных предложений, а вместо черкески разработали специальный костюм, названный «чекменем». Но чем дальше в прошлое отодвигалась война и чем выше по инстанциям продвигалось дело, тем меньше оставалось принципиальных изменений, предложенных участниками войны. В «Таблицах предметов, которые казак обязан иметь при себе в военно-походное время», опубликованных в 1913 г., мы не встречаем ничего нового [8]. Грянувшая через год Первая мировая война, вновь все расставила по своим местам.

Самое первое известное нам изменение в форменной одежде датируется 3 ноября 1914 г. В приказе Начальнику Эриванского отряда предписывалось: «Дабы противник, пользуясь отличием обмундирования нижних чинов и офицеров специально не выбивал последних Главнокомандующий приказал принять меры к устранению в форме офицеров всех отличий от нижних чинов, как-то металлических погон, плечевых ремней, шашек в пехоте с заменой ее ружьем» [9].

27 июля 1915 г. последовал приказ атамана Кубанского казачьего войска: «1. Все казаки, последующих, со времени получения этого приказа, команд пополнений, отправляемых в строевые части, обязательно имели бы серые черкески, папахи серые, бурые, рыжие или других защитных цветов.

2. Бешметы иметь из материи защитного цвета, отнюдь не допускать черного или цветов ярких, далеко заметных. Помимо бешметов допускается иметь рубашки, но также из защитного цвета материи.

3. В виду скорого наступления осеннего, холодного времени, все последующие... укомплектования высылаются снабженными полушубками: укороченными для пластунов.

5. ... ношение фуражек, взамен папах, безусловно воспрещаю»[10].

Более кардинальные изменения (не ограничивавшиеся введением малозаметных цветов для одежды) последовали в приказе по военному ведомству № 561 от 18 октября 1915 г. [11]. В нем сообщалось о Высочайшем соизволении от 10 октября по «упрощению и изменению казачьего походного обмундирования и снаряжения». Для всех казачьих войск разрешалось кроить папахи из серого искусственного барашка без отличий из приборного сукна. На летнее время кавказским казакам отпускались защитные фуражки с наружным подбродным ремнем по образцу кавалерийских и артиллерийских.

Кавказским казачьим войскам отпускалось на черкески защитное сукно, а на бешметы защитный молескин или тонкие шерстяные материи защитного или серого цвета. На летнее время кавказским казакам отпускались гимнастерки пехотного образца. На артиллерию и пехоту кавказских войск распространялась выдача шинелей по образцу кавалерийских, без металлических пуговиц по борту, без цветных клапанов и погон; пуговицы для погон и хлястика защитные или оксидированные. Шаровары также по типу кавалерийских, серо-синего, синего, черно-серого или черного сукна.

Погоны разрешались пристежные защитного цвета, без выпушек, проклейки и приборного сукна. Для отличия полков в тех войсках, где полагался только номер, предписывалось «кроме номера» иметь начальную букву войск. Для отличия отдельных сотен кроме номера и литеры названия войска полагалась малая литера «с».

Следует заметить, что перемены в обмундировании проходили гораздо быстрее в казачьих частях Западного фронта, нежели Кавказского. Участник Первой мировой войны Ф. И. Елисеев так описывал встречу с переброшенной с Восточноевропейского театра военных действий на Кавказ «знаменной» Кавказской кавалерийской дивизией генерала Шарпантье, в состав которой входил 1-й Хоперский полк Кубанского войска: «все казаки в однообразных черных небольших папахах безо всякого «залом» их. Все — в защитного цвета гимнастерках, которых наша бригада не имеет» [12].

Если проанализировать процесс замены черкесок гимнастерками по родам войск, то безусловное лидерство принадлежало пластунам, находившимся всегда на переднем крае и ежедневно рисковавшим жизнью. В кубанских периодических изданиях, особенно в «Кубанском казачьем вестнике» за 1916 г., постоянно упоминаются пластуны, одетые в летние гимнастерки.

В конных частях в силу условий военного быта и особенностей тактического использования переобмундирование проходило гораздо медленнее. По данным Г.Л. Воскобойникова к исходу 1916 г. боевая работа русской кавалерии выглядела так: 50 % всей конницы сидело в окопах, 7 % – выполняла задачу охраны и разведки, а 43 % – находились в резерве [13]. Так вот, если конный полк спешили и бросали в окопы, то казаки охотно начинали носить не только гимнастерки, но и солдатские ботинки, белые маскировочные халаты и другие предметы пехотной экипировки [14].

Изготовлением предметов обмундирования и снаряжения казаков (помимо выдаваемых от казны) занимались войсковая мастерская, военно-ремесленные школы и мастерские при полках и батальонах. Приказом Кубанскому войску 15 июля 1916 г. № 479 была объявлена ведомость заготовительным ценам, которыми должно руководствоваться войсковое начальство в случае отправки казаков в действующую армию [15]. Приведем несколько выписок из этой ведомости: шаровары или брюки обыкновенные – 4 руб., папаха рыжая или серая – 5,50, черкеска всedневная с погонами – 8,50, бешмет зимний защитный – 8,50, бешмет летний защитный – 6,00, гимнастическая рубаха защитного цвета – 4,00.

В декабре 1916 г. в Екатеринодаре состоялось межведомственное совещание по выработке заготовительных цен на предметы обмундирования, которое пришло к выводу, что цены на азиатское и фабричное сукно, на сукно защитного цвета, настолько высоки, что приобретение черкесок становится крайне обременительным и даже невозможным. Совещание высказало пожелание, чтобы на время войны, установленная для казаков черкеска была заменена рубахой, в зимнее время из сукна, в летнее – из более легкой материи защитного цвета [16].

Атаман Кубанского войска, всецело разделяя это пожелание вошел с представлением к Августейшему Наказному атаману. 3 января 1917 г. заведующий интендантской частью штаба Кав-

казской армии телефонограммой сообщил о разрешении главнокомандующего. 14 января атаман Бабыч издал приказ Кубанскому казачьему войску № 22, где в частности говорилось: «...заменить черкеску рубахой с нашивкой карманов вместо газырей, для помещения трех-четырех обойм с каждой стороны и при кинжале с поясом». Войсковой штаб дал распоряжение о рассылке в запасные конные и пешие сотни по одному образцу рубахи.

16 января о разрешении главнокомандующего было сообщено войскам 6-го Кавказского корпуса [17]. Этот приказ помогает нам сделать маленькое уточнение: в разрешении главнокомандующего речь шла о казаках Кавказских войск, а не только о кубанских.

Казаки учитывали опыт войны. Вскоре после февральской революции кубанцы принимают ряд решений, направленных на изменение своей форменной одежды. Полковой офицерско-казачий комитет 2-го Уманского полка, рассматривая, поставленный перед казачьими частями вопрос «О замене черкесок рубахами и упразднении кинжалов», заявил: «В военное время и в мирное на маневрах и в лагерях, для казачьих частей установить рубаху, летнюю и зимнюю и плащ» [18]. Черкеска, как казачий костюм, по мнению уманцев должна была сохраниться.

19 апреля 1917 г. на заседании Рады был принят «Проект военной службы казаков», в котором по интересующему нас вопросу говорилось следующее: «Черкеску заменить рубахой — летней и зимней. Бурку заменить венцерадой, плащом или шинелью. Кинжал в коннице и пехоте отменить» [19].

В августе 1917 г. на заседании членов Кубанского казачьего круга принимается такая резолюция: «Обмундирование и снаряжение должно быть упрощено на основании опыта настоящей войны, но парадная форма и бурка сохраняются» [20].

Таким образом, необходимость замены в военное время черкесок гимнастерками ни у кого уже не вызывала сомнений. Споры шли о целесообразности и полезности бурки. Вопрос о замене бурки шинелью поднимались еще в 1897 г. [21]. Тогда большая часть строевых командиров Кубанского войска высказалась против. Комиссия, изучавшая опыт русско-японской войны, признала бурку «не только непригодной, но и обременительной». Она тяжела, громоздка, намокнув — долго парит. Попад в мокрой в мороз (а высушить бурку

очень трудно), – превращается в лубок, который невозможно скатать. Очень трудно было идти в бурке против ветра.

Категорический поворот в пользу шинели пеших казачьих частей произошел уже в годы Гражданской войны. К примеру, в апреле 1919 г. начальник 3-й Кубанской пластунской бригады заявил главному начальнику снабжения Добровольческой армии, что обмундирование всей бригады должно состоять из «гимнастеров, шаровар и шинели, так как шубы и кожухи – это очаг вшей и заразы сыпного тифа» [22].

Подводя итоги, мы можем констатировать, что форменная казачья одежда оказалась неудобной и непрактичной в условиях боевых действий Первой мировой войны. С особой остротой это проявлялось в пеших батальонах. Указанные недостатки возникли не вдруг, ни сразу. Они всегда были, о них знали и с ними мирились, пока казак нес, в основном, сторожевую службу на кордонных линиях. Правда и во второй половине XIX в. неоднократно поступали предложения об упрощении формы, изменении ряда конструктивных деталей одежды; поднимались вопросы о несении службы в ситцевых бешметах, фуражках и т.п.

В основе этих претензий к одежде казака лежали, прежде всего, причины климатического и экономического характера. Крупные кровопролитные войны начала XX в. выдвинули на первый план причины боевой целесообразности, показав неуместность казачьей формы на поле боя. Изготовление черкесок и бешметов из защитного сукна явилось временной, паллиативной мерой. Требовалась форма, адаптированная к условиям позиционной войны.

Принятие правительством, а затем самой Кубанской Радой решения о замене некоторых видов казачьей одежды армейскими образцами, явилось вполне обоснованным и логически оправданным. Пришло время замены архаичных образцов современными.

Примечания

1. *Строков А.А.* История военного искусства. М., 1967. С. 153.
2. *Бурмагин А.Г., Бузун Ю.Г.* Кубанское казачество на рубеже веков (1860–1917). Краснодар, 2010. С. 331.
3. *Бузун Ю.Г.* На фронтах Первой мировой войны // История кубанского казачества / под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2013. С. 200.

4. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края) Ф. 396. Оп. 1. Д. 7370. Л. 2.
5. ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 3272. Л. 5.
6. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9232. Л. 334.
7. Подробнее об этом см.: *Фролов Б.Е.* К вопросу о функциональности казачьей форменной одежды в условиях позиционных войн начала XX в. // *Фольклорно-этнографические исследования этнических культур Краснодарского края.* Краснодар, 1995.
8. *Гаденко К.П.* Описание формы обмундирования и снаряжения казаков Кубанского и Терского казачьих войск. Ст. Уманская, 1913. С. 54, 60.
9. ГАКК. Ф. 435. Оп. 1. Д. 8. Л. 117.
10. ГАКК. СИФ. Приказы Кубанскому казачьему войску за 1915 г. Приказ № 498.
11. Там же. Приложение к приказу войску 1915 г. № 926.
12. *Елисеев Ф.И.* Казаки на Кавказском фронте. 1914-1917. М., 2001. С. 115.
13. *Воскобойников Г.Л.* Казачество в Первой мировой войне 1914-1918 гг. М., 1994. С. 96.
14. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 27.
15. ГАКК. СИФ. Приказы Кубанскому казачьему войску 1916 г.
16. ГАКК. СИФ. Приказы Кубанскому казачьему войску 1917 г.
17. ГАКК. Ф. 444. Оп. 2. Д. 20. Л. 6.
18. ГАКК. Ф. 438. Оп. 2. Д. 5. (без нумерации листов).
19. КГИАМЗ (Краснодарский историко-археологический музей-заповедник). КМ-5215/1259. ПИК – 1398.
20. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 25. Л. 34.
21. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7162. Л. 21.
22. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 176. Л.1.

Р.М. Абрамян (г. Москва, Россия)

Военная династия князей Аргутинских-Долгоруких

Одним из результатов процесса инкорпорации армянских привилегированных родов в сословную структуру Российской империи явилось возникновения целого ряда военных династий на русской службе. Из таких семей, как Абамелеки, Бебутовы, Тумановы, Мелик-Шахназаровы, Калантаровы, Коргановы, Лорис-Меликовы, Пирумовы, Долухановы, Мадатовы и многие другие вышли десятки офицеров Императорской армии.

В распоряжении автора имеется информация о 27 офицерах-князьях Аргутинских-Долгоруких, что дает основание для причисления этой фамилии к армянской военной династии на русской службе.

Фамильные предания, зафиксированные, в том числе, в Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи, приписывали князьям Аргутинским-Долгоруким исключительную древность, связывая их происхождение с феодальными домами Захарянов (Мхаргрдзели) и Пахлавуни, а через них с царскими династиями Аршакидов и Ахеменидов [1].

Данная версия, будучи официально признана Герольдией Правительствующего Сената, попала во многие дореволюционные генеалогические справочники и современные исследования [2, 3, 4]. Следует отметить, что еще в XIX в. высказывались сомнения в достоверности указанной версии [5, 6].

Наиболее ранние сведения по интересующему вопросу содержатся в документах и эпиграфике Санаинского монастыря. Аргутяны (двойная фамилия появилась только в конце XVIII – начале XIX вв.) на протяжении XV – XVIII вв. являлись наследственными епископами этой прославленной обители. В одной из записей монастырского синодика о епископе Саргисе (1646 – 1681) сказано, что «до него из рода Аргуты наследовали семь епископов, он восьмой паронтер¹, занявший сей высокий престол».

В многочисленных документах XV – XVII вв. епископы Санаина и их родственники часто подчеркивают свое проис-

¹ Возникновение армянских феодальных династий объединявших в своих руках светскую и духовную власть происходило, по мнению историков, следующим образом. На протяжении XIV – XVI вв. в процессе репрессий в отношении местной аристократии со стороны иноземных завоевателей, было почти полностью ликвидировано крупное землевладение армянских светских феодалов. Источники сохранили многочисленные свидетельства захвата и конфискаций владений старых родов, насильственного обращения в ислам и физического истребления их потомков. В стремлении сохранить свои владения феодалы передавали родовые земли в дар армянской церкви, наделенной некоторым иммунитетом и привилегиями. При этом должность настоятеля соответствующего монастыря наследовалась потомками дарителей. Так многие монастыри, начиная уже с XIV в., превратились в наследственные владения и находились в руках духовных лиц, происходивших из отдельных феодальных домов. Главы подобных владений носили титул паронтер, указывающий на духовный и светский характер их власти.

хождение из «дома великого Аргуты», однако ничего не сообщают о его родовой принадлежности. В этой связи интерес представляет надпись на стенах обители, согласно которой сын парона Васака архиепископ Барсег (1475 – 1496) являлся «внуком внука» парона Аргуты [7]. Следовательно, предок будущих князей Аргутинских-Долгоруких жил в начале XIV в.

В одной из записей Синодика сообщается о войнах, которые вели Аргутяны с тюркским племенем казахов, захватившим крепость Лори в XVII в. В нескольких сражениях Аргутянам удалось отбить нападения кочевников и даже пленить их вождя – Махмат-пашу. В годы правления Шах-Аббаса, ставшие шахисеванами казахи возобновили свои попытки захватить Санаин. Узнав об этом, шах приказал переселить беспокойное племя и пожаловал Аргутянам 10 деревень [8].

Ситуация в регионе еще более осложнилась в период противоборства двух претендентов на престол Картли – Абдулла-бека и будущего царя Ираклия II в середине XVIII в. По словам современника и очевидца событий Папуны Орбелиани: *«Выходило лекское [дагестанское войско, пришедшее на помощь Абдулла-беку. – Р.А.] войско из Самшвилде, грабило Сомхитское ущелье и [добытое] приносило в крепость Самшвилде. Сомхитское ущелье впало в отчаяние, [население] дольше не было в состоянии оставаться в своей стране. Снялись с места Сомхитский мелик со своими родичами и крепостными, а также Аргутинцы, все Санаинское ущелье и ущелье Ахпата, пришли в город (Тбилиси), а из города сообща отправились в Мухрани. Владелец Мухрани Константин предоставил им место и поселил в своей стране. Во всей Сомхити, кроме Болниси и Самцеврисы, нигде больше не оставалось населения»* [9].

Возвышение рода связано с именем архиепископа «всех обитающих в России армян», впоследствии католикоса, Иосифа (Овсепа) Аргутинского-Долгорукого (1743 – 1801), одного из выдающихся армянских патриотов XVIII в., деятельность которого надолго определила характер и динамику русско-армянских связей. С его именем связано переселение армян в Россию, основание многочисленных армянских поселений на юге страны, проекты будущего политического устройства Армении, основание армянских церквей и типографии в России. Во время войн, которые вела Россия на Кавказе, именно он способство-

вал привлечению армян под русские знамена. Велика его роль и в деле сближения армянской и православной церковей.

28 августа 1783 г. грузинским царем Ираклием II был выдан ситель (грамота) о тавадском (княжеском) титуле Аргутинских [10]. А грамотой императора Павла I от 22 марта 1800 г. архиепископ Иосиф Шиошевич и братья его: 1) Моисей с сыном минбаши Захарием и внуком Моисеем и 2) Бежан с детьми, минбаши Соломоном (с сыном Шиошем), ротмистром Василием, минбаши Давидом и Николаем, Аргутинские-Долгорукие подтверждены в княжеском достоинстве Грузинского царства и возведены, с их нисходящим потомством, в княжеское Российской империи достоинство [11].

Пожалуй, это был наиболее многочисленный армянский княжеский род в России². Социальный статус, а также материальное положение его представителей было различным. Наряду с крупными землевладельцами, чиновниками, общественными деятелями и офицерами царской армии были и рядовые служащие, люди свободных профессий, учителя, занимавшие порой весьма скромные позиции в обществе.

Среди представителей рода достигших определенных высот на гражданском поприще следует упомянуть городских голов Тифлиса князей Николая Васильевича и Александра Михайловича Аргутинских-Долгоруких. Причем, первый из них избирался на эту должность трижды.

Из лиц духовного звания упомянем архиепископа Стефана Аргутинского, бывшего наместником епархиального начальника Эриванской епархии в 1847 г.

Одним из видных деятелей партии Дашнакцутюн являлся Овсеп (Ишхан) Аргутян.

Также следует упомянуть известного на Кавказе педагога, более 40 лет отдавшего своему любимому делу, княгиню Софью Васильевну Аргутинскую-Долгорукую.

Касаясь традиции военного служения в роду Аргутинских-Долгоруких, следует отметить, что на протяжении XIX начала XX вв. из этого рода вышло 27 офицеров Император-

² 10 семей Аргутинских-Долгоруких были внесены в Высочайше утвержденный посемейный список княжеским родам Грузии (1850 г.). 27 семей той же фамилии были утверждены в княжеском достоинстве Высочайшим повелением в 1873 г., а еще 21 семья сопричислена к роду определениями Сената 1856-1880 гг.

ской армии, в том числе 1 генерал-лейтенант, 2 генерал-майора и 6 полковников. В основном, Аргутинские служили в частях Кавказской армии. Однако, им пришлось сражаться в Турции, Средней Азии, Венгрии, на Балканах и даже в далекой Японии. Наиболее известным представителем военной династии является «Самурский лев» князь Моисей Захарович Аргутинский-Долгорукий [12].

По имеющимся данным, в Первой мировой войне участвовали следующие офицеры из рода Аргутинских-Долгоруких.

Князь Василий Николаевич (19.12.1876 г.р.), из потомственных дворян Тифлисской губернии. Вероисповедания армяно-григорианского. Окончил курс в Тифлисском кадетском корпусе и 3-м военном Александровском училище по 2 разряду.

В службу вступил юнкером рядового звания на правах вольноопределяющегося 2 разряда в 3-е военное Александровское училище – 1 сентября 1896 г. Произведён в унтер-офицеры – 18 января 1898 г. По окончании училища по 2 разряду произведён в подпоручики в 129-й пехотный Бессарабский полк – 8 августа 1898 г.

Определён на службу в 1-й Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска с переименованием в хорунжие – 16 ноября 1914 г. (старшинство в чине с 3 ноября 1914 г.). Прибыл в полк и назначен младшим офицером во 2-ю сотню – 10 декабря 1914 г. За отличие в делах против неприятеля награждён орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом – 24 апреля 1915 г. За отличие в делах с неприятелем в период с 1 декабря 1914 г. по 1 июня 1915 г. награждён орденом Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом – 24 июня 1915 г.

Прикомандирован к штабу 1-й Забайкальской казачьей бригады на должность офицера-ординарца – 21 сентября 1915 г. За отличие в делах против неприятеля награждён орденом Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» – 28 декабря 1915 г. За отличие в делах против неприятеля награждён орденом Св. Станислава 2 ст. с мечами – 17 марта 1916 г. Произведён в: сотники – 7 апреля 1916 г.; подъесаулы – 23 мая 1916 г.

Эвакуирован по болезни в тыл армии – 13 июля 1916 г. Возвратился в 1-й Верхнеудинский казачий полк и назначен младшим офицером в 4-ю сотню – 21 октября 1916 г.

Командирован в распоряжение командира Забайкальского запасного казачьего дивизиона – 28 марта 1917 г. За отличие в делах против неприятеля с 1 апреля 1916 г. по 1 января 1917 г.

награждён орденом Св. Анны 2 ст. с мечами – 1 мая 1917 г. Переведён на нестроевую должность в условиях мирного времени – 20 ноября 1917 г. Сдал 1-ю сотню – 3 декабря 1917 г.

Прикомандирован к войсковому штабу Забайкальского казачьего войска – 7 января 1918 г. Откомандирован к войсковому правлению Забайкальского казачьего войска – 7 сентября 1918 г.

Наказаниям и взысканиям по службе не подвергался.

В походах и делах против австро-германцев с 10 декабря 1914 г. Контужен в бою у дер. Облинь [13].

Князь Георгий Васильевич (29.07.1865 г.р.), из дворян Тифлисской губернии. Вероисповедания армяно-григорианского. Окончил курс в Тифлисском кадетском корпусе и 2-м военном Константиновском училище по 1 разряду.

В службу вступил юнкером рядового звания во 2-е военное Константиновское училище – 1 сентября 1884 г. Произведён в унтер-офицеры – 8 сентября 1885 г. По окончании училища по 1 разряду произведён в подпоручики в 1-й Кавказский стрелковый батальон – 11 августа 1886 г.

Произведён в поручики – 26 февраля 1890 г. За отличие по службе награждён орденом Св. Станислава 3 ст. – 20 мая 1896 г. Награждён серебряной медалью в память царствования Императора Александра III – 16 марта 1897 г.

Высочайшим приказом о военных чинах 6 февраля 1900 г. зачислен в запас стрелковых частей по Варшавскому уезду.

Призван из запаса по мобилизации и зачислен в 7-й стрелковый полк – 9 октября 1904 г. Прибыл в полк и назначен в 4-ю роту – 26 октября 1904 г. Временно командовал 4-й ротой – с 14 января по 17 февраля 1905 г. За отличие в делах против японцев с 13 по 16 января 1905 г. награждён орденом Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом – 10 апреля 1905 г.

Заболел, был эвакуирован с Дальнего Востока и 30 декабря 1908 г. уволен из запаса в отставку.

По случаю войны с Австро-Венгрией и Германией призван по мобилизации Холмским губернским по воинской повинности присутствием и назначен на должность офицера 11-й ополченской крепостной роты – 17–18 июля 1914 г. Назначен командиром 65-й роты – 28 июля 1914 г. Переименован в зауряд-капитаны – 21 января 1915 г. За отлично-усердную службу и труды, понесённые во время военных действий, награждён орденом Св. Станислава 2 ст. – 2 марта 1915 г. На-

значен членом полкового суда – 23 мая 1915 г. Временно командовал 5-й ротой полка – с 28 мая по 1 июня 1915 г.

Заболел – 30 июля 1915 г. Эвакуирован в один из тыловых госпиталей – 10 августа 1915 г. За отлично-усердную службу и труды, понесённые во время военных действий, награждён орденом Св. Анны 2 ст. – 4 сентября 1915 г. За истечением срока эвакуации отчислен от должности командира 6-й роты полка – 11 октября 1915 г.

Возвратился в строй и назначен командиром 3-го взвода продовольственного транспорта 3-го Кавказского армейского корпуса – 15 ноября 1915 г. Награждён за отлично-усердную службу орденом Св. Владимира 4 ст. – 21 ноября 1916 г. По состоянию здоровья причислен ко 2-му разряду 3-й категории – 18 декабря 1916 г.

Назначен на должность командира обоза 162-й пехотной дивизии – 2 февраля 1917 г.

Наказаниям и взысканиям по службе не подвергался.

В походах и делах находился в 1914 – 1917 гг. против австро-германцев. Ранен и контужен не был [14].

Князь Георгий Давидович (18.11.1873 г.р.), сын генерал-майора, уроженец Тифлисской губернии. Вероисповедания армяно-григорианского. Воспитывался в Николаевском кадетском корпусе и окончил по 1 разряду Николаевское кавалерийское училище.

В службу вступил прикомандированным к Николаевскому кавалерийскому училищу – 13 сентября 1892 г. Зачислен в училище юнкером рядового звания – 1 октября 1892 г. Произведён в унтер-офицеры – 1 августа 1893 г. По окончании училища по 1 разряду произведён в корнеты в 25-й драгунский Казанский Её Императорского Высочества эрцгерцога австрийского Леопольда полк – 8 августа 1894 г.

Прикомандирован к Лейб-гвардии Гродненскому гусарскому полку для испытания по службе и последующего перевода – 10 декабря 1894 г. Прибыл в полк – 17 декабря 1894 г. Переведён на службу в Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк – 7 сентября 1895 г. Высочайше разрешено принять и носить пожалованные иностранные ордена: кавалерский крест австрийского ордена Франца-Иосифа и персидский Льва и Солнца 5 ст. – 3 ноября 1896 г. Произведён в поручики – 6 декабря 1898 г. Высочайше разрешено принять и носить по-

жалованный персидский орден Льва и Солнца 3 ст. – 21 января 1900 г. Произведён в штабс-ротмистры – 6 декабря 1902 г. Произведён в ротмистры – 11 августа 1906 г. Награждён орденом Св. Станислава 3 ст. – 30 января 1907 г. Награждён орденом Св. Анны 3 ст. – 6 декабря 1911 г. За отличия в делах против неприятеля награждён: орденами Св. Станислава 2 ст. с мечами и Св. Анны 2 ст. с мечами – 19 ноября 1914 г.; к ордену Св. Анны с мечами и бантом 3 ст. – 20 ноября 1914 г.; орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом – 4 марта 1915 г.; орденом Св. Владимира 3 ст. с мечами – 13 декабря 1915 г.; к ордену Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом – 9 февраля 1916 г.

Допущен к командованию 3-м драгунским Новороссийским Её Императорского Высочества Великой княгини Елены Владимировны полком – 6 апреля 1916 г. Назначен командиром 3-го драгунского Новороссийского полка – 15 апреля 1916 г. Прибыл к новому месту службы – 22 апреля 1916 г.

Эвакуирован по болезни в тыл – 14 августа 1916 г. За бой 28 апреля 1915 г. у местечка Городенко награждён Георгиевским оружием – 25 августа 1916 г. Отчислен по болезни в резерв чинов при штабе Одесского военного округа – 7 декабря 1916 г.

Наказаниям и взысканиям по службе не подвергался.

В походах и делах находился против Австро-Венгрии и Германии с 19 июля 1914 г. по 14 августа 1916 г. Был в сражениях, ранен и контужен не был.

10 октября 1917 г. подал прошение об отставке «по расстроенному здоровью», ходатайствуя о награждении следующим чином, мундиром Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, в котором прослужил свыше 20 лет, и пенсией. Проживать собирался в Тифлисе, пенсию получать из Тифлисского казначейства.

Уволен 21(8) февраля 1918 г. от службы полковником, с мундиром и пенсией. В генерал-майоры не произведён [15].

Князь Константин Сергеевич (9.07.1876 г.р.), из князей Тифлисской губернии. Вероисповедания армяно-григорианского. Воспитывался в Тифлисском кадетском корпусе и окончил по 1 разряду Павловское военное училище.

В службу вступил из кадет Тифлисского кадетского корпуса юнкером рядового звания в Павловское военное учи-

лице – 1 сентября 1894 г. Произведён в унтер-офицеры – 4 ноября 1895 г. По окончании училища по 1 разряду произведён в подпоручики в 13-й Лейб-гренадерский Эриванский Его Величества полк – 12 августа 1896 г. Прибыл в полк – 5 ноября 1896 г.

Произведён в поручики – 24 сентября 1900 г.

Командирован в Мукден в резерв чинов Маньчжурской армии – 10 октября 1904 г. Произведён в штабс-капитаны – 10 ноября 1904 г. Назначен в 146-й пехотный Царицынский полк – 21 декабря 1904 г. Назначен командующим 6-й ротой полка – 24 декабря 1904 г. За отличие в делах против японцев награждён орденом Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость» – 3 июня 1905 г. Произведён в капитаны – 27 сентября 1905 г. За отличие в делах против японцев награждён орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом – 14 октября 1905 г.

Переведён в 13-й Лейб-гренадерский Его Величества полк – 17 февраля 1906 г. Прибыл в полк – 12 апреля 1906 г.

Переведён на службу в Лейб-гвардии Преображенский полк штабс-капитаном – 28 апреля 1907 г. Прибыл в полк и принял 12-ю роту – 29 мая 1907 г. Награждён светло-бронзовой медалью на Андреевской ленте в память 200-летия Полтавской победы – 27 июня 1909 г. Произведён в капитаны – 14 октября 1909 г. Награждён орденом Св. Анны 3 ст. – 10 декабря 1910 г. Назначен командиром 2-й роты полка – 3 сентября 1911 г. Высочайше разрешено принять и носить черногорский орден князя Даниила I 3 ст. – 8 июня 1912 г. Награждён светло-бронзовой медалью на Владимирской ленте в память 100-летия Отечественной войны 1812 г. – 26 августа 1912 г. Имел также светло-бронзовую медаль в память войны 1904 – 1905 гг. с Японией и знак в честь 100-летнего юбилея Павловского военного училища.

Наказаниям и взысканиям по службе не подвергался.

В походах и делах находился против Японии в войну 1904 – 1905 гг. Перешёл границу Российской империи и вступил в Маньчжурию – 11 ноября 1904 г. Был в боях: 16-17 февраля 1905 г. – на Гаотулинском перевале; 19 и 22 февраля 1905 г. – на Гаотулинской позиции; 25 февраля 1905 г. – у дер. Сесышуа; 26 февраля 1905 г. – при сел. Мидоуань с последующим отходом к городу Телину; 27 февраля 1905 г. – в арьергардной защите позиции у дер. Лихечантунь; 1 марта 1905 г. – у дер. Сяутунь; 2 марта 1905 г. – при отступлении от

города Телина на Сыпингайские позиции. Перешёл границу Маньчжурии и вступил в пределы России – 30 января 1906 г. Ранен и контужен не был [16].

В сентябре 1914 г. в чине капитана был ранен в бою и госпитализирован [17].

Князь Павел Давидович (18.08.1872 г.р.), сын генерал-майора, уроженец Тифлисской губернии. Вероисповедания армяно-григорианского. Воспитывался в Николаевском кадетском корпусе, окончил по 1 разряду курс Николаевского кавалерийского училища.

В службу вступил по окончании Николаевского кадетского корпуса прикомандированным к Николаевскому кавалерийскому училищу – 13 сентября 1892 г. Зачислен в училище юнкером рядового звания – 10 октября 1892 г. Произведён в унтер-офицеры – 1 августа 1893 г. По окончании училища по 1 разряду произведён в корнеты в 27-й драгунский Киевский полк – 8 августа 1894 г.

Прикомандирован к Лейб-гвардии Гродненскому гусарскому полку для испытания по службе и последующего перевода – 10 декабря 1894 г. Награждён серебряной медалью с надписью «За спасение погибавших» – 19 января 1896 г. Высочайше разрешено принять и носить иностранные ордена: персидский Льва и Солнца 5 ст. – 3 ноября 1896 г.; кавалерский крест австрийского ордена Франца Иосифа – 23 июля 1897 г. Произведён в поручики – 6 декабря 1898 г. Высочайше разрешено принять и носить персидский орден Льва и Солнца 3 ст. – 21 января 1900 г. Произведён в штабс-ротмистры – 6 декабря 1902 г. Назначен командующим 6-м эскадроном полка – 27 апреля 1905 г. Принял 6-й эскадрон – 3 мая 1905 г. Произведён в ротмистры – 11 августа 1906 г. Награждён орденом Св. Станислава 3 ст. – 30 января 1907 г. За отличие по службе произведён в полковники – 11 июля 1908 г. Отчислен от должности командира 6-го эскадрона и назначен младшим штаб-офицером – 9 августа 1908 г. Сдал 6-й эскадрон – 28 августа 1908 г.

Участвовал в Первой мировой войне в чине полковника, командуя эскадроном Лейб-гвардии Гродненского гусарского полка [18].

Имел медали: серебряные – в память царствования Императора Александра III и священного коронования Их Импера-

торских Величеств в 1896 г.; тёмно-бронзовую за первую всеобщую перепись населения Российской империи в 1897 г. [19]

Не удалось выявить послужные списки следующих офицеров – участников Первой мировой войны:

князь Дмитрий Александрович – подполковник Дагестанского 1-го конного полка. 16 октября 1916 г. награжден Георгиевским оружием [20];

князь Михаил – поручик, в одном из боев в сентябре 1914 г. был ранен, но оставался в строю [21].

Примечания

1. *Абрамян Р.М.* К вопросу о происхождении рода Аргутинских-Долгоруких // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. № 16: Материалы межрегиональной конференции «Деятельность И. Аргутинского-Долгорукого в контексте геополитики России на Кавказе» (К 230-летию переселения армян из Крыма на Дон). Ростов-на-Дону, 2011. С. 16–23.

2. *Долгорукий Ф.С., кн.* Долгорукие, Долгоруковы и Долгорукие-Аргутинские. СПб., 1913. Ч. II Материалы 460 фамилий: императорских, королевских, царских, великокняжеских, великогерцогских, княжеских, герцогских, маркизских, графских, баронских и дворянских.

3. *Долгорукий Ф.С., кн.* Извлечения из генеалогии царственной персидской династии. – Б.м., 1913.

4. *Toumanoff C., prince.* Les dynasties de la Caucasic chretienne de l'Antiquite jusqu au XIX siecle. Tables genealogiques et chronologiques. Rome, 1990. P. 233 – 274.

5. *Brosset M.* Additions et eclaircissements a l'histoire de la Georgie, depuis l'antiquite jusquen 1469, par M. Brosset – SPB, 1851. P. 362.

6. *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895. P. 458.

7. *Кафадарян К.* Санаинский монастырь и его надписи. Ереван, 1957. (на армянск. яз.). № 62.

8. Синодик санаинского монастыря / *Текст, исследование и приложения П.М. Мурадяна.* Св. Эчмиадзин, 2007. (на армянск. яз.). С. 62–63.

9. *Мурадян П.М.* Армянская эпиграфика Грузии. Тбилиси. Ереван, 1988. С. 118.

10. *Меликсет-Беков Л.* Сигель грузинского царя Ираклия II о князьях Аргутинских // Христианский Восток. 1922. Т. VI. Вып. III. С. 341–343.

11. *С.Т. [С. Тройницкий].* Князья Аргутинские-Долгорукие // Гербовед. СПб., 1913. Октябрь. С. 157–170.

12. *Минасян С.М.* «Самурский лев» (князь М.З. Аргутинский-Долгорукий). Исторический портрет // Кавказский сборник. М., 2004. Т. 1 (33). С. 48–69.

13. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 152986. Л. 1–4.

14. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 111795. Л. 1–5.

15. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 178446. Л. 2, 7, 14–18, 19 об.–20.

16. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 183922. Л. 9–14, 16–17.

17. *Пахлеванян К.Р.* Вклад княжеской семьи Аргутинских-Долгоруковых (Аргутян) в победу русских войск в Первой мировой войне // Вестник общественных наук.– Ереван, 2012. № 1. С. 36 (на армянск. яз.).

18. Там же.

19. РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 27525. Л. 1–6 об.

20. *Пахлеванян К.Р.* Указ. соч. С. 38.

21. Там же. С. 36.

М.И. Баразбиев (г. Нальчик, Россия)

Таубии Урусбиевы – офицеры Российской императорской и Белой армий

Одной из наиболее известных карачаево-балкарских аристократических фамилий являлись таубии (горские князья) Урусбиевы, проживавшие в Баксанском ущелье [1]. Цель данного исследования – обозначить вклад представителей этой фамилии в комплектовании офицерского корпуса Российской армии.

Урусбиев Асланбек Мырзакулович (Александр Александрович) (1840 – после 1896 г.), полковник. Начальное образование Асланбек Урусбиев получил в Нальчикской горской школе [2]. 27 мая 1859 г. Асланбек Урусбиев и его родственник Таусултан Шакманов подали прошение начальнику Кабардинского округа князю Орбелиани, в котором сообщали: «Имея ревностное желание служить в Собственном Его Императорского Величества конвое, почему осмеливаемся утрудить Особу Вашего Сиятельства покорнейшею просьбою принять на себя труд исходатайствовать о зачислении в конвой на действительную службу – на имеющиеся в оном вакансии» [3]. Однако из-за отсутствия вакансий им было отказано в зачислении в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский эскадрон.

Этот отказ не отбил у молодого таубия желания служить в этом гвардейском подразделении, и в 1865 г., когда представлялась возможность, он начал службу оруженосцем во 2-м взводе горцев эскадрона [4]. Через два года 10 октября 1867 г. Асланбеку Урусбиеву был присвоен первый офицерский чин – корнета [5]. Незадолго до этого начальник Кавказской кавалерийской дивизии генерал-майор граф де Тулуз-Лотрок сообщал начальнику Терской области М.Т. Лорис-Меликову, что готов определить в 15-й драгунский Тверский полк оруженосца Урусбиева после производства в первый офицерский чин. В это время существовало правило, по которому запрещено было направлять на службу в Терскую область офицеров из числа местных уроженцев. Поэтому назначение Урусбиева в Кавказскую кавалерийскую дивизию не состоялось [6].

В результате, корнет Урусбиев оказался на службе в 14-м гусарском Митавском Его Корлевского Высочества принца прусского Альберта-младшего полку, в котором прослужил совсем недолго, и уже в январе 1868 г. вышел в отставку [7]. 1 июля того же года вновь поступил на военную службу с прикомандированием к Лейб-Гвардии Атаманскому Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полку, из которого 23 сентября 1870 г. был переведен на службу в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский эскадрон [8].

30 августа 1874 г. таубий Урусбиев был произведен в поручики, а ровно через четыре года 30 августа 1878 г. в штабс-ротмистры [9]. 8 октября 1881 г. был произведен в ротмистры с зачислением подполковником по армейской кавалерии [10].

После убийства Императора Александра II 1 марта 1881 г. подполковник Урусбиев принял участие от балкарского народа в коронации нового Императора Александра III, преподнеся Императору в дар «азиатское ружье» [11]. Во время посещения Северного Кавказа Государем Александром III в 1888 г. подполковник Урусбиев был включен в список «Депутатам и почетным туземкам и туземцам, назначенным от Нальчикского округа для приветствования Их Императорских Величеств». Он также присутствует и в списке «Лиц, кои могут быть удостоены приглашений к Высочайшему столу» [12]. Вскоре после этого приказом по Кавказскому Военному округу за №327 от 14 ноября 1888 г. Асланбек (Александр) Урусбиев был произведен в полковники с состоянием по армейской кавалерии [13].

В 1894 г. от Кабарды и Балкарии в траурных церемониях похорон Императора Александра III назначены были участвовать полковники К. Куденетов и А. Урусбиев. Они же приняли участие в торжествах по случаю бракосочетания Императора Николая II с Императрицей Александрой Федоровной с подношением «хлеба и соли Их Императорским Величествам» [14].

Принимал участие в военных действиях на Северном Кавказе. К 1893 г. Урусбиев имел следующие награды: орден Св. Станислава 2-й ст. – 21 июня 1883г., серебряную медаль «За покорение Чечни и Дагестана», светло-бронзовую медаль в память турецкой войны 1877-1878 гг., «вензелевое изображение имени в Бозе почившаго Государя Императора» [15]. 4 января 1895г. начальник Нальчикского округа в рапорте начальнику Терской области ходатайствовал о награждении полковника Урусбиева орденом Св. Анны 2-й ст. При этом начальник округа дал ему следующую характеристику: «Занимая почетное положение среди туземного населения, и пользуясь его уважением, всегда оказывает на него благотворное влияние, укрепляя в преданности Правительству. Помимо того Полковник Урусбиев построил в горных пастбищах в ущелье р. Баксана образцовую сыроварню и развил улучшенные породы рогатого скота, раздавая безвозмездно по несколько голов этого скота ежегодно, для улучшения их скотоводства, Полковник Урусбиев содействует к развитию местного хозяйства» [16]. Ходатайство начальника Нальчикского округа было удовлетворено и в этом же году полковник Урусбиев был награжден орденом Св. Анны 2-й ст., а в следующем, 1896 г. он был награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. [17].

К сожалению, на данный момент мы не смогли выяснить точной даты смерти полковника Урусбиева. Предположительно он скончался между 1897 и 1898 годами, так как сведения о нем присутствуют в «Списке полковникам по старшинству», составленном по 1 сентября 1897 г., а в «Списке полковникам по старшинству», составленном по 1 сентября 1898 г. упоминаний о нем уже нет [18].

Был женат на русской дворянке Егорской Клавдии Матвеевне, в связи с женитьбой на которой принял православие и имя – Александр Александрович. Дети: Сергей (17.09.1869–29.12.1898), Исмаил (15.02.1874–1912; жена Венеровская Екатерина Константиновна).

Урусбиев Евгений Исмаилович (28.01.1901–?), прапорщик, сын капитана. Евгения Урусбиева можно считать представителем офицерской династии, так как он приходился внуком полковнику Александру Александровичу Урусбиева. Его отец также был офицером Российской императорской армии, вышедшим в отставку в чине капитана. Известно, что Евгений образование получил в Кабардино-Горском Императора Александра III реальном училище, располагавшемся в Нальчике [19].

В период Гражданской войны Евгений Урусбиев добровольцем вступил в 1-й Кабардинский конный полк Добровольческой армии. В звание прапорщика был произведен из юнкеров 10 июня 1919 года [20]. К сожалению, о его дальнейшей судьбе нет точных сведений. По одной из версий прапорщик Урусбиев был расстрелян красноармейцами, а по другой – пропал без вести [21].

Урусбиев Ибрагим Хамзатович (1874–11.08.1928 г), капитан, сын поручика. Начальное образование получил в Нальчикской горской школе. В 1885 г. Ибрагим поступил во Владикавказское реальное училище, получив стипендию им. графа М.Л. Лорис-Меликова. После завершения обучения в реальном училище в 1892 г. поступил в Московский технологический институт, который из-за финансовых затруднений пришлось покинуть в следующем году [22]. В связи с этим Ибрагим Урусбиев решил связать свою дальнейшую жизнь с военной службой. Специальное военное образование получил в военном пехотном училище в Москве, службу начал в 150-м Абхазском полку. Оттуда был переведен в 84-й Ширванский пехотный полк, расквартированный в Пятигорске. В звании поручика в составе 41-го Восточно-Сибирского пехотного полка принимал участие в Русско-Японской войне. Во время Первой мировой войны участвовал в боях на турецком фронте – под Карсом и Эрзерумом. После полученного ранения в 1916 г. вновь оказался в Пятигорске, с назначением помощника командира 113-го запасного пехотного полка [23].

Демократически настроенный Урусбиев после Февральской революции 1917 г. как представитель гарнизона был избран членом Пятигорского гражданского исполнительного комитета [24]. С марта 1917 г. занимал должность заместителя председателя Нальчикского окружного исполнительного

комитета, а в мае того же года был избран кандидатом в члены ЦК Союза объединенных горцев от Балкарского народа [25]. В сентябре 1918 г. на пятом съезде народов Нальчикского округа Ибрагима Урусбиева избрали помощником военного комиссара округа генерала Косты Хагондокова [26].

После окончания Гражданской войны и полного установления советской власти на Северном Кавказе Ибрагим Хамзатович работал в различных учреждениях Кабардино-Балкарии, а затем Дагестана, куда вынужден был уехать после своего первого ареста в 1923 г. [27]. 12 июля 1928 г. Ибрагима Хамзатовича, работника Дагселькредитсоюза, арестовали с обвинением по ст.ст. 58-4 и 58-11 УК РСФСР. 11 августа 1928 г. Урусбиев по приговору Коллегии ОГПУ был расстрелян. Реабилитирован 9 января 1960 г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда РСФСР [28].

Исследователи отмечают, что до 1917 г. Ибрагим Хамзатович участвовал в благотворительной и просветительской деятельности, являлся активистом Общества распространения грамотности и технических сведений среди горцев Терской области, членом хозяйственного Комитета Нальчикской Горской Школы [29]. Известно также, что Ибрагим играл на музыкальных инструментах и хорошо знал карачаево-балкарское народное творчество. В частности, в 1924 г. украинские ученые во главе с М. Гайдаем в период фольклорной экспедиции записали от Урусбиева несколько народных песен [30].

За службу в императорской армии Ибрагим Урусбиев был награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. [31].

Был женат на дочери первого балкарского историка, таубия Мисоста Абаева – Софьят. Сыновья: Умар и Далхат. Дочери: Даута, Фатима, Мадина.

Урусбиев Исмаил Александрович (15.02.1874–08.02.1912), капитан, сын полковника. Среднее образование получил во Владикавказском реальном училище [32]. В послужном списке штабс-капитана 250-го Ахульгинского резервного батальона князя Урусбиева, составленном в 1907 г. приведена информация, освещающая период его нахождения на военной службе. Там написано, что на военную службу Исмаил Александрович поступил 21 сентября 1894 г. вольноопределяющимся в Лейб-гвардии Измайловский полк, из которого был

командирован на учебу в Киевское пехотное юнкерское училище. 12 августа 1896 г. по завершении училища по второму разряду был произведен в подпоручики и направлен служить в 84-й пехотный Ширванский Его Величества полк. В апреле 1900 г. подпоручик Урусбиев был переведен на службу в Терскую постоянную милицию с зачислением по армейской пехоте. С июля 1900 г. по июль 1902 г. командовал 1-й сотней Терской постоянной милиции. 6 декабря 1903 г. Исмаил Урусбиев Высочайшим приказом был произведен в поручики. 22 февраля 1904 г. был переведен на службу в 251-й Георгиевский резервный батальон, откуда и был прикомандирован для несения службы в 250-й Ахульгинский резервный батальон. 10 ноября 1904 г. Исмаил Александрович был произведен в штабс-капитаны, а Высочайшим приказом от 19 февраля 1906 г. награжден орденом Св. Станислава 3-й степени [33].

Высочайшим приказом от 29 октября 1908 года штабс-капитан Урусбиев был уволен в отставку с присвоением чина капитана [34]. В оставленных вдовой Исмаила Александровича воспоминаниях сообщается, что выйдя в отставку по болезни, Исмаил со своей семьей поселился сначала в Пятигорске, но вскоре переехал оттуда в Нальчик. В этих воспоминаниях приводится также и характеристика личностных качеств князя Урусбиева: «На редкость музыкально одаренный – одинаково хорошо играл на фортепьяно, виолончели, скрипке, флейте, цитре; всесторонне развитый – читал много, памятью обладал феноменальной, буквально сыпал цитатами из классиков; да к тому же ироничный, неугомонный, склонный к веселым розыгрышам...» [35]. Известный русский композитор, педагог Сергей Иванович Танеев о музыкальных способностях Исмаила Александровича отзывался более сдержанно. Так, в его дневнике есть запись: «Вскоре пришёл Измаил Александрович Урусбиев. Пошли с ним в клуб испытывать его музыкальные способности. Он имел слух, но образование чрезвычайно дилетантское – играет и сочиняет. Я его особенно не обнадёживал и сказал, что учиться он может» [36]. Увлечение музыкой князя Урусбиева способствовало тому, что он создал в Нальчике музыкальный кружок, состоявший из 18 музыкантов. Исмаил Александрович совмещал руководство кружком, игру в нем на флейте и дирижирование на концертах [37].

С именем князя Урусбиева связано также открытие первой в Кабарде и Балкарии типографии, разрешение на открытие которой было получено им 20 июля 1908 года. Т.Ш. Биттирова отмечает, что в этой типографии издавалась большей частью малообъемная печатная продукция – тисненные изделия, открытки и брошюры [38]. В дальнейшем Исмаил Александрович планировал издавать в своей типографии книги и газеты, но этим планам не суждено было сбыться из-за смерти, наступившей 8 февраля 1912 г. Похоронен был Исмаил Урусбиев в Нальчике [39].

Князь Урусбиев был женат на представительнице известного дворянского казачьего рода Венеровских – Екатерине Константиновне. Отец Екатерины носил офицерское звание есаула, а дед – Стефан Александрович Венеровский дослужился до генеральского чина [40]. У Исмаила Александровича и Екатерины Константиновны был один сын – Евгений.

Урусбиев Исмаил Мырзакулович (1831–8 мая 1888 г.), подпоручик. Исмаил Урусбиев является, пожалуй, самым известным балкарским аристократом XIX столетия. Впервые Исмаил Урусбиев упоминается в документе 1834 г., в котором сообщается, что правительница части Сванетии княгиня Дигохан Дадешкелиани, находившаяся во враждебных отношениях со всеми соседними народами, желая приобрести сильного защитника в лице главы рода Урусбиевых – Мырзакула, договорилась с ним об обручении своей внучки и его трехлетнего сына Исмаила [41]. Так, еще ребенком Урусбиев соприкоснулся с тем, что являясь аристократом, он должен действовать не только и не столько в личных интересах, а в интересах своей семьи и народа.

В 1850 г. Исмаил Мырзакулович был в числе почетных лиц балкарских обществ, представленных Его Высочеству Наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу [42]. Через год в 1851 году Исмаил в составе свиты своего зятя – правителя части Сванетии князя прапорщика Отара Дадешкелиани посетил Санкт-Петербург. За участие в этой поездке Император Николай I князю Дадешкелиани пожаловал чин прапорщика, а Урусбиеву золотую медаль с надписью «За усердие» на Анненской ленте для ношения на шее [43].

Во время вторичного посещения Санкт-Петербурга в составе делегации балкарских аристократов Исмаил Мырза-

кулович подал докладную записку директору канцелярии военного министра Российской империи генерал-майору барону Вревскому, в которой изложил просьбу своего зятя Отара Дадешкелиани об определении его сына и родного племянника Исмаила, воспитанника Дворянского полка Ислама Дадешкелиани на службу в Лейб-Гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон [44].

За участие в этой депутации Урусбиев удостоился производства в прапорщики с жалованьем 75 рублей в год [45]. В октябре 1868 года Исмаил Мырзакулович был произведен в подпоручики [46]. Через несколько лет в декабре 1871 г. он был награждён орденом Св. Станислава 3-й степени [47].

Т.Ш. Биттирова, оценивая место Исмаила Урусбиева в истории карачаевцев и балкарцев, отмечает: «С его именем связано зарождение и развитие просветительского движения в Балкарии и Карачае, а также научное освоение отрогов Большого Кавказского хребта. В истории развития общественно-политической мысли и духовной культуры карачаевцев и балкарцев он предстаёт как умный и дальновидный политик, неугомонный подвижник культуры и просвещения горцев» [48].

Занимаясь общественной деятельностью, Исмаил неоднократно избирался членом Горского словесного суда и многие годы исполнял обязанности старшины Урусбиевского общества [49]. Во время освобождения крестьян от крепостной зависимости отпустил на волю восемь человек бесплатно [50].

Особого упоминания заслуживает тот факт, что Урусбиев в 1869 году, когда закончилась казённая субсидия, на личные средства финансировал окончание строительства колесной дороги от аула Урусбиево до местности «Донгуз-орун». Причем, не обладая значительными материальными средствами, он вынужден был для завершения этого строительства брать деньги в долг [51]. Для развития горского скотоводства на основе передового европейского опыта с применением новых технологий Урусбиев в 1871 г. обращался с просьбой к начальнику Терской области о разрешении на открытие сыроваренного завода на общественных землях. К сожалению, замысел Исмаила Урусбиева не встретил понимания и ему в этой просьбе было отказано. Впрочем, в 1874 г. сыроваренный завод был построен его родным братом Хамзатом [52].

Эрудицию и выдающиеся умственные способности Исмаила Урусбиева неоднократно отмечали исследователи Кавказа, посещавшие его дом в Баксанском ущелье. Так, И. Иванюков и М. Ковалевский в очерке «У подошвы Эльбруса» указывали, что он обладал глубокими познаниями по истории и фольклору Кавказа [53]. Они писали: «Память у князя феноменальная; однажды, беседуя с нами о русской литературе, он, в доказательство своей мысли, цитировал несколько мест из Добролюбова. У горских татар (балкарцев. – М.Б.) нет имени более популярного, как имя Измаила Урусбиева. «Кто может сделать лучше Измаила», «во всем Измаил первый» – вот выражения, которые мы обыкновенно слышали от татар (балкарцев. – М.Б.), когда речь заходила о князе» [54]. С.Ф. Давидович в работе «Восхождение на Эльбрус» так описывает Исмаила: «Человек, не получивший никакого образования, не знающий даже русской грамоты, он говорит чистым литературным языком, чрезвычайно интересуется всеми научными вопросами и близко знаком со всеми корифеями нашей литературы. Отрывки многих произведений он знает наизусть. Геологию, археологию и историю Северного Кавказа он знает весьма основательно и обладает замечательной археологической коллекцией, которую составил сам. Свои научные познания он приобрел вследствие разговоров и общения с местными учеными и путешественниками, а с русской литературой познакомили его сыновья – молодые люди, получившие высшее образование, которые читают ему вслух» [55]. Далее Давидович с сожалением констатировал, что при других условиях из Урусбиева получился бы «блестящий ученый» [56].

Скончался Исмаил Мырзакулович 8 мая 1888 года [57]. Урусбиев был дважды женат. Первая его жена была дочерью правителя части Княжеской Сванетии – князя Циха Дадешкелиани, а вторая – Наго Бийнёгеровна, дочерью чегемского таубия Балкарукова. Сыновья: Сафар-Али и Науруз. Дочери: Мисирхан (м. Крым-Шамхалов Асланбек Абдурзакович), Гульжан, Забида, Софьят.

Урусбиев Сергей Александрович (17 сентября 1869–29.12.1898), сотник, сын полковника. Получил среднее образование во Владикавказском реальном училище [58]. Служил в 1-м Сунженско-Владикавказском конном полку Терского Казачьего

войска. 14 ноября 1895 г. в чине сотника переведен служить в Лейб-Гвардии Кубанскую сотню Собственного Его Императорского Величества конвоя [59]. Принимал участие в коронационных торжествах 1896 г. Императора Николая II и Императрицы Александры Федоровны, завершившихся Высочайшим смотром войск. После смотра Царская Семья отбыла в Ильинское – имение Великого Князя Сергея Александровича. Н.В. Галушкин писал: «Отдых Государя с его Августейшей супругой в Ильинском охраняла полусотня конвоя при трех офицерах (есаул Петин, сотник Урусбиев и хорунжий князь Витгенштейн)» [60].

Скончался Сергей Александрович Урусбиев 24 декабря 1898 г. [61]. Был женат. Сын – Николай (1899–1965).

Урусбиев Хамзат (он же Хамурза) Мырзакулович (1838 – после 1892), поручик. Известно, что Хамзат в 1850 году со своими родственниками Кертыбием Урусбиевым и Джарахматом Шакмановым оказался в числе последних аманатов, выданных балкарским народом по требованию местной российской администрации. После чего приказанию Кавказского Наместника М.С. Воронцова был направлен на учебу в Нальчикскую горскую школу [62]. Среднее образование получил в Ставропольской гимназии [63].

На военную службу Хамзат Мырзакулович поступил в мае 1854 г. унтер-офицером Кабардинского егерского полка. 6 апреля 1859 г. награжден знаком отличия военного ордена Св. Георгия 4-й степени. 18 марта 1861 г. был произведен в прапорщики. 1 июня 1865 г. – в подпоручики. 16 октября 1867г. вышел в отставку в чине поручика [64].

Известные российские ученые М. Ковалевский и В. Миллер так описывали Хамзата Урусбиева: «...европейски развитой и начитанный член горского суда, постоянный житель Нальчика. Хамзат – представитель нового типа среди горцев, типа реформатора» [65]. Далее они отмечали, что после выхода в отставку поручик Урусбиев уехал за границу и в Швейцарии изучал сыроварение. С полученными знаниями и приглашенным швейцарским специалистом Хамзат вернулся на родину и устроил в Баксанском ущелье сыроваренный завод. Сыр, изготавливавшийся на этом заводе, был высокого качества и находил сбыт во Владикавказе [66]. В 1880 г. от эпидемии одновременно погибло 200 коров, и Урусбиев вынужден был закрыть свой завод [67].

Хамзат состоял активным членом и материально поддерживал «Общество по распространению знаний и технических сведений среди горцев Нальчикского округа», а также входил в состав Хозяйственного комитета Нальчикской горской школы [68].

Женат Хамзат Урусбиев был на дочери осетинского князя Аслан-Гирея Туганова. Сыновья: Далхат, Жанхот, Ибрагим. Дочери: Мадина и Шамкыз.

Урусбиев Чепелеу Биасланович (1889–1932), штабс-ротмистр. Решение стать военным Чепелеу принял после начала Первой мировой войны. Известный исследователь военной истории из Кабардино-Балкарии О.Л. Опрышко сообщает, что в мае 1915 г. Урусбиев, служивший на тот момент в должности лесного кондуктора в лесничестве Кабардинского округа Терской области поступил в Чугуевское пехотное училище. По завершении четырехмесячного обучения в училище с присвоением звания прапорщика Урусбиев был направлен на фронт в 1-ю сотню Кабардинского полка Кавказской туземной дивизии, получившей большую известность под названием «Дикая дивизия» [69]. За время Первой мировой войны Чепелеу Биасланович был произведен в поручики, служил начальником полкового оружия и с июня 1917 года исполнял обязанности полкового адъютанта [70]. За проявленную в боях с неприятелем отвагу был награжден орденами: Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами, Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом [71].

Во время Гражданской войны князь Урусбиев служил в Белой армии. В чине штабс-ротмистра эвакуировался из Крыма в ноябре 1920 г. на корабле «Аю-Даг» в Турцию [72]. Скончался в 1932 году в городе Самсуне [73].

Чепелеу Биасланович был женат на дочери таубия из Чегемского общества Балкарии Ислама (Дадаша) Балкарукова – Алтынчач. Дочери: Гульджан и Фатима.

Урусбиев Чепелеу Келеметович (? – к 1860), поручик. Чепелеу Келеметович является первым представителем рода Урусбиевых, удостоенным офицерского звания. В одном из документов, описывающем заслуги Чепелеу перед российским правительством отмечается, что в 1834 г. он был избран депутатом от своего общества для встречи с Императором Николаем I во время его путешествия на Кавказе. Там же сообщалось, что

15 декабря 1838 г. Чепелеу был награжден серебряной медалью с надписью «За усердие», а приказом военного министра № 45 от 9 апреля 1843 г. произведен в прапорщики «за постоянную преданность и поимку трех абреков» [74]. За заслуги и отличие, оказанные прапорщиком Урусбиевым при вторжении имама Шамиля в Кабарду в апреле 1846 года «Высочайше повелено производить ему жалованье по 215 рублей серебром в год» [75].

В подпоручики Чепелеу был произведен приказом от 31 января 1850 г. [76]. В этом же году подпоручик Урусбиев был в числе почетных лиц балкарских обществ, представленных Его Высочеству Наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу и получил от Цесаревича награду [77]. Поручиком Чепелеу Келеметович стал «За ревностное усердие к возлагаемым на него поручениям для пользы службы и за особенную преданность Правительству» после представления, поданного начальником Центра кавказской линии в сентябре 1853 года [78].

Чепелеу Келеметович был несколько раз женат. Одна из его жен была дочерью осетинского (дигорского) князя Туганова – Гуаса. Другая происходила из рода грузинских (сванских) князей Дадешкелиани. Третья супруга являлась дочерью карачаевского князя Муссы Дудова. Четвертая была дочерью карачаевского князя Мурзабека Крым-Шамхалова. Сыновья: Исмаил, Магомет, Адиль-Гирей (он же Александр), Кучук, Таусултан, Тенгиз, Биаслан, Ахлау. Дочери: Майрусхан, Кябахан и Дугерхан.

Таковы краткие биографические данные таубиев Урусбиевых – офицеров Российской императорской и Белой армий.

Примечания

1. Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басият Шаханов / *Сост., ст. об авторах, прим. и коммент. Т.Ш. Биттировой. Нальчик, 2007. С. 9.*

2. УЦГА АС КБР. Ф.-16. Оп.1. Д. 1321. Л. 12об.

3. УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп.3. Д. 39. Л. 119.

4. *Опрышко О.Л.* Кавказская конная дивизия. 1914-1917.: Возвращение из забвения... Нальчик, 1999, с. 220.

5. *Саблиров М.З.* Алесандр Урусбиев-полковник российской армии // Литературная Кабардино-Балкария. Нальчик, 2002. № 5, с.187.

6. УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп.1. Д. 209. Л. 1-4.

7. РГВИА. Ф. 3611. О. 1. Д. 726. Л. 38-40. Документ выявлен и любезно предоставлен нам для использования к.и.н. Батчаевым Ш.М.

8. Кармов Р.К., Айдаболова М.И. Лейб-гвардии Кавказско-горский полуэскадрон. Страницы истории. Прохладный, 2002. С. 70.
9. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е Сентября 1896 г. СПб., 1896. С. 227.
10. Кармов Р.К., Айдаболова М.И. Указ. соч. С. 70.
11. Саблиров М.З. Указ. соч. С. 188.
12. УЦГА АС. Ф. 6. Оп. 1. Д. 130. Л. 58, 58об.
13. УЦГА АС. Ф. 6. Оп.1. Д. 267. Л. 10.
14. Саблиров М.З. Указ. соч. С. 188.
15. УЦГА АС. Ф. 6. Оп.1. Д. 267. Л. 10, 10об.
16. УЦГА АС. Ф. 6. Оп. 1. Д. 316. Л. 17.
17. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е Сентября 1896 г. СПб., 1896. С. 227.
18. Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е Сентября 1897 г. СПб., 1897. С. 192.
19. Кумыков Т.Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик, 1996. С. 245.
20. Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии: Опыт мартиролога. М., 2004. С. 538.
21. Госпожа – в лучшем смысле этого слова // Газета Юга. 2009. № 35 (808). 27 августа. С. 4.
22. Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Аббаев, Басият Шаханов / Сост., ст. об авторах, прим. и коммент. Т.Ш. Биттировой. Нальчик, 2007. С. 16.
23. Опрышко О.Л. Бывают странные сближения. Нальчик, 1993. С. 35.
24. Там же.
25. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. М., 2007. С. 456.
26. Опрышко О.Л. Бывают странные сближения. С. 36.
27. Там же.
28. Книга памяти жертв политических репрессий. Кабардино-Балкария. 1920–1941. Нальчик, 2009, с.451.
29. Музаев Т.М. Указ. соч. С. 456.
30. Этюды о Балкарии. С. 16.
31. Музаев Т.М. Указ. соч. С. 456.
32. Этюды о Балкарии. С. 14.
33. РГВИА. Ф. 409. Оп.2. Д. 17018. Л. 234об. – 236 об.
34. Там же. Л. 242.
35. Котляровы М. и В. Измаил, из рода Урусбиевых // Эльбрус-соид: сайт. URL: <http://www.elbrusoid.org/articles/weinpast/359216/>

(дата обращения: 22.09.2014).

36. Танеев С. Дневники. Книга третья 1903 – 1909 / *Под ред. Л.З. Корабельниковой*. М., 1985. С. 46.

37. Этюды о Балкарии. С. 15.

38. Там же. С. 14, 15.

39. *Котляровы М. и В.* Указ. соч.

40. Госпожа – в лучшем смысле этого слова. С. 4.

41. *Баразбиев М.И.* Добрососедские взаимоотношения карачаево-балкарских и грузинских аристократов // *Кавказоведческие разыскания. (Материалы международного конгресса кавказоведов)*. Тбилиси, 2010. № 2. С. 415.

42. УЦГА АС КБР. Ф. 31. Оп. 1. Д. 3. Л. 161.

43. РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 174. Л. 42, 49.

44. РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 190. Л. 81об.

45. УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп.1. Д. 1314. Л. 19.

46. УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 168. Л. 40 об.

47. ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп.1. Д. 23. Л. 308.

48. Этюды о Балкарии. С. 17.

49. Там же. С. 18.

50. УЦГА АС КБР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 331. Л. 29.

51. Этюды о Балкарии. С. 19.

52. Там же. С. 20.

53. Там же.

54. *Иванюков И., Ковалевский М.* У подошвы Эльбруса // *Балкария: Страницы прошлого*. Нальчик, 2005. Вып. 1. С. 42.

55. *Давидович С.Ф.* Восхождение на Эльбрус // *Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада: сайт*. URL: www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1880-1900/Davidovic/text.htm (дата обращения: 22.09.2014).

56. Там же.

57. Этюды о Балкарии. С. 21.

58. Посемейные списки населенных пунктов Нальчикского округа. 1886 год. Т. IV. Ч. 2. Нальчик, 2009. С. 7.

59. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Указ. соч. 72.

60. *Галушкин Н.В.* Собственный Его Императорского Величества Конвой, М., 2004 // *Русская императорская армия: сайт*. URL: <http://www.regiment.ru/Lib/A/5/5.htm#> (дата обращения: 22.09.2014).

61. *Кармов Р.К., Айдаболова М.И.* Указ. соч. 72.

62. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа 1793-1897гг. Т.I. / *Составители Х.М. Думанов, А.И. Мусукаев, А.А. Максидов*. Нальчик, 2003. С. 103.

63. Этюды о Балкарии. С. 15.

64. УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 168. Л. 29.
65. Миллер В., Ковалевский М. В Горских обществах Кабарды // Балкария: Страницы прошлого. Нальчик, 2007. Вып. 4. С. 14, 15.
66. Там же.
67. Этюды о Балкарии. С. 15.
68. Там же. С. 16.
69. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914-1917. С. 221.
70. Там же. С. 412, 415.
71. Там же. С. 248, 383, 291, 328.
72. Волков С.В. Указ. соч. С. 538.
73. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. С. 440.
74. УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л. 33об.
75. УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 604. Л. 15.
76. УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13. Л. 33об.
77. УЦГА АС КБР. Ф. 31. Оп. 1. Д. 3. Л. 161, 162об.
78. УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1449. Л. 20.

С.А. Санеев (г. Новороссийск, Россия)

Боевой путь канонерских лодок Черноморского флота, названных в честь казачьих войск России

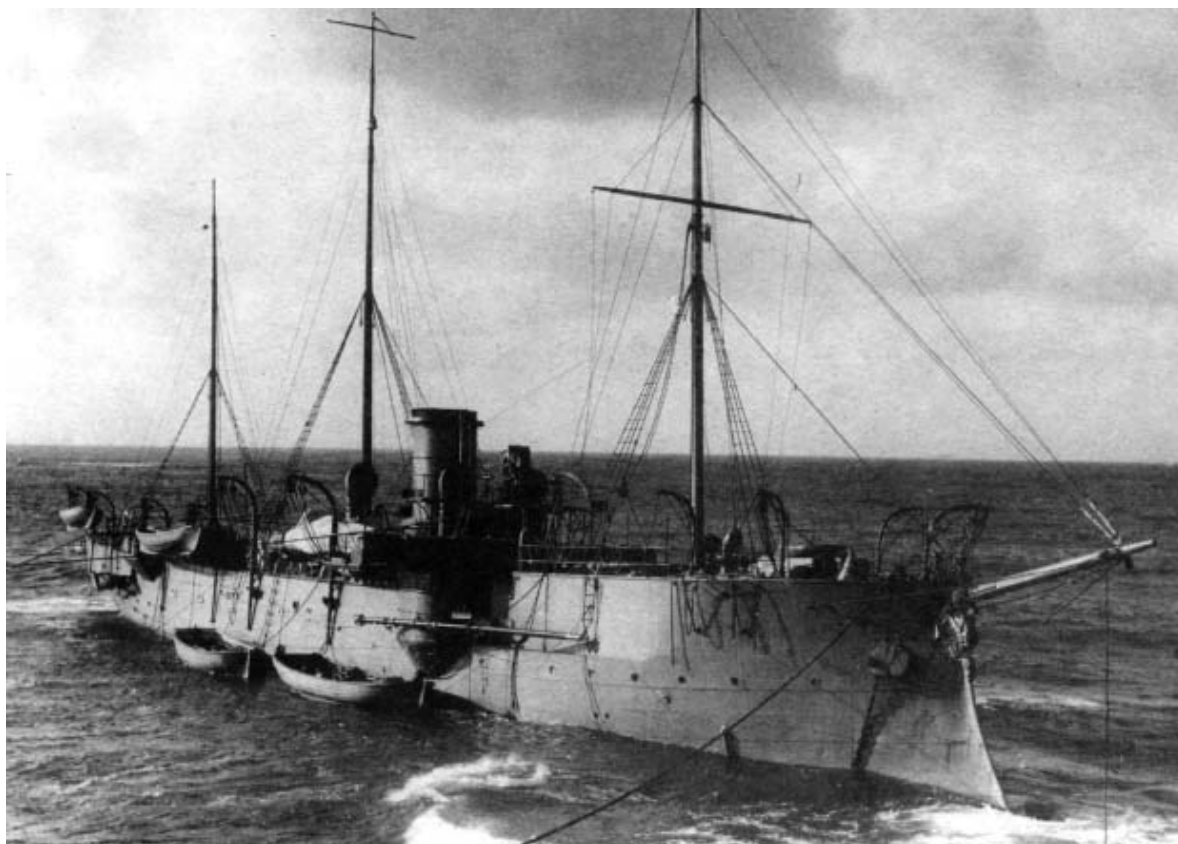
История канонерских лодок Черноморского флота начинается в 80-е годы XIX века, когда угроза вторжения английского флота на Черное море стала реальной. Срочно потребовались корабли, способные нести охрану побережья, сопровождать транспорт на переходе, поддержать десант. Было решено построить шесть броненосных канонерских лодок, более дешевых, чем броненосцы [1].

В 1886 г. на стапелях Николаевского адмиралтейства заложили лодки «Запорожец», «Донец» и «Черноморец» (строители корабельные инженеры штабс-капитан В.К. Берг и Ф.В. Юрьев), на Севастопольском заводе «РОПИТ» – «Уралец», «Терец» и «Кубанец» (строитель корабельный инженер капитан А.П. Торопов) [2].

Лодки были названы в честь основных казачьих войск России.

Небольшие, длиной 67,2 м и водоизмещением 1400 т, корабли имели мощное вооружение: два носовых восьми дюймовых (203 мм) и одно кормовое шести дюймовое (152 мм)

орудия. Под парами скорость была 14 узлов, а при хорошем ветре косые паруса, поднимавшиеся на трех мачтах, давали до 4 узлов. Команда была из 13 офицеров и 165 матросов [3].

Канонерская лодка «Кубанец»

Все лодки вступили в строй 1888 году, а с конца 1889 г., ежегодно сменяя одна другую, они входили в состав Средиземноморской эскадры, которую Россия сформировала по просьбе Греции. Они несли службу в греческом порту Пирей, совершали плавания по Средиземному морю с заходом в порты различных стран, нанося визиты вежливости. Корабли часто посещала греческая королева Ольга, дочь Великого князя Константина. Моряки канонерских лодок стали предшественниками вооруженных сил ООН по наведению порядка между христианами и мусульманами, в основном, на острове Крит и в Турции [4].

В апреле 1894 года «Терец» (командир капитан 2-го ранга Лощинский) оказывал помощь пострадавшим от землетрясения жителям греческого острова Таланта, привезя муку, доски и брусья для строительства домов, закупленные на деньги, собранные офицерами Средиземноморской эскадры и выделенные Министерством иностранных дел России. В Лармесе по просьбе

королевы Греции команда возвела три барака для временного размещения жителей, оставшихся без крыши над головой [5].

Канонерские лодки оказались универсальными кораблями для флота. Их использовали для крейсерской и посыльной служб, они заходили в пограничный Дунай и его притоки, ходили в составе практической эскадры, где на них проходили подготовку новобранцы.

Участвовали лодки в научных исследованиях. В 1890 году «Черноморец» (командир капитан 2-го ранга Смирнов), в 1891 году «Донец» (командир капитан 2-го ранга Мартын) и «Запорожец» (командир капитан 2-го ранга Пуцилло) провели первые на Черном море комплексные глубоководные исследования под общим руководством заведующего отделением Морской обсерватории при Главном гидрографическом управлении подполковника И.Б. Шплиндера [6].

Осенью 1907 г. на «Уральце» у мыса Айя в Крыму под руководством академика А.Н. Крылова проводили опытовые стрельбы «для определения влияния качания корабля на меткость стрельбы» [7].

В 1907 году на канонерские лодки возложили весьма непростое задание по пресечению контрабанды оружия через южные порты России, главным образом, в Батуме, Потии и Сухуме. Сменяя друг друга и базируясь в Батуме, они несли эту службу до самого начала Первой мировой войны [8].

В 1911 году «Кубанец», а в 1912 году «Донец» прошли капитальный ремонт и перевооружение на два шестидюймовых (152-мм) и одно 120-мм орудия Кане, два 75-мм, четыре 47-мм орудия и два 7,62-мм пулемета. Во время войны 47-мм пушки, показавшие свою бесполезность, сняли, а на баке установили 76-мм противозенитную (зенитную) пушку [9].

25 ноября 1911 года канонерские лодки «Запорожец» и «Черноморец» исключили из списков флота. «Запорожец» продали Греции, где он эксплуатировался, как грузовое судно под названием «Ст. Николос». Позднее его перепродали Турции, где под именами «Рихадле», а затем «Боц-Коурд» он работал до конца 20-х годов XX века [10].

«Черноморец», переданный Ведомству Императрицы Марии Фёдоровны, переоборудовали в плавучее общежитие «Приют» для бездомных в Одесском порту, дожившее до середины 20-х годов XX века [11].

18 ноября 1913 года, возвращаясь из очередного средиземноморского плавания, канонерская лодка «Уралец» налетела на камни у Круглой бухты под Севастополем и затонула [12].

16 (29) октября 1914 года «Донец» и «Кубанец» стояли у причалов Одесского порта. Их атаковали вошедшие в порт турецкие миноносцы «Гайрет» и «Муавенет-и-Миллет». «Донец» был потоплен торпедой, а «Кубанец» вступил в бой и нанес два попадания «Муавенет-и-Миллету». Оба турецких корабля сумели уйти из порта. В декабре 1914 года «Донец» был поднят и введен в строй [13].

После этого нападения, ознаменовавшего вступление Турции в войну, «Терец» и «Кубанец» прикрывали минные заградители «Дунай» и «Бештау», выставившие от Одессы до Очакова 550 мин заграждения [14].

1 апреля 1915 года из Константинополя вышел в набег турецкий отряд из крейсеров «Хамидие», «Меджидие» и миноносцев «Муавенет», «Ядигар», Тагиос», «Самсун». Рано утром 3 апреля крейсер «Меджидие» в 15 милях от Воронцовского маяка подорвался на mine и затонул. Отряд вернулся в Константинополь, отказавшись от обстрела берега.

Русские моряки сразу приступили к подъему турецкого крейсера. Охрану судоподъемных работ обеспечивали канонерские лодки «Донец», «Кубанец» и «Терец». После подъема и ремонта турецкий крейсер вступил в состав Черноморского флота под именем крейсер «Прут» [15].

В конце 1915 года «Терец» был поставлен на ремонт, а «Донец» и «Кубанец» направлены в Батумский отряд под командованием капитана 1-го ранга Римского-Корсакова для совместных действий с Приморским отрядом генерала Ляхова. Корабли поддерживали наступление русских войск на турецком побережье. Канонерские лодки имели броневую защиту и небольшую осадку, что позволяло подходить близко к берегу и вести эффективный огонь по укреплениям и позициям противника [16].

Начавшееся 5 февраля атакой турецких позиций у р. Аравге, наступление русских войск завершилось захватом 5 апреля Трапезонда.

«...По существу, овладением крепостью Эрзерумом и Трапезондом, выходом к Ванскому озеру и Мушскую долину в связи с полным разгромом 3-й турецкой армии, от которого она уже ни когда не могла оправиться – кампания на Кавказ-

ском фронте была закончена», – вспоминал генерал Е.В. Масловский, сотрудник штаба командующего Кавказским фронтом генерала Юденича, участник описываемых событий [17].

Летом 1916 года Румыния вступила в войну на стороне Антанты. Канонерские лодки «Донец» (командир капитан 2-го ранга Овод), «Кубанец» (командир капитан 2-го ранга Захарченко) и «Терец» (капитан 2-го ранга Трехачев) вошли в оперативное подчинение командующему румынской Дунайской флотилии контр-адмиралу Болеску. 25 августа они прибыли в Силистрию. Осадка кораблей более 3,5 м ограничивала возможности их применения на реке Дунай, тем не менее, лодки оказали существенную помощь войскам правого фланга Добруджинской и Дунайской армиям [18].

Здесь и застала их революция 1917 года. В январе 1918 года им пришлось повоевать с румынами, защищая Измаил и дельту Дуная, после чего они отошли в Одессу, а «Терец» ушёл в Севастополь. После занятия Одессы немцами «Донец» и «Кубанец» были включены в состав бригады траления Флота Украинской державы, а канонерская лодка «Кубанец» 18 сентября была переименована в «Запорожец» [19].

В декабре 1918 года после ухода немцев «Кубанца» сумели укомплектовать кадетами, гимназистами, учениками технических школ, восторженной молодежью, желавшей морской романтики. «Кубанец» вошел в состав флота Добровольческой армии. На «Донца» команды не нашлось.

Весной 1919 года Красная Армия подошла к Одессе. Всё, что можно было, французы увели в Севастополь. А канонерские лодки «Донец» и «Кубанец» в апреле вывели к Тендровской косе, где уже стояло два десятка кораблей и судов, и просто бросили [20].

В мае «Донец» штормом выбросило на броненосец «Чесма». Получив повреждения корпуса, она затонула. 28 ноября 1921 года корабль был поднят и отведен в Севастополь, а в 1928 году разобран на металл [21].

Вскоре Красная Армия подошла к Севастополю. Ремонтирующийся «Терец» под командованием капитана 2-го ранга Я.В. Шрамченко ход дать не смог и его перевели в Новороссийск на буксире, где ремонт был продолжен на предприятиях города [22].

14 (27) мая вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий» привел в Новороссийск с Тендровской косы канонерскую лодку

«Кубанец». При осмотре лодки выявили наличие трещин в цилиндрах паровой машины. Ремонт признали нецелесообразным, сняли орудия и установили их на бронепоезда. Лодку передали Новороссийской спасательной партии в качестве плавбазы [23].

После оставления Крыма частями Красной армии «Терец» вернулся в Севастополь. Здесь ремонт закончили, продоковали и он вышел на службу в Днепро-Бугский лиман, обстреливая побережье, занятое войсками Красной Армии. В сентябре и октябре был стационаром в Батуми. А в ноябре «Терец» снова встал на ремонт [24].

В августе в Севастополь перевели «Кубанца», где его использовали для подъёма линкора «Императрица Мария».

11 января 1920 года канонерская лодка «Терец» вышла в Азовское море и встала недалеко от города Геническ, поддерживая огнём отряд полковника Г.К. Главицкого. 20 января лодку затёрло льдами и посадило на мель, сделав из нее неподвижный форт на фланге Арабатского отряда. В тяжелейших условиях, почти без топлива, «Терец» провоевал больше трех месяцев [25].

20 апреля «Терца» сумели снять с мели и привести в Севастополь. Экипаж лодки был отмечен командованием. П.Н. Врангель лично вручил команде Георгиевские кресты, но лодку, требовавшую капитального ремонта, поставили в отстой. При эвакуации Крыма обе канонерские лодки «старые военные суда с испорченными механизмами, негодными даже при перевозке людей» были оставлены в Севастополе [26].

После освобождения Крыма «Терец» был восстановлен как боевой корабль и под именем «Знамя социализма» вошёл в состав Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Несмотря на свои три десятка лет, это был один из сильнейших кораблей Черноморского флота. Остальные были уведены в Бизерту, приведены в негодность или затоплены [27].

Осенью 1926 года канонерская лодка «Знамя социализма» (командир Александров) отправилась в свой последний поход. 28 сентября 1926 года она прибыла в Новороссийск. В 1931 г. корпус лодки передали ЭПРОНу – экспедиции подводных работ особого назначения, где он использовался как плавучий склад-мастерская и в конце 30-х годов разделили на металл [28].

С ЭПРОНом связана послереволюционная судьба и канонерской лодки «Кубанец». В 1921 году она была поднята и переоборудована в судоподъемное судно «Помощь», а 17

декабря 1923 года приказом по ОГПУ № 528 спасательное судно «Кубанец» включается в состав ЭПРОН (экспедиции подводных работ особого назначения). 24 июня 1924 года судно получает новое имя «Красный Кубанец» [29]. В 1924 году «Красный Кубанец» работал на подъеме подводной лодки «Пеликан», затопленной на входе в Одесскую гавань. Весной 1925 г. его перевели в Цемесскую бухту и он приступил к очистке акватории порта и подъему затопленных кораблей. Руководил работам Ф.А. Шпакович, опытный водолаз русского флота, занимавшийся судоподъемом с 1905 года [30].

Всего за 1925–1927 г.г. были подняты танкер «Эльборус», землечерпалка, эсминцы «Калиакрия», «Пронзительный», «Стремительный», «Сметливый», «Капитан-лейтенант Баранов», «Лейтенант Шестаков». Однако, в 1927 году Штат управления ЭПРОН был сокращен на 30%, были закрыты береговые мастерские, значительная часть специалистов была сокращена и уволена. В конце 1928 г. спасательное судно «Красный Кубанец» продали Госрыбсиндикату. Переоборудованный в цех по переработке рыбы и склад «Красный Кубанец» проработал до 29 сентября 1939 года, когда остатки канонерской лодки окончательно списали и раздели на металл [31].

Примечания

1. Мельников Р.М. Крейсер «Очаков». Л., 1986. С. 14.
2. Мельников Р.М. Черноморские канонерские лодки типа «Запорожец» // 1986. № 12. С. 50.
3. Мусеев С.П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 гг.). М., 1948. С. 320–323.
4. Тифлисский листок. 1909. № 93 // <http://www.genocide.ru/lib/nersisyan/090-098.htm> (со ссылкой на Архив внешней политики России).
5. Морская коллекция. 2012. № 4. С. 20.
6. Гидрография Черноморского флота (1696–1982). Исторический очерк. Севастополь, 1984. С. 45–46; Игнатъев С.М., Красницкий О.В., Иванов А.В. Суда и экспедиционная деятельность Севастопольской биологической станции (1871–1911 годы) // Гангут. СПб., 1996. Вып. 10. С. 96.
7. Крылов А.Н. Мои воспоминания. Л., 1984. С. 130.
8. <http://test23.ru/index.php?lin=new&stat=1241034308>, ссылка на Государственный архив Краснодарского края: Ф. 468. Оп. 1. Д. 21. Л. 24.
9. Мусеев С.П. Указ. соч. С.320–323.

10. Новороссийский городской архива (НГА). Ф. 17. Оп. 1. Д. 160. Л. 22.
11. Морская коллекция. 2012. № 4. С. 32.
12. <http://wap.tsushima4.borda.ru/?1-17-0-00000001-000-280-0>
13. Гангут. 1996. Вып. 10. С. 123.
14. http://rgavmf.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=381:---1-----&catid=58:2010-11-10-05-21-07&Itemid=56
15. http://forum.worldofwarships.ru/index.php?/topic/2126-D1%82%D1%83%D1%80%D0%B5%D1%86%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%82-%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%B9%D1%81%D0%B5%D1%80-%C2%AB%D0%BF%D1%80%D1%83%D1%82%C2%BB/page__p__79994#entry79994
16. Новиков Н.В. Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 годах. М., 1937. С. 127–135.
17. Масловский Е.В. Мировая война на Кавказскомъ фронте. 1914–1917 г. “Le Renaissance”. 2 rue de Sèze, Paris-XI-ème. С. 330.
18. Катаев. Мореходные канонерские лодки типа «Кореец». СПб., 2006. С. 96
19. Штик Тарас. КОРАБЛІ УКРАЇНСЬКОЇ ФЛОТИЛІЇ (1917–1918 рр.) интернет-ресурс: <http://www.uarmy.com.ua/ALMANAH/ALMANAH03/article12/art12.html>, на украинском языке
20. Варнек П.А. Образование флота Добровольческой армии // Черноморский флот / Сост. В.Доценко. М., 2002. С. 125.
21. Корабли и вспомогательные суда Советского военно-морского флота (1917–1927 гг.). М., 1981. С. 255.
22. НГА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 49. Л. 349, 451.
23. Морская коллекция. 2012. № 4. С. 30.
24. Кадесников Н. Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 годах // Флот в Белой борьбе / Сост., научн.ред., предисл. и коммент. С.В. Волкова. М., 2002.
25. Слащев-Крымский Я.А. Белый Крым 1920 г. М., 1990 г. С. 70–71.
26. Воспоминания барона П.Н. Врангеля. Ч. 2. М., 1992. С. 431.
27. Корабли и вспомогательные суда Советского военно-морского флота С. 256.
28. Морская коллекция. 2012. № 4. С. 31.
29. Корабли и вспомогательные суда Советского военно-морского флота. С. 257.
30. Оскольский И.И., Тюрин В.И. Мастер судоподъема – Ф.А. Шпакович // Судостроение. 1993. № 8–9. С. 51.
31. Юрганов В. Служба особого назначения»// <http://yuvit.mylivepage.ru/wiki/580/273>.

Кубанский военный врач И. Ф. Косинов: штрихи биографии

В этом году исполнилось 150 лет со дня основания курорта Горячий Ключ на минеральных источниках в долине реки Псекупс. По мнению историков здравницы [1, 2], большой вклад в развитие лечения водами и в рост курортного поселка в начале XX в. внес выходец из казачьей офицерской семьи – военный врач Иван Филиппович Косинов (1867–1929). В то же время для многих кубанских авторов деятельность Косинова-медика – лишь фон для его литературного творчества и общественной деятельности [3, 4, 5, 6].

При всем интересе к личности И. Ф. Косинова профессиональная среда, в которой он работал, остается вне поля зрения исследователей, а в биографических данных о нем немало неоднозначностей. Впрочем, так было и прежде: даже официальные источники («Перемены в личном составе военно-медицинской части», печатавшиеся в «Военно-медицинском журнале»), фиксируя этапы службы врача, меняли его фамилию. Первое сообщение об Иване Филипповиче гласило: «20.06.1893 г. *Касимов*, (здесь и далее курсив наш. – К.Р.) окончивший курс в Московском университете со степенью лекаря, определен в службу младшим врачом в управление Ейского отдела Кубанской области». Чин коллежского асессора в 1898 г. получал младший врач Ейского отдела *Косинов*, а переходил 12.02.1899 г. в Псекупскую больницу уже *Касинов*. И т. д.

Другой пример. По словам автора [5], Иван Филиппович Косинов родился 24.01.1867 г. в станице Абадзехской. В 1878 г. его отцу – войсковому старшине – удалось определить сына в Кубанскую войсковую гимназию, а с 1887 г. Иван Косинов учился на медицинском факультете Московского университета на средства Кубанского казачьего войска.

Да, среди первопоселенцев станицы Абадзехской в 1862 г. были два офицера 1-й бригады Кубанского войска из станицы Казанской – есаул Филипп Косинов и сотник Николай Косинов [7]. Но нам не удалось найти упоминаний войскового старшины Филиппа Косинова в ежегодных кубанских

справочниках за вторую половину 1870-х гг. Так что не исключено, что его сын учился уже как сирота.

Затем Иван Косинов 6 лет прослужил в управлении Ейского отдела. Некоторые авторы пишут [6], что молодой лекарь, оттачивая свое критическое перо, лечил больных в *Ейске*. Но управление Ейского отдела находилось в станице Уманской – там же, где и Уманская войсковая больница того же отдела, но в сотне верст от портового города Ейска.

Начальником И.Ф. Косинова был коллежский советник, старший врач Ейского отдела Михаил Алексеевич Давыдов (род. в 1850 г., лекарь с 1877 г.). Ранее Давыдов состоял старшим врачом Уманской войсковой больницы, а 26.11.1892 г., не покидая станицы, поменялся должностями с коллежским советником Яковом Францевичем Толкиным (родился в 1854 г., лекарь с 1876 г.), состоявшим в 1888-1892 гг. старшим врачом управления Ейского отдела, а в 1892-1898 гг. – старшим врачом Уманской войсковой больницы. Эти два опытных врача и были первыми наставниками И.Ф. Косинова.

Литературоведы любят подчеркивать, что начинающий писатель Косинов ругал свое начальство: оно-де называет его – врача! – даже не чиновником, а *разгонной лошадью*. Но без представления М.А. Давыдова его подчиненного не командировали бы в 1896 г. в Тифлис, в Военно-медицинскую лабораторию, учрежденную «в потребность Кавказского военного округа для производства научных исследований по вопросам санитарно-гигиеническим, медико-полицейским и судебно-медицинским». Врачей с мест, выказавших в Тифлисе исследовательские способности, округ посылал в Петербург готовить диссертацию на степень доктора медицины.

Результатом научной работы посланца Ейского отдела в Тифлисе стала статья в столичном еженедельнике, опубликованная летом 1897 г. [8] – на год раньше, чем «Путевые наброски. Из Ейска через Майкоп в Новый Афон». Эти очерки, печатавшиеся в «Кубанских областных ведомостях» осенью 1898 г., литературоведы числят первым успехом И. Ф. Косинова-писателя.

Однако в столичную адъюнктуру Косинов не поехал, а вернулся в Ейский отдел. Доктором медицины он так никогда и не стал – вопреки расхожему мнению. Год работы Косинова в Тифлисе имел, похоже, иные последствия: в окружной лаборатории служил магистр фармации Артур Штакман, еще в 1883 г. опу-

бликовавший анализ воды источников Горячего Ключа и позже не оставлявший темы вод Кавказа: в 1888 г. вышла его брошюра «Боржомские и Цагверские минеральные воды»; в 1901 г. – статья А.А. Штакмана и А.Х. Григорьева «Минеральные источники верховьев рек Кубани», а в 1903 г. – капитальный труд «Питьевые воды Кавказа». Вероятно, мнение Штакмана об источниках Горячего Ключа и побудило Косинова проложить маршрут отпускной поездки 1898 г. через ущелье Псекупса: «Из Екатеринодара я отправился в кубанский курорт – Горячий Ключ! За пять лет службы мне столько натурчали в уши об этом ключе, что не было никакой возможности не поехать и не посмотреть. Любопытство тем более законное, что, с одной стороны, Горячий Ключ превозносят, а с другой стороны, казаки при назначении их на минеральные воды заявляют врачу, что они не желают ехать на «горящие воды». <...> Как жаль, что лечебные места непременно находятся в этаких чертозубинах! Говорят, что зимой в больнице бывает не больше 10 человек, и не мудрено: по таким дорогам и здоровый человек захворает.» [5].

В силу этого интереса можно предположить, что И.Ф. Косинова, никогда прежде не занимавшегося бальнеологией, перевели на должность младшего врача Псекупской войсковой больницы, при которой работал курорт, по собственному желанию – а не сослали в наказание, как иногда пишут.

Впрочем, перед этим он вторично выступил (с соавторами) в том же петербургском еженедельнике – на сей раз в эпистолярном жанре: «Многоуважаемые ейские товарищи И.Х. Городецкий, А.И. Зенкевич, И.Ф. Косинов, Т.Я. Погребецкий и А.И. Салтыков прислали нам довольно безграмотное объявление некоего Мержеевского <...>. Господин Мержеевский, по ремеслу портной, нашел, что лечить выгоднее, чем шить платье. Ради расширения дела он поучился массажу у д-ра Безчинского в Ростове на Дону и получил от него соответственное свидетельство. Вскоре у него уже были обычные удостоверения об излечении им больных, которых прежде тщетно лечили врачи. И вот родился кабинет для лечения массажем, где лечат всевозможных больных – и все это вдобавок под наблюдением д-ра М. В. Райгородского» [9].

Последняя фраза – прозрачный намек на коррупцию: Меер Вениаминович Райгородский (род. в 1858 г., лекарь с 1884 г.), много лет практиковавший в Ейске, исполнял должность го-

родского санитарного врача и, стало быть, представлял власть. Исаак Хаймович Городецкий (род. в 1864 г., лекарь с 1891 г.) зарабатывал в Ейске вольной практикой, должностей не занимая. Товий Яковлевич Погребецкий (род. в 1857 г., лекарь с 1883 г.) и Андрей Иванович Салтыков (род. в 1859 г., лекарь с 1888 г.) служили в Ейске врачами городской больницы. Наконец, Анатолий Игнатьевич Зенкевич (род. в 1860 г., лекарь с 1886 г.) иногда состоял врачом женской прогимназии и городского реального училища, но чаще тоже вольно практиковал.

Появление в Ейске массажиста совсем не затрагивало личные интересы И.Ф. Косинова, служившего в станице Уманской. Реклама услуг бывшего портного была самой обычной: он обещал излечить массажем «хронические запоры и поносы, подагру, невралгию, парез, паралич, хроническое воспаление суставов, нервные болезни и мигрень, мочеполовые болезни женские и мужские, а также ожирение брюшных покровов».

Зато матерым ейским эскулапам Мержеевский был прямым конкурентом, отбивавшим у них больных. Можно думать, что, узнав о проторенной И.Ф. Косиновым дороге в столичную редакцию, известную «прогрессивными» взглядами, они решили с помощью врача-станичника свести местные счета под лозунгом борьбы за чистоту врачебных идеалов.

Этот коллективный донос впервые доставил И.Ф. Косинову репутацию писателя обличительного толка. И он ее охотно поддерживал: вышеупомянутые «Путевые наброски» изобилуют (см. [5]) разваленными плетнями; кривыми, узкими улицами; плохенькими домишками; есть даже церковь, выкрашенная в виде гроба, и т. п., — с намеками на то, что виноваты в этом власти («мост, построенный вопреки рассудку»; «и кому пришла блажная мысль поселить здесь станицу?!»). Кажется, что и нескончаемый дождь идет над путником тоже по вине самодержавного режима.

Не скупился писатель Косинов на темные краски и в описаниях курорта, куда приехал работать: «В 1869 г. Кубанское казачье войско получило окончательное устройство, но Псекупские воды были забыты, временные правила не были отменены, а новые — не составлены, и в управлении водами и местечком Горячий Ключ существовал беспорядок. Путаница еще больше увеличилась с тех пор, как в Бозе почившим Государем Императором были подарены Кубанскому войску

лесные дачи, в район которых вошли и Псекупские воды. Неустройство в управлении местечком продолжается и до настоящей минуты. <...>. Между ваннами и местечком расположена войсковая больница. Это старое деревянное здание казарменного вида. <...>. Была здесь химическая лаборатория, но химик был откомандирован; инструменты и посуда постепенно портятся и вскоре совсем исчезнут. <...>

Свод бассейна (солено-йодо-бромистого источника, дававшего воду для питья при страданиях желудка. – К. Р.) разбит жителями станицы Ключевой и источник засорился; больным приходится предварительно сливать ведер 10 воды, и потом уже набирать ее своей посудой и пить. <...> Вся жизнь кипит в Горячем Ключе от 15 июня до конца июля; потом начинается разъезд и к 15 августа остается несколько человек» [10].

А вот описание им соленых источников в окрестностях курорта: «Когда я пришел к колодцам, около верхнего лежало старое долбленое корыто, все рассыпавшееся от времени и непогод. <...> Колодезь изображал собою лужу с затхлой, заржавевшей соленой водой. <...> Действие ее сильно слабительное, присутствие йода указывает на то, что источник пригодится со временем для лечебных целей. В настоящее же время водою пользуются олени и дикие козы, что видно по множеству следов их <...>. Жители хутора Старообрядческого солят в этой воде огурцы» [11].

По поводу будущего Горячего Ключа И. Ф. Косинов также не питал радужных надежд. Ведь чтобы поставить курорт на надлежащую высоту, требовались несколько сот тысяч рублей – для постройки новых ванн с гидротерапевтическими приспособлениями и кабинетом для электризации, усовершенствованных холодильников, водопровода, дренажа, больницы, курзала и т. д. Власти таких денег не давали, и курорт, по мнению Косинова, был обречен «оставаться без движения».

Итак, младший врач Псекупской больницы смотрел на свою работу с пессимизмом. И, как следствие, он не раз пытался ее оставить.

Иначе относился к делу начальник Косинова – старший врач Псекупской войсковой больницы Петр Константинович Кадкин. К полувековому юбилею Горячего Ключа оба врача удостоились занесения на обелиск среди «потрудившихся на благо курорта» (рис. 1). Но вклад их был не равным. Доктор

медицины (настоящий!) П. К. Кадкин (1859 – после 1925), защитив диссертацию, руководил больницей и курортом 16 лет, начиная с 9.04.1891 г. Он был патриотом бальнеологии и Горячего Ключа, и умел не только замечать и живописать недостатки, но и исправлять их.

П. К. Кадкин, до Псекупса работавший на Абастуманском курорте, имел публикации по бальнеологии – например, «Материалы по вопросу о выделении ртути с мочой у сифилитиков под влиянием теплых ванн» (1887). Благодаря его публикациям и выступлениям в столице [12, 13] о кубанском курорте знали коллеги по всей России. Кадкин восстанавливал заброшенное нерадивыми предшественниками и приглашал в Горячий Ключ фармакологов, ведавших в то время бальнеологией и учением о минеральных водах. При нем (не при Косинове!) здесь были открыты новые ваннные здания и многое сделано для комфорта пациентов. Под началом П.К. Кадкина курорт стал градообразующим предприятием Горячего Ключа.

Свое детище Петр Константинович опекал и после того, как в 1907 г. его перевели в Екатеринодар на должность помощника областного врача. Он поддерживал и инициировал ходатайства, по которым в 1911 г. в штат Екатеринодарской войсковой больницы был добавлен фармацевт, командиремый на Псекупские воды на время лечебного сезона; в 1912 г. при Псекупской больнице построили 2 летних барака, прачечную и сушильню. В 1913 г. Кубанским войском было ассигновано 200 руб. на исследование радиоактивности Псекупских источников. Наконец, в августе 1914 г. был установлен денежный отпуск в двойном размере на содержание, расширение и благоустройство Псекупских вод – 4000 руб.

И.Ф. Косинов, тоже работавший в Горячем Ключе много лет, долгое время не был таким патриотом курорта и старался уйти отсюда – на повышение. И ушел: в Терском казачьем войске учредили войсковую больницу в станице Новогладковской, и 12.07.1904 г. надворного советника *Касинова* назначили ее старшим врачом. Но уже 2.09.1904 г. его вернули младшим врачом в Горячий Ключ и отправили на русско-японскую войну.

В чин коллежского советника И.Ф. Косинов (*Касинов*) был произведен 26.06.1905 г. как старший врач 7-го Кубанского пластунского батальона, который в составе сформированной в ноябре 1904 г. 2-й Кубанской пластунской бригады во-

евал в Манчжурии. По возвращении на родину (10.05.1906 г.) *Касинов* был назначен старшим врачом в Апшеронскую войсковую больницу на 25 коек. И лишь 17.04.1907 г. он вернулся в Псекупскую войсковую больницу – теперь уже старшим врачом.

С этого времени количественные показатели работы Горячего Ключа, а с ними и доходы курорта, начали быстро расти – до Первой мировой войны они увеличились в несколько раз; на наш взгляд, этот прогресс был плодом многолетних стараний П.К. Кадкина. Косинов же, по-видимому, поначалу растерялся при виде растущего потока больных в Горячем Ключе и решил оставить службу: 8.03.1909 г. старший врач Псекупской больницы коллежский советник Иван *Касинов* был уволен по прошению с чином статского советника и мундиром (но без пенсии, которую еще не выслужил).

Между тем приближался курортный сезон, и 21.05.1909 г. старшим врачом в Псекупскую войсковую больницу был назначен пожилой коллежский советник Александр Васильевич Малинин (род. в 1849 г.), до того служивший в Новгороде. Однако и ему эта ноша оказалась не по плечу – в декабре Малинин тоже был уволен от службы по прошению.

И спустя еще два месяца – 14.02.1910 г. – отставной статский советник Иван *Касинов* был снова определен в службу старшим врачом в Псекупскую больницу, но с понижением в чине до прежнего – коллежского советника. Таковым Иван Филиппович и остался до самой революции 1917 г.

Лишь с 1910 г. И.Ф. Косинова можно считать подлинным руководителем в Горячем Ключе. Теперь он стал находить, что в Горячем Ключе все хорошо. Старший врач больше не пытался уехать, перестал писать декадентские тексты, докучать начальству жалобами и критикой. Он возвел в Горячем Ключе солидный особняк с итальянскими (мавританскими?) окнами, и сегодня продолжающий служить городу как Дом детского творчества; построил на своем участке и на свои средства школу, разбил ботанический сад для отдыха и занятий учащихся. Наконец, удачно подготовил и провел в июле 1914 г. полувековой юбилей курорта, памятниками которого и сегодня остаются «арка со львами» и обелиск.

Но служить под началом старшего врача Косинова было, по-видимому, нелегко. Во всяком случае, между 1910 и 1917 гг. на должности младшего врача Псекупской войсковой боль-

ницы сменилось пять врачей: П.А. Америков, Г.Д.Функ, А.Е.Капустян, В.В.Уколов и В.Ф.Бубнов

Начиная с 1914 г., история курорта и биография И.Ф. Косинова изобилуют пробелами. Ничего не известно о том, включился ли Горячий Ключ, как другие курорты Северного Кавказа, в лечение раненых и больных воинов в годы Первой мировой, а затем Гражданской войны. На чьей стороне был врач Косинов, побывавший и городским головой при белых, и товарищем председателя Военно-революционного комитета (ВРК) при красных? Как отнеслась к нему утвердившаяся советская власть? Почему на анкете члена Горячеключевского ВРК И.Ф. Косинова (она хранится в городском музее) наложена резолюция «Отстранить»?

Не ясно, когда и почему Косинов уехал из Горячего Ключа, и так ли добровольно, как пишут, он подарил властям свой дом с кабинетом врача, большой библиотекой и пианино. В статье И.Ф. Косинова, опубликованной в 1923 г., есть строки, плохо согласующиеся с этой версией – они говорят, скорее, о поспешном бегстве (высылке?) врача из Горячего Ключа: «У меня когда-то была собрана статистика, составленная по историям болезни, но все мои рукописи погибли и не могут быть восстановлены» [14].

Действительно, Управление Уполномоченного Наркомздрава РСФСР по делам курортов Кубани и Черноморья скупо сообщало в 1921 г. – курорт Горячий Ключ не работает как госучреждение «из-за набегов зеленых» и недостатка транспорта. Немногим лучше было и позже: «Хотя Псекупские источники и пользуются широкой и заслуженной известностью среди местного станичного населения, все же благодаря трудности сообщения (50 верст плохой дороги от Краснодара) два последние летние сезона курорт почти не функционировал, а работала только сернолечебница по отпуску ванн для небольшого числа жителей окрестных станиц. Возможно, что благодаря указанным трудностям сообщения придется отказаться от мысли устроить в Псекупсе санатории и использовать его для госбольных, и ограничиться только работой сернолечебницы» [15].

Так что И. Ф. Косинов не преувеличивал в своей последней статье: «Кто знаком с Горячим Ключом, тот знает, что там вопиющее отсутствие каких-либо удобств для больных: вместо дорог – пути полного разобщения; помещения для

больных – летние, сырые и холодные; тротуаров, мостовых, освещения, водопровода нет, отхожие места примитивные, продуктов на базаре нет и о каком-либо диетическом лечении нечего и помышлять. <...> К сожалению, источник находится в полном забросе, плохо каптирован и дает мало воды. <...> *Находишь Псекупские минеральные воды в руках немцев, они живо очистили бы эту истинную жемчужину от кучи навоза и вставили бы ее в подобающую ее ценности оправу. Мы же, русские, к сожалению, совершенно не способны к этому*, и вот минеральные воды с самой сильной минерализацией среди горячих серных вод и с замечательной целебной силой находятся в полном загоне»[14].

Да, в советском Краснодаре к врачу-писателю вернулись критический взгляд на жизнь и своеобразный саркастический юмор. Но новые власти вряд ли одобрительно отнеслись к «непатриотичным» словам Косинова: их вполне могли расценить не как словесную фигуру речи, а как тоску по интервенции.

Так или иначе, но когда у большевиков дошли руки до заброшенного курорта, поликлинику в Горячем Ключе возглавлял не И.Ф. Косинов, а другие врачи. Пока не подтверждено документально мнение некоторых авторов, будто он работал в Курортном управлении Кубано-Черноморской области. И в статье 1923 г., и в списке российских врачей на 1925 г. Косинов, которому не было еще и 60 лет, значился не занимающим должности.

Ни в «Кубанском научно-медицинском вестнике», ни в «Курортном деле» не нашлось некролога или хотя бы сообщения о его смерти. Поэтому год и место последней (1929 г., ст. Славянская) сегодня приводят с оговоркой «по утверждениям горячеключевского краеведа К.Д. Еременко» (1917–2002).

В общем, биография Ивана Филипповича Косинова не столь проста, какой ее изображают, а перипетии последних 15 лет жизни врача все еще ждут своих исследователей. И, конечно, хочется, чтобы это были кубанские историки и краеведы: выяснить, как жил и работал именитый земляк – дело в первую очередь их чести. Да и выяснять на месте проще, чем из-за границы.

* * *

Автор благодарит сотрудников Городского исторического музея г. Горячий Ключ за помощь в работе над данной ста-

твей и серией очерков «Военные медики в истории курорта Горячий Ключ (1864–1916)».

Примечания

1. *Лебеде́нко Г.Б.* Курорту Горячий Ключ – 145 лет. Краснодар, 2009.
2. *Харалдина З.Е.* Становление и развитие санаторно-курортного дела в Кубано-Черноморском регионе: вторая половина XIX – начало XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2008. – 240 с.
3. *Еремеева А.Н.* К биографии И.Ф.Косинова // Кубань литературная: Материалы научно-теоретической конференции.- Краснодар, 1994. С. 11–13.
4. *Пивник А.Н.* И.Ф.Косинов // Кубань: проблемы культуры и информатизации. – 1998.- № 2. – С. 34.
5. *Петрова-Хорина Н.Н.* Косинов Иван Филиппович // journ.ksei.ru/netcat_files/userfiles/kafjurnal/Kubans.zhurn.vchera%20i%20segodnya.
6. *Чебыкин В.А.* Мир Кубани в художественных произведениях // Интернет-ресурс proza.ru 2014/01/18/725.
7. История станицы Абадзехской и ее первые жители // Интернет-ресурс ru.convdocs.org/docs/index-44302.
8. *Косинов И.Ф.* Обеззараживающие свойства нозофена // Врач. 1897. № 27. С. 757–759.
9. Хроника и мелкие известия. Заметка 1559 // Врач. – 1897. – № 38. – С. 1111.
10. *Косинов И.Ф.* Псекупские минеральные воды и их окрестности. Статистические сведения, извлеченные из отчетов о лечении больных Псекупскими минеральными водами за 1897, 1898, 1899 и 1900 гг. // Кубанский сборник. – 1901. – Т. 7. – С. 227–258.
11. *Косинов И.Ф.* Соленые источники близ Горячего Ключа // Известия ОЛИКО. – 1902. – Вып. 3. – С. 67–69.
12. *Кадкин П.К.* Псекупские минеральные воды. Медико-топографический очерк // Военно-медицинский журнал. – 1897. – Ч. 189, май. – С. 215–259.
13. *Кадкин П.К.* Краткое описание Псекупских минеральных вод // Труды I Всероссийского съезда деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии. – СПб., 1899. – Т. 1. – С. 735–739.
14. *Косинов И.Ф.* Заметка о Псекупских минеральных водах // Кубанский научно-медицинский вестник. – 1923. – № 1–4. – С. 159–160.
15. Хроника Управления Главноуполномоченного НКЗ по делам курортов Кубани и Черноморья // Кубанский научно-медицинский вестник. – 1923. – № 1–4. – С. 175–180.

Сведения об авторах

Абдулаева Мадина Изамудиновна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук (г. Махачкала, Россия)

Абрамян Рафаэл Михайлович, кандидат педагогических наук, председатель Армянского историко-родословного общества, заместитель директора Департамента развития и регулирования внешнеэкономической деятельности Министерства экономического развития Российской Федерации. (г. Москва, Россия)

Бабич Александр Владимирович, главный специалист ГКУ «Государственный архив Краснодарского края» (г. Краснодар, Россия)

Баразбиев Муслим Исмаилович, кандидат исторических наук, проректор по безотрывным и дистанционным формам обучения Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик, Россия)

Батчаев Шамиль Мухтарович, кандидат исторических наук, начальник отдела использования и публикации документов Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики (г. Карачаевск, Россия)

Брацун Егор Васильевич, соискатель кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета, член правления общественно-исторического движения «Белая Кубань» (г. Краснодар, Россия)

Вартаньян Эгнара Гайковна, доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия)

Веригин Андрей Борисович, кандидат философских наук, консультант отдела планирования и обеспечения основных мероприятий департамента управления делами Администрации Краснодарского края (г. Краснодар, Россия)

Галич Александр Михайлович, ведущий специалист ГКУ «Государственный архив Краснодарского края» (г. Краснодар, Россия)

Геращенко Елена Касимовна, краевед, потомок дворянских родов Штейпов и Старков (г. Краснодар, Россия)

Глотова Ольга Александровна, потомок морской династии Развозовых (г. Москва, Россия)

Далгат Эльмира Муртазалиевна, доктор исторических наук, профессор Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, заведующая отделом «Истории Дагестана XIX-начала XXI века» (г. Махачкала, Россия)

Зимовина Ольга Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГНУ Российской академии образования «Институт образовательных технологий» (г. Сочи, Россия)

Извеков Игорь Николаевич, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник ФГНУ Российской академии образования «Институт образовательных технологий» (г. Сочи, Россия)

Карпов Михаил Валерьевич, научный сотрудник отдела истории и этнографии КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар, Россия)

Кияшко Никита Витальевич, студент II курса Сретенской духовной семинарии, член местного отделения РОИА Северского района (г. Москва, Россия)

Марзоев Ислам-Бек Темурканович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, председатель Северо-Осетинского историко-родословного общества (г. Владикавказ, Россия)

Мартианова Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, философии и гуманитарных дисциплин института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления им. К.В. Россинского (г. Краснодар, Россия)

Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия)

Русанов Константин Викторович, научный сотрудник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (г. Харьков, Украина)

Санеев Сергей Александрович, краевед, секретарь Новороссийского исторического общества (г. Новороссийск, Россия)

Сезин Сергей Юрьевич, соискатель кафедры украиноведения Кременчугского Национального Университета имени М. Остроградского (г. Кременчуг, Украина)

Слободенюк Виктор Викторович, ведущий специалист ГКУ «Государственный архив Краснодарского края» (г. Краснодар, Россия)

Фролов Борис Ефимович, старший. научный сотрудник отдела истории и этнографии КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар, Россия)

Чикаева Карина Суреновна, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и культурологии ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет» (г. Краснодар, Россия)

Шевченко Галина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия)

Шкуро Владимир Ильич, заслуженный работник Архивной службы Кубани, историограф Дворянского Собрания Кубани (г. Краснодар, Россия)

Содержание

Раздел I. Российская империя в Первой мировой войне

А.Б. Веригин

Верховный главнокомандующий Русской армией
и флотом Император Николай II 3

Э.М. Далгат

Горцы Северного Кавказа
на фронтах Первой мировой войны 13

И.Т. Марзоев

Тагаурские алдары на фронтах
Первой мировой войны 19

Ш.М. Батчаев

Участие представителей рода Соколовых-Крым-
Шамхаловых в Первой мировой войне 25

М.И. Абдулаева

Дагестан в годы Первой мировой войны 29

К.С. Чикаева

Деятельность Дворянского Собрания Ставропольской
губернии с Терской и Кубанской областями
в годы Первой мировой войны 36

Н.В. Кияшко

Губернатор А.И. Кияшко и Великая война:
внутреннее состояние Забайкалья в военное время 42

О.А. Зимовина

Сочи в Первой мировой войне 48

Е.В. Брацун

«Из казаков станицы Кореновской»:
жизнь и судьба хорунжего Кубанского
казачьего войска И.И. Оксаковского 51

А.М. Галич

Георгиевский кавалер Н.И. Павловский 58

И.Н. Извеков

Участник Первой мировой войны
Николай Петрович Извеков (1869–1933) 63

В.В. Слободенюк

Кавалер Георгиевского оружия
Андрей Михайлович Труфанов 71

М.В. Карпов

Неизвестные награды Василия Даниловича Гамалия ... 79

Раздел II.

**Мировая война и культура. Традиции служения,
жизненный мир и духовное наследие
российских сословий**

Э.Г. Вартаньян

Первая мировая война и искусство модернизма
(на примере творчества русских живописцев
начала XX в.) 82

О.В. Матвеев

«Пластунский батько»: из жизни
и военно-исторического
наследия генерала И.Е. Гулыги 93

И.Ю. Мартианова

Мемуаристы об изменении жизненного
мира российских дворян после сообщения
о начале Первой мировой войны (1914 г.) 110

Е.К. Геращенко

Первая мировая война. Жизнь
в тылу и на фронтах (на примере семьи Штейн
и ее родных) 120

О.А. Глотова

Адмирал А.В. Развозов и его семья 132

С. Ю. Сезин

Создатель первого в России серийного танка
Николай Ильич Фонштейн 143

А.В. Бабич, А.М. Галич

«За Веру, Царя и Отечество!»:
служение православного духовенства
в период Первой мировой войны (1914-1918) 149

Г.Н. Шевченко

Сестры милосердия Кубани
в период Первой мировой войны166

В.И. Шкуро

Кубанские офицеры – Георгиевские кавалеры170

М.В. Карпов, Б.Е. Фролов

Изменения в форменной одежде
кубанских казаков в ходе Первой мировой войны.....192

Р.М. Абрамян

Военная династия князей
Аргутинских-Долгоруких198

М.И. Барзбиев

Таубии Урусбиевы – офицеры
Российской императорской и Белой армий 209

С.А. Санеев

Боевой путь канонерских лодок
Черноморского флота, названных
в честь казачьих войск России 223

К.В. Русанов

Кубанский военный врач
И.Ф. Косинов: штрихи биографии231

Сведения об авторах241

ЭКОИНВЕСТ

Отпечатано в типографии издательства «Экоинвест»
350072, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9.
Тел./факс (861) 277-92-42.

E-mail: ecoinvest@publishprint.ru
<http://publishprint.ru>

Подписано в печать 16.10.14.
Формат 60×84 1/8. Гарнитура Georgia.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 14,42 усл.-печ. л. Тираж 200.
Заказ № 1740.